

ИЗЗАТ СУЛТАН

КНИГА ПРИЗНАНИЙ НАВОИ

**Жизнь и творчество великого поэта
со слов его самого и современников**

Авторизованный перевод с узбекского

Прозаический текст перевел
АЛЕКСАНДР ЗЫРИН

Стихи перевел
СЕРГЕЙ ИВАНОВ

**ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА
1979**

ББК 83. 3Уз 1
С 89

Под редакцией
доктора филологических наук
АЗИЗА КАЮМОВА

Султан Иззат.

Книга признаний Навои: Жизнь и творчество великого поэта со слов его самого и современников. Авториз. пер. с узб./; Прозаич. текст пер.: А. Зырин; Стихи пер. С. Иванов; Под ред. А. Каюмова.— Т.: Изд лит. и искусства, 1979, 328 с.

«Книга признаний Навои» Иззата Султана — это рассказ о великом поэте, его эпохе и творчестве. Умело используя своеобразную литературную форму подачи собранного им ценнейшего материала, Иззат Султан сумел ярко воссоздать облик Навои, раскрыть богатство внутреннего мира, величие творческого подвига основоположника узбекской классической литературы, мыслителя и гуманиста.

ББК 83. 3 Уз
8 Уз 1

С $\frac{70303-237}{М 352(04)-79}$ 85—79 4603010201

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1979 г.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

1

Эта книга отличается от произведений об Алишере Навои, написанных до сих пор.

Слово для повествования о великом поэте узбекского народа, мыслителе, государственном деятеле мы на этот раз предоставляем самому Навои.

И действительно, Алишер Навои может беседовать с нами о себе самом. Только для этого ему требуется от нас поистине дружеская услуга.

В своих замечательных художественных творениях, научных трактатах, мемуарах, а также в бесчисленных письмах к современникам Навои высказал множество мыслей о своей эпохе, собственной жизни и жизни вообще, о себе как о личности, о человеке вообще. Далее, многие из тех, кто воочию наблюдал жизнь великого поэта, его современники — Абдурахман Джами, султан Хусейн Байкара, Мирхонд, Хондемир, Давлатшах Самарканди, Абдураззак Самарканди, Зайниддин Васифи, Захириддин Мухаммед Бабур и другие — в своих произведениях запечатлели очень много достоверных фактов из жизни и творчества этого выдающегося человека, его высказывания, особенности его отношений с различными людьми, а также манеру обхождения, черты его нрава и натуры. И вот, если мы соберем воедино все эти мысли и сведения, словно бы нанизав их на нить, при этом, сколь возможно, связав материал с этапами всей жизни Навои, получится труд, представляющий собой как бы личное признание, собственное свидетельство этого выдающегося человека о себе самом. Если мы, согласно древней истине: «Биография писателя — это прежде всего его произведения», будем стремиться воссоздать облик Навои как личности, опираясь на его произведения, анализируя в творческом наследии великого поэта в первую очередь то, что отражает его внутренний мир, — это может оказать большую помощь в создании такого труда и выпуске его в свет. Однако в этом, деле необходимо соблюдать меру, а также остерегаться поверхностного истолкования тех или иных мыслей, приписывания

самому поэту образа мышления людей, изображенных в произведениях поэта.

Именно на таких основах создана предлагаемая читателю книга.

В строках, написанных его высокочтимой рукой, в словах, произнесенных правдивыми устами, Навои раскрывает свое сердце. Поэтому нам представляется возможным озаглавить ее: «Книга признаний Навои».

В ходе работы над «Книгой признаний Навои» ощущалась необходимость нашего в ней присутствия. Однако наша роль здесь заключалась лишь в том, чтобы снабдить работу разъяснениями, которые облегчают современному читателю понимание сути тех или иных мыслей Навои, а также событий его жизни. Наряду с этим мы уделяли внимание четкому разграничению наших разъяснений от высказываний самого поэта, так чтобы современный читатель всегда ясно представлял себе, где говорит автор этой книги и где — Навои.

Когда приступаешь к всестороннему освещению пока еще недостаточно изученной жизни такого выдающегося человека, как Навои, нужна очень большая осмотрительность. Поскольку основополагающий принцип этой книги — на каждое событие смотреть глазами самого Навои, оценивать его суждениями, постольку при периодизации жизненного пути поэта мы придерживаемся той последовательности, какую наметил он сам в произведении «Сокровищница мыслей» («Хазайнул-маони»), получившем широкую известность под названием «Четыре дивана» («Чар-диван»): отрочество (от семи до двадцати лет), молодость (от двадцати до тридцати пяти), средний возраст (от тридцати пяти до сорока пяти), старость (от сорока пяти лет до конца жизни). Человеческую жизнь Навои уподобляет годовому циклу в природе, а ее ступени — четырем временам года. По мысли поэта, первая из этих ступеней — «весна времен жизни», вторая — «лето этих времен, исток животворящих родников молодости», третий — «осень времен, пора опадания листьев в саду жизни», наконец, четвертый — «зима времен, неуклонное... прощание человека со всем окружающим». Подобное поэтическое определение на первый взгляд привносит в периодизацию некоторую условность, однако, пристально ознакомившись с жизнью и творчеством поэта,

с восхищением убеждаешься, что такая периодизация имеет глубокую жизненную основу и каждое из «времен года» имеет характерное для него, ярко выраженное содержание.

Когда Навои было 45 лет, он писал:

В мои ранние годы — в далеком начале
Вы великие помыслы мне даровали.

Это — воспоминание о самом начале долгого пути, выражение благодарности великим учителям — Аттару, Хосрову Дехлеви, Низами.

Жизненный путь Алишера, который с молодости неустанно трудился ради осуществления «великих помыслов» — создания литературы на тюркском языке, — оказался весьма сложным:

Бывал я волей рока изнурен,
Но ведал я и милость от времен:
Жег меня зной, терзал меня мороз,
Я сладость счастья знал и горечь слез.

Жизнь мыслителя и поэта полна трудностей, причем иные из них необычайно тяжелы:

О, сколько я напастей претерпел —
Жестокий гнет напастей претерпел.
Мечом невзгод грозил мне рок-злодей,
Знал от времен я зло и от людей.

Однако Алишер наделен сильной волей, он преданный, самоотверженный рыцарь великой цели. Отвергая соблазны и личное счастье, он посвящает этому высокому стремлению свою жизнь, все ее «четыре времени:

Я посвятил им радость вешних лет,
И летних кущ моих тюльпанный цвет,
И осени печально-желтый цвет,
И зимний вечер, что от снега сед.

И вот результат: «Хвала аллаху, я достиг таких целей, каких не удалось достичь хотя бы одному из сотни моих сверстников... По мосту через долину жизни я прошел с моими целями и к завершению жизни приблизился, достигнув счастья и исполнения желаний. В сердце моем не осталось сожаления ни о чем, и мысль моя не в силах отыскать среди помыслов души хоть какую-нибудь печаль».

Однако это не означало, что великий поэт доволен своей жизнью: она, словно хамелеон, вероломно обманывала его.

Лихие знал я от небес нападки:
Бедою гнать удачу — их повадки.
Когда ж порою дни блаженства сладки,
То — лишь хамелеонские ухватки!

С одной стороны, он счастлив был тем, что, испытав тысячи мучений, осуществил свои заветные мечты, с другой — был глубоко опечален равнодушием современников, которые не сумели оценить его свершения. Готовый пожертвовать жизнью ради друзей и единомышленников, он на склоне своих дней остался в одиночестве среди чуждых ему людей. Он испытывал беспредельную гордость, потому что видел будущее с таких вершин, на которые сумел подняться только он один. Осознавшим всю важность своей исторической заслуги для этого будущего, одолевшим Гималаи столетий, чтобы воистину животворные реки подарить беспредельным долинам, тем, кто дал нам возможность черпать из своей неиссякаемой реки высоких мыслей, — таким предстает перед нами в этой «Книге признаний» светлый, чарующий облик Алишера Навои¹.

---

¹ Проф. А. Хайитметов, опубликовавший рецензию на первое издание «Книги признаний Навои» на узбекском языке, дав нашей работе положительную оценку, в то же время выразил такое пожелание: «...Нам бы хотелось, чтобы автор при освещении творческой биографии поэта более отчетливо показал, что было известно и неизвестно до него, что нового сделал он для выяснения неосвещенных сторон биографии и творчества Навои, так чтобы наглядней стал его собственный вклад в науку о Навои». Наша задача — постараться понять биографию Навои, проблемы его творчества на основе прежде всего собственных высказываний поэта, а также, в качестве дополнения, — высказываний его современников. Это задача, требующая отыскания новых источников, которые способны расширить и углубить наши представления об Алишере Навои. Что же касается всем известных фактов касательно биографии поэта, его эпохи, то они вошли в эту книгу без указания источников, из которых почерпнуты, — ссылаться на них всякий раз нет нужды. На основе рецензии проф. А. Хайитметова и статьи доктора филологических наук М. Хамраева в журнале «Вопросы литературы» (1970, № 11) во второе издание нашей книги внесено несколько дополнений и исправлений; обоим выше названным товарищам автор выражает благодарность.

ВЕСНА ВРЕМЕН ЖИЗНИ

ПОРА ДЕТСТВА И ЮНОСТИ, ДЛЯЩАЯСЯ ОТ СЕМИ — ВОСЬМИ ЛЕТ ДО ДВАДЦАТИ, — ЭТО ВЕСНА ВРЕМЕН ЖИЗНИ, БУТОН ЦВЕТКА, РОЗОЛИКАЯ КРАСАВИЦА СРЕДИ РОЗАРИЯ ЖИЗНИ. (Навои, сокровищница мыслей. Вступление).

1. РОДИНА АЛИШЕРА

Писатель, художник отличается от обычных людей, между прочим, также тем, что в его творениях события и факты жизни не просто регистрируются. Всякий раз повествование о каком-либо событии или факте проникнуто его положительным или отрицательным отношением к данному явлению, в конечном счете — к людям. Этот «фактор отношения» настолько важен, что, собственно, только он и может дать нам подлинное, совершенное, яркое представление о предмете. Жизненные явления, согретыые положительным отношением художника, его любовью, симпатией, подобно куску раскаленного железа, только что извлеченному из пламени, своим цветом, жаром, своим совершенством способны удивить нас и вызвать наше восхищение.

Ни в одном из своих произведений Навои не говорит, какую именно местность он считает своей родиной. Но среди многих и многих стран одну страну он снова и снова описывает с такой любовью, с таким душевным подъемом, что у нас создается отчетливое представление не только о его родине, но и о неизменной любви, которую поэт питал к этой своей родине с детства и до конца жизни.

Эта страна — Хорасан и Мавераннахр*. Две эти обширные области по обоим берегам Амударьи, в XV веке составлявшие одно целое и управляемые по большей части одним властителем, а также их главнейшие города Герат и Самарканд — играли в жизни Навои ни с чем не сравнимую роль и получили в его произведениях самую высокую оценку.

---

* Объяснения к словам, отмеченным здесь и в дальнейшем звездочкой, даны в «Кратком пояснительном словаре» в конце книги.

Красоту своей родины Алишер Навои выражал при помощи сильнейшего для его эпохи, возвышенного сравнения — уподобляя ее раю небесному. Своими просторами, подобными «небесной выси», а также прохладой, что «райскою негой полна», «Хорасан очаровал повелителя мира и мудреца Искандера (Александра Македонского). А покорив Мавераннахр, Искандер увидел еще одну страну, которая «краше рая». Как и все люди своего времени, Навои полагал, что «Герат (Гери)— «душу Хорасана» и несравненный Самарканд» — основал все тот же Искандер. Поэт возносил молитву о том, «чтобы прах гибели не засыпал их, чтобы жили они вечно». Вот что говорится в дастане Навои «Стена Искандера» («Садди Искандери»):

«Задавшись целью стать повелителем мира, Искандер достиг Хорасана, основал Герат, взяв Мавераннахр, построил несравненный Самарканд и направился в сторону Кашмира...

Летописец событий великих и малых
Звучным слогом дастана вот так описал их.

О надежном зимовье раздумывал шах.
И пристанищем войску избрал Карабах.

Покорить себе мир устремленьем влеком,
Был он занят делами и ночью и днем.

Он мужей разуменья сзывал на совет:
Сам премудрый, собирал мудрецов для бесед.

В безустанном труде, в помышленьи высоком
Он провидел грядущее мысленным оком..

Час урочный был назван ему небосводом,
И, зимовье покинув, он вышел походом.

Исфаганскими землями он овладел,
А оттуда пошел в Хорасанский предел.

Стала в землях Ирана сильна его власть —
Им во прахе пред ним суждено было пасть.

В Хорасанском приволье обрел он отраду.
Дол даров благодатных предстал его взгляду.

Беспредельна просторов его широта,
Все другие пределы ему не чета...

Рождены родниками, там реки взбурлили,
Чтоб зеркало души очищалось от пыли.

Там четыре реки широки, словно море,—
Их журчанье звенит и в небесном просторе.

С райским садом сроднились те земли навеки:
Им даровано благо поить его реки!..

Влага рек этих — словно живая вода:
Лишь отведай — от смерти спасен навсегда!

Вдоль потоков там — розы, зеленые кущи,
Все они — ровня Хызру*: все — вечно живущи.

Как небесная высь — тех земель ширина,
И прохлада там райскою негой полна!..

И, узрев Хорасан, что предстал его взорам,
И четыре реки с их привольным простором,

Шах промолвил: «Земля эта — райский цветник!»
И блаженный восторг в его душу проник.

И хвалил без конца этих рек благодать он,
И меж них райский город велел основать он.

И, спросив мудрецов, как назвать город-сад,
Он одобрил одно лишь название — Герат.

Звучный строй в этом имени был им отмечен,
И велел новый город Гератом наречь он.

С Искандеровых дней он зовется — Герат,
Ну а те, что попроще,— Гери говорят...

Но манили пути его снова в походы —
Одолел он Джейхуна бурлящие воды.

Там страна краше рая, куда ни взгляни,
И прохлада и воды там раю сродни.

Земли славятся райскими кущами тут,
И страну эту Мавераннахром зовут.

Та страна пролегла между водами рек,
Сто ягачей* — широких раздолий разбег.

Ограничен Сейхуном простор на восток,
Ну а западный край по Джейхуну пролег.

Две реки назовешь, а не кончен рассказ:
Их пятнадцать там, каждая — словно Арас.*

И при каждой — притоков-ручьев череда,
Тут и там вдоль по рекам цветут города.

Там меж рек есть река по прозванью Кухак,* —
С ней и райским садам не сравниться никак...

Основал там он город, и взнесшихся стен
Не коснутся вовек ни забвенья, ни глен.

Искандер Самаркандом тот город нарек,
И красотой, словно рай, он возвышен и строг.

И когда завершил он сей славный почин,
Он к Кашмиру пошел — в край индийских долин. (137—
142)¹.

Слово «родина» мы здесь берем только в значении географическом: место, где человек родился и вырос.

Если же мы возьмем слово «родина» в значении: край (также народ, его населяющий), унаследовавший славу Навои, то своею родиной он считал все местности «от Хорасана до Китая» («тюркский край»), где обитают тюркские народы, причем замечал, что слава его даже выходит за эти пределы. Вот строки из дастана Навои «Фархад и Ширин»:

Да, Низами завоевал Берда*,
Гянджу* и Рум* поверг он навсегда.

---

¹ Цифры в скобках указывают на страницы произведений (в изданиях на языке оригинала), откуда привлечены отрывки, перевод которых сделан у нас впервые либо заново. Сведения об этих произведениях и об их авторах см. в конце книги.

Хосрову дан язык был, словно меч,
Чтоб Индустан под власть свою завлечь.

Гремел набат Джами на весь Иран,
В краях арабов бил он в барабан.

Но земли ста иль тысячи племен —
Весь тюркский край — был мною покорен.

Без войн под власть мою я взял простор
От Хорасана до Китайских гор.

Не только Хорасан,— Тебриз, Шираз
Моих стихов познали сладкий глас.

И люб был душам тюрок этот плен,—
Не только им, но и сынам туркмен.

Я свой указ тем странам возвестил,
Над ними власть «Диваном»* возвестил.

Стал мой «Диван» владыкой этих стран,—
Не знал подобных книг ничей диван!*

И книг таких немало я создал —
От века небывалое создал!.. (414—415).

В последних шести строках речь идет о том, что широко известность завоевал первый из созданных поэтом диванов. «Книг таких» — здесь имеется в виду «Пятерица» («Хамса»). «Фархад и Ширин» (год написания 1484) — один из пяти дастанов «Пятерицы». Таким образом, из приведенных строк явствует, что своею родиной в широком смысле слова поэт считает все местности, где распространялась его слава, притом среди них особо выделяет «тюркский край» («тюркский улус») «от Хорасана до Китая», подчеркивая, что он «воистину мой».

Сам Навои недвусмысленно говорит о своей особой приверженности из всего «тюркского улуса» именно к узбекам. Вот строки из книги газелей «Чудеса детства» («Гароибус-сыгар»):

Пусть шах — в атласе и в венце, мне дорог вид иной:
Узбек мой ходит в колпаке, и люб халат ему (203).

Эти строки, наряду с другими свидетельствами, служат подтверждением того, что Навои принадлежит прежде всего узбекской народности. (Под словами «наряду с другими свидетельствами» мы имеем в виду, например, такой факт: племя барлас, откуда родом Навои, также вошло в состав нынешней узбекской нации.

Современники также отмечали заслуги Алишера Навои перед всем «тюркским улусом» и особенно перед узбекским народом. Эти притязания Алишера современники считали обоснованными. Из их числа Мухаммед Захириддин Бабур, выдающийся государственный деятель и поэт, также писавший на «тюркском» (т.е. староузбекском) языке, характеризует Навои как поэта, по сравнению с другими написавшего «много и превосходно». При этом он говорит, что нет различия между языком произведений Навои и языком жителей Ферганы, которые говорили на тюрки (староузбекском языке).

Приведем соответствующее место из «Бабурнаме»: «Область Фергана расположена в пятом климатическом поясе... Здесь семь городов, из них пять на южном берегу реки Сейхун*, два на северном берегу. Вот города на южном берегу: Андижан, находящийся посредине,— столица Ферганы... Жители его — тюрки. В городе и на его базаре нет человека, который не знал бы тюркского языка. Говор его жителей одинаков с литературным языком. И потому сочинения Мир-Алишера Навои, хотя они создавались в Герате,— на этом языке» (50—60). «Алишер-бек был человек бесподобный. С тех пор как на тюркском языке слагают стихи, никто не слагал их так же много и хорошо, как он» (233).

В приведенном выше поэтическом отрывке строка: «И люб был душам тюрков этот плен,— не только им, но и сынам туркмен», — свидетельствует, что Навои слова «тюрки», «тюркский язык» употреблял, как и Бабур, в смысле: узбеки, узбекский (т.е. староузбекский) язык. Навои отличал «тюркский язык» от «румского» (т.е. языка турок Малой Азии, Анатолии) и от туркменского. В произведении «Ветерки любви» («Насоимулмухаббат») он пишет: «Саид Насими — из стран, тяготеющих к Ирану и Руму. Он слагал стихи на языках

румском и туркменском... Для населения упомянутых стран до сих пор нет чьих-либо стихов, которые можно было бы противопоставить его стихам» (182).

2. «ЗАХОЧЕШЬ В ГЛУБЬ ИСТОРИИ ВЗГЛЯНУТЬ...»

Судьба и заслуги каждого выдающегося человека предопределяются, во-первых, предшествующими его рождению историческими обстоятельствами, во-вторых, — конкретной средой и общественными потребностями его эпохи. Наряду с этим, выдающийся человек добивается исполнения долга, историей возложенного на его плечи, и оправдывает свою славу знанием истории своей страны и любовью к ней.

Чтобы постичь личность и судьбу Навои, нужно вспомнить, какие крупные события произошли в стране до его появления на свет, события, оставившие след в жизни страны и в судьбе великого поэта. Из произведений самого Навои мы узнаем только отрывочные сведения. Поэтому «исторический экскурс», необходимый в этом месте нашего повествования, мы можем осуществить лишь на основе данных современной исторической науки. Что же касается отпечатка, который эти события оставили в литературе и в культурной жизни народов Мавераннахра и Хорасана, то здесь отчетливые соображения высказывает сам Навои.

Великий поэт очень интересовался историей своей страны, стремился из истории всего человечества извлечь уроки для людей своей эпохи — все это мы ясно увидим, анализируя его творчество. И властителей своего времени Навои призывал изучать историю, внушал им необходимость извлекать из истории полезные выводы. Приведем строки из дастана «Фархад и Ширин» (обращение к царевичу Шах-гарибу):

Захочешь в глубь истории взглянуть —
Увидишь, кем какой был избран путь:

Что делали властители земли —
В каких заботах век свой провели,

Кто справедлив был, чей был гнет жесток,
Кто в мире чем себя прославить смог,

Кто всей стране во славу труд свершал,
Кто над страной неправый суд свершал,

Величье странам — от каких забот;
Чьей волей благоденствует народ?..

И если в мыслях, высказанных мной,
Найдешь ты добрый смысл, а не дурной,

В них, несомненно, ты в недолгий срок
Найдешь и для своих деяний прок.

А будет польза — ты наедине
Почтишь мой дух молитвой обо мне. (406—407).

Помимо обращения к историческому материалу в художественных произведениях (например, «Стена Искандера»), Навои писал также собственно исторические труды. Навои — автор таких сочинений, как «История властителей Аджама» («Тарихи мулюки Аджам»), «Собрание избранных» («Маджалисун-нафаис»¹, антология по истории литератур), «История пророков и мудрецов» («Тарихи анбия ва хукама»), «Ветерки любви» («Насаимул-мухаббат», жизнеописание суфиев — мистиков и поэтов), — стремился выразить свое отношение к важным историческим событиям, сохранить для грядущих поколений замечательные факты и явления из прошлого своей страны.

Период истории Хорасана и Мавераннахра, именуемый эпохой Тимура и тимуридов, вызывал у Навои несколько преувеличенное восхищение и гордость, ибо это была эпоха, когда власть перешла в руки представителей «тюркского улуса», эпоха прогресса культуры и литературы тюркоязычных народностей. В самом деле, история Хорасана и Мавераннахра в ту эпоху подготовила почву для появления гениального поэта, и Навои ощущал тесную органическую связь между эпохой и собственной судьбой, своей исторической миссией.

Навои родился в год, когда исполнилось 35 лет со времени смерти Тимура. А в течение тридцати пяти

---

¹ Согласно обычаю эпохи, Навои своим произведениям давал арабские или персидские наименования. Даже книгу о тюркском (староузбекском) языке — «Суждение о двух языках» — он назвал по-арабски («Мухакаматул — лугатайн»).

лет, предшествовавших этому тридцатипятилетию (годы 1369—1405), великая держава, именуемая «империей Тимура», успела и возникнуть, и распасться.

«Империя Тимура» не возникла исключительно благодаря энергии его сподвижников, принадлежащих к тому же классу, что и сам Тимур. В создании этого государства большую роль сыграло выступление народа против монгольских поработителей. Прежде чем прийти к власти, нужно было прогнать монгольских захватчиков — потомков Чингисхана, сто пятьдесят лет правивших страной. Народ вел против монголов непрекращающуюся борьбу, и в этой борьбе порой одерживал крупные победы. С давнего времени в Хорасане и Мавераннахре не утихало так называемое движение сарбадаров*. На какое-то время это движение одержало победу в Хорасане, где появилось «Государство сарбадаров», по своему характеру весьма демократическое для того времени. Движение сарбадаров оказывало сильное влияние также на население Мавераннахра.

Тимур, правитель небольшой области — Шахрисабза, хорошо зная положение в стране и думая о последствиях происходящих в ней процессов, должно быть, решил, что настал подходящий момент, для борьбы за престол и смело начал борьбу за власть над всею страной. Его жажда властвовать, проницательность, безграничная энергия, необузданная жестокость, готовность на пути к осуществлению своей цели не брезговать ничем, в короткий срок превратили его в одного из сильнейших полководцев Мавераннахра. В 1368 году Тимур захватил Самарканд. Осенью того же года он бежал из Самарканда, опасаясь возвращения туда монголов. В 1369 году Тимур, пообещав народу мир и справедливость, снова овладел самаркандским престолом и уж после этого удержал власть, устранив и монголов, и тех, кто ратовал за свободу, и всех иных претендентов на престол. Он вел долгую и упорную борьбу против сарбадаров, расчистивших ему путь к престолу, и наконец в 1381 году окончательно подавил их движение в Мавераннахре; полностью избавившись таким образом от «хлопот» внутри страны, он получил возможность поработать другие страны. Совершая походы в Иран, Афганистан, Индию, на Кавказ, в Малую

Азию, Тимур одерживал все новые и новые победы. В итоге на громадной территории от границ Китая до Сирии возникла «империя Тимура». В конце 1404 года он повел в поход двухсоттысячное войско для завоевания Китая и в начале 1405 года внезапно умер в Отра-ре (близ нынешнего города Туркестана).

После смерти Тимура его держава начала медленно распадаться на мелкие независимые владения; борьба за престол между тимуридами еще более ускорила этот процесс.

Порабощение других стран занимало важное место в государственной деятельности Тимура. Наряду с этим, Тимур успел сделать многое для хозяйственного и культурного подъема своей страны. Захватывая другие страны, он, помимо целей грабежа, имел также намерение благоустроить свое владение — Мавераннахр. К примеру, одной из целей неосуществившегося похода на Китай было восстановить связывающий Запад и Восток торговый путь (каким он был до VIII века), повернув его в направлении Малой Азии, а это могло бы сыграть большую роль в экономическом подъеме Мавераннахра.

Если же мы теперь обратимся к внутренней политике Тимура, то, по словам Карла Маркса, «... он дал своему новому царству государственное устройство и законы, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые по его приказам совершали татарские орды»¹.

Взор Алишера Навои — историка — обращен не на «зверства и дикие разрушения», а на «государственное устройство и законы», созданные Тимуром для своего нового государства. Навои дает Тимуру весьма положительную оценку. Для Навои он «покоритель мира, великий государь, обладатель престола Тимур-Кураган»². Выражение «из потомков Тимура» в его устах

¹ Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VI., М., 1939, с. 184.

В европейской исторической литературе войска Тимура обычно называли «татарскими ордами». Точно так же в Европе «татарами» ошибочно называли монголов и их потомков в Средней Азии. Все это не имеет никакого отношения к татарскому народу в современном смысле этого названия.

² В своей политической карьере Тимур стремился использовать укоренившиеся в сознании народа авторитет Чингисхана,

было самой высокой похвалой того или иного из современников («Султан Улугбек, из потомков Тимурбека» — именно такими словами начинает Навои характеристику великого астронома и государственного деятеля).

Как писатель и человек мыслящий Навои в государственной деятельности и натуре Тимура отыскивает такие качества, которые служили культурному развитию страны. По мнению Навои, приход к власти Тимура и тимуридов — т.е. аристократии из среды местных тюркских народов — явился причиной интенсивного развития в Хорасане и Мавераннахре литературы на тюркском (староузбекском) языке. Художественная литература, в эпоху господства арабской знати, развивавшаяся на арабском языке, дала миру крупных писателей и «царей слова» (по-арабски — «маликуль-калам»). После того как в некоторых странах власть перешла в руки сартов*, т.е. народов, говорящих на персидско-таджикском языке, появились поэты персоязычные («фарсигуй»), многие из которых сделали классиками. Когда же власть от арабов и сартов перешла к тюркским султанам, появились поэты, пишущие «на языке тюрков». В трактате Навои «Суждение о двух языках» читаем:

«И суть еще вот в чем: пока держава была во власти арабских халифов и султанов, в те времена небо ниспослало сияние пишущим стихи на арабском языке, и тогда появились такие властители слова и повелители речи, сведущие в красноречивом изъяснении мыслей, как Хассан Сабит и Лакит, которые на своем языке создали изумительные творения на ниве поэзии. В связи с этим надо сказать, что и такие арабские властители, как Ибрахим Махди, Мамун Халифа, а также их потомки слагали касыды* из блестящих стихов и с пользой послужили делу.

Поскольку в некоторых краях и областях державы правители сартов приобрели самостоятельность, именно вследствие этого появились поэты, писавшие по-

---

а также страх перед ним. С этой целью он дважды брал себе жен из потомства Чингиса. Одна из них была дочерью Казанхана, потому со времени женитьбы на ней Тимур получил титул: Кураган («зять», т.е. зять Чингисхана).

персидски. Таковы создававшие касыды Хакани, Анвари, Камал Исмаил, Захир, в также Салман; в жанре маснави* — наставник наук Фирдоуси, избранник времен шейх Низами, индийский чародей Мир-Хосров в жанре газели — провидец времен шейх Муслихиддин Саади, единственный в веках Ходжа Хафиз Ширази. Выше уже приводилось их восхваление и было приложено перо к их оценке. Нет нужды продолжать эти речи, и люди разумения считают излишним на это направлять перо свое...

Когда же держава от правителей арабов и сартов перешла к тюркским ханам, то, после эпохи Хулагу-хана, со времени султана Сахибкырана* Тимура Курагана и до конца эпохи наследовавшего ему сына его Шахрух-султана, появились поэты, писавшие на тюркском языке. А от потомков и сыновей этого благословенного произошли правители, имеющие склонность к поэзии, тюркские поэты — такие, как Саккаки, Хайдар Хорезми, Атаи, Мукими, Якыни, Амири, Гадаи. Людей же, равных вышеназванным персидским поэтам, среди них не было, за исключением одного Мавлана Лутфи...» (128).

Таким образом, процесс перехода власти к тюркским феодалам, начавшийся при Хулагу и завершившийся при Тимуре и тимуридах, сыграл, по мысли Навои, решающую роль в судьбах узбекской литературы.

Нельзя также забывать, что в развитии тюркоязычного литературного и культурного движения определенную роль сыграл пример представителей правящего сословия, занимавших в обществе особое положение. В условиях феодализма для совершенствования в поэзии при дворе властителя — в этом центре культурной жизни — нужно было обладать разносторонними возможностями. В таких обстоятельствах огромное значение имело то, как властитель относится к литературе, к людям науки и искусства. По мнению Навои, у Тимура и тимуридов внимание к литературе и искусству сделалось традицией. В своей книге «Собрание избранных» («Маджалисун нафаис»), он открывает специальную (седьмую) главу, давая краткие характеристики тем правителям из числа тимуридов, которые ценили поэзию, имели склонность к поэзии, а в ряде

случаев и сами слагали стихи. Вот отрывок из этой главы:

«Халил-султан... он тоже складывал стихи. Так что Ходжа Исмагуллах написал касыду о его диване... Улугбек-мирза был мудрым повелителем. Его совершенства были многочисленны. Наряду с (другими) превосходными качествами, он временами имел склонность и к поэзии... Абдуллатиф-мирза был человек желчного нрава, маньяк, придурковатый... имел склонность к стихотворству, написал много стихов... Саид Ахмед-мирза был человек высокоодаренный и весьма рассудительный. У него есть очень известные стихи. Есть у него диван, содержащий газели и маснави на тюркском и персидском языках. В жанре маснави он написал «Латафат-наме» («Книга изяществ»)»...» (174).

Однако занятия тимуридов поэзией носили дилетантский характер. По словам Навои, многочисленные правители-тимуриды не выдвинули из своей среды значительных поэтических талантов, кроме Бабура и Хусейна Байкары.

Выдержка из «Суждения о двух языках»: «Правители же, сколь их ни было, никаких (значительных) произведений не создавали, и не осталось (от них) ничего достойного начертания на листках судеб. Следующие стихи не есть произведения таланта кого-либо из них, кроме султана Бабура:

Едва увижу я твой лик, меня объемлет страсть,
Перед тобой, о божество, готов я жертвой пасть...

И так до нынешних времен... когда на престоле мироправства восседает... Абдулгази-султан Хусейн Бахадур» (129).

Таким образом, для периода истории Хорасана и Мавераннахра, именуемого «эпохой Тимура и тимуридов», были характерны три важные тенденции: попытки народа высвободиться из-под власти феодалов, стремление тюркских феодалов захватить власть и удержать ее в своих руках, стремление тюркской (староузбекской) интеллигенции к широкому развитию литературы и культуры на своем родном языке. Эта последняя тенденция была сильна также среди царевичей — потомков Тимура.

Перечисленные три тенденции нашли отображение в судьбе Алишера Навои, в его исторической миссии.

3. ГЕРАТ. РОДИТЕЛИ АЛИШЕРА

9 февраля 1441 года. В Герате — столице Хорасана — появился на свет Алишер Навои. В книге «Добрые нравы» («Макаримул-ахлак») историка Хондемира, младшего современника и ученика Навои, читаем: «...В эпоху высокопоставленного хакана Шахрух-султана в цветущем краю почестей и счастья произрастает дерево, дарующее плоды благополучия и надежды, в небесах возвышения и величия сверкает звезда, высветляющая глаза благоденствия и счастья.

Бейт:

Сад сердца ожил — в нем цветет весна,
На небесах души взошла луна.

Другими словами, высокопоставленный муж, славный происхождением, указующим верную дорогу, природою чистый, безгрешный помыслами, оплот власти, столп государства, помощник правления Хакана, приближенный его светлости султана (Хусейна Байкары) 17-го числа месяца рамазана в год курицы 844-й из мира небытия ступил в мир бытия, осветив лик земли красною своей и сияньем лика своего» (21).

Из книги «Сады наслаждения» («Равзатус-сафа») историка Мирхонда, современника Навои: «Дед Амира Алишера был кукельташем* Умар-шейха, сына эмира Тимура» (48).

Из книги «Собрание поэтов» («Маджмуатуш-шуара») Давлатшаха Самарканди, историка литературы и поэта, современника Навои: «Высокопоставленный отец этого прославленного эмира (Алишера) был из числа знаменитых людей своего времени, выдающимся деятелем Чагатаева владения» (67).

Младший современник Навои Захириддин Мухаммед Бабур пишет в своем труде «Бабур-наме»: «...Алишер-бек (в сущности) не был беком (у султана Хусейна), но был (его) сотоварищем» (233).

Мирза Мухаммед Хайдар, автор хроники «История Рашида» («Тарихи Рашиди») указывает: «Родом он

(Алишер) из уйгурских бахши, его отца называли: малый бахши, он был из простых людей» (121). Следует сказать, что в XV столетии уйгурский и тюркский (староузбекский) считались наречиями одного и того же языка, соответственно поэтов относили одинаково к обоим языкам и народам. Например, Навои относит Саккаки и Лутфи к обоим языкам, однако указывает, что один был более известен в Туркестане, другой — в Хорасане и Ираке: «И если говорить об искусстве в словах уйгуров и совершенстве в речи тюрок Мавлана Саккаки и Мавлана Лутфи... один, прославленный сладостными бейтами, особенно недосыгаем в Туркестане, другой — распространением прелестных газелей — в Ираке и Хорасане: они также составили диваны» (Предисловие к «Бадаеул-бидая»).

Если взять в расчет, что слово «кукельташ» в действительности означало: родственник тимуридов, да еще вспомнить, что к имени Дервишали, младшего брата Алишера, во многих источниках того времени (к примеру, в сочинениях Хондемира) прибавляется «кукельташ», то как будто можно утверждать, что семья, где родился Алишер, пусть отдаленно и условно, состояла в родственной связи с тимуридами. Однако примечательно то, что сам Навои, считавший необходимым постоянно указывать на свою близость к тимуридам, особенно к Хусейну Байкаре, нигде не употребляет слова «кукельташ» или какое-нибудь иное обозначение родства.

В предисловии к собранию своих первых стихов «Диковины истоков» («Бадаеул-бидая») Навои, говоря о близости семьи его родителей к династии тимуридов, специально подчеркивает, что он «от отца-матери и до седьмого колена» «простой слуга высокородной династии:

Отец причастен был к тому порогу,
А мать — в саду служила понемногу.
Да будь ты соловьем или вороной,
Мне все едино: был бы сад зеленый!» (461).

В то же время как будто нет оснований слова Навои «...если же считать от отца-матери до седьмого колена — ближайший слуга этой высокородной дина-

сти, рожденный в лоне высокого дворца», истолковывать в смысле кровного родства. Более близки к истине слова Бабура о том, что Алишер был «сотоварищем» государя, а также указание Мухаммеда Хайдара, что отец Навои был «бахши». В данном случае слово «бахши» означает: служитель канцелярии. Слово «бахши», древнеиндийского происхождения, издавна распространилось среди многих тюркских, а также монгольских народов. Современное туркменское багшы — певец, сказитель; современное монгольское баг — учитель. Следует также помнить, что слово «уйгур» в понимании Мирзы Хайдара — наименование не народа, а скорее одного из тюркских племен. В таком же значении употребляет это слово и Навои. К примеру, позже, высказывая мысли о правлении Хусейна Байкары и перейдя к тому, что при дворе этого государя представители каждого из племен занимали соответствующий ранг, он среди племен упоминает также уйгуров: «Во множестве присутствовали благородные и превосходные люди высоких степеней того времени, благонравные казии и богословы круговращения времени, царевичи из рода Тимурова, свободолюбивые барласы, возводящие в высокий сан, именуемые: арлаты, имеющие обычай весело проводить время, тарханы, высокостепенные кыяты, прославленные постоянством кунграты, «уйгури», известные как бахши, еще добрые певцы уйгуры... и каждому была поставлена цель, каждому, согласно его степени, оказано царственное гостеприимство и обхождение, каждый был возвеличен соответственно его занятию» («Вакфия», 159—160).

В других местах Навои, хотя и не говорит четко, в каком именно ранге состояли его предки при дворе тимуридов, однако указывает, что в ранге во всяком случае высоком. Вот что сказано о службе его предков при дворе предков Хусейна Байкары (из книги «Вакфия»): «...Дед и отец этого смиренного (т.е. Навои) на службе у предков сего высочества состояли в большом сане, на высокой могущественной ступени» (160).

Во всяком случае ясно, что родители Алишера то ли в результате долгой и преданной службы, то ли в силу кровного родства были весьма близки тимуридам и в их кругу считались своими людьми. Потому-то

исторических источниках многократно повторяется, что тимуриды с самого начала проявляли большую заботу об Алишере. В книге «Добрые нравы» читаем: «Достославный отец Сахибкырана (Хусейна Байкары) Султан Гыясиддин Мансур, счастливый государь Мирза Султан Мухаммед Байкара, прочие их приближенные и родственники неизменно присматривали за сим бутонем цветка величия (т.е. за маленьким Алишером) глазами нежности и сострадания, изъявляя добро словами, отмеченными вдохновением, воспитывали его с любовью и милосердием» (22).

Год 1442-й. Происходят события, опасные для судеб государства. По свидетельству историка Абдураззак Самарканди (в его труде «Восход двух счастливых звезд и слияние двух морей» — «Матлаус-садайн ва маджмаул-бахрайн»), один из тимуридов, Абусаид, «постоянно выражал намерение захватить государство Хорасан» (309б).

Абдуллатиф, претендовавший на столицу Мавераннахра (Самарканд), затеяв распрю со своим отцом Улугбеком, прибыл вместе со своею бабкой и опекуницей Гавхаршад-бегим к своему деду в Герат.

В детские годы Алишера Герат, при владычестве тимуридов превратившийся в один из крупнейших и красивейших городов, и Самарканд, благодаря своему местоположению и славе, одно время бывший столицей Тимура, соперничали между собой.

Своим сыновьям и внукам Тимур оставил исключительно богатое наследство. Его составляли не только золото и тому подобные драгоценности из покоренных и ограбленных стран.

Приведем факт, свидетельствующий о том, какими богатствами обладали тимуриды. Как пишет историк Абдураззак Самарканди, когда в 1448 году Улугбек с целью овладения престолом взял Герат, другой претендент Алауддавла вынужден был оставить столицу и бежать. В гератской крепости Ихтиярддин Улугбек нашел 4 тысячи туманов (около 20 миллионов рублей), принадлежащих Алауддавла, и еще 200 туманов (около миллиона рублей), принадлежащих другому царю

вичу — Абдуллатифу.¹ Если принять в расчет, что Улугбек привел к Герату 90 тыс. воинов, можно составить определенное представление как о доходах, так и о расходах тимуридов. У себя в государстве Тимур собрал из многих частей мира людей науки, искусств, ремесел. Потомки Тимура, используя это бесценное наследство, а также таланты и труд местных народов, добились такого расцвета культуры, о каком Тимур не мог и помыслить. Самарканд и Герат сделались культурными центрами страны. Все это «богатство одушевленное и неодушевленное» распространялось также по многим другим большим и малым городам Хорасана и Мавераннахра, много людей ученых и искусных продолжали свою творческую деятельность при дворах беков и султанов в вилайетах*.

Рост культуры при дворах правителей и неуклонное ухудшение положения широких трудовых масс — этот двусторонний процесс — был характерен и для Самарканда, и для Герата.

Герат — город, где началась жизнь Навои. До последних дней жизни в его сердце сохраняются о Герате самые лучшие, самые теплые воспоминания. По мнению Навои, «солнце водительство судьбой, счастьем» Герата, расположенного в «четвертом поясе» земли, то есть в самых прекрасных ее местах, и как небеса поделены на семь уровней, так и земля — на семь «климатов», а в ее центре — Хорасан, и Герат — душа Хорасана.

Вот строки из дастана «Стена Искандера».

Ширь четвертого пояса — земли Герата,
И звезда его — солнца горящее злато!

Семь планет различают в небесных высотах,
Знают семь поясов и в наземных широтах.

Над планетами солнце сверкает багряно,
Всех земель несравненной — земля Хорасана!

Хорасану Герат как душа в его теле,—
Быть основой телу дано не душе ли? (140—141).

---

¹ Бартольд В. В., Улугбек и его время.— Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, с. 151.

Здесь же Навои желает народу мира и благоденствия, как Герату — милости (солнца):

И доколе на небе сияет светило,
Небу солнечным светом даруется сила.

Хорасан да не знает, как солнце, извода,
Да не будет от неба вреда для народа! (141)

Если мы примем во внимание, какую оценку Герату давал Бабур, то должны будем признать, что эти высказывания и пожелания — не только поэтические украшения, но выражение почета и любви, которых был достоин Герат — предмет гордости современников.

В «Бабур-наме» читаем: «И (поскольку) в обитаемой четверти земной поверхности нет (другого) такого города, как Герат... мне очень захотелось его увидеть» (252).

В своих произведениях «Ветерки любви» («Насаимул-мухаббат») и «Собрание избранных» («Маджалисун-нафаис») Навои дает краткие характеристики прославленным ученым, поэтам, людям, искусным в ремеслах, жившим в Герате.

В первую очередь привлекает внимание даже не то, что подобных людей было много, а скорее то, что они в равной степени обладали знаниями из самых различных областей, были людьми разносторонними. Многие ученые, помимо того что достигли совершенства в области рациональных и богословских наук, проявили также большие способности в области практических знаний, как, например, в медицине. Еще одно качество таких ученых и поэтов в том, что нередко они добивались и определенной степени совершенства в музыке, в музыковедении.

Из «Собрания избранных»: «Ходжа Абульвафай Хорезми... Народ Хорезма за небесную чистоту называл его земным ангелом. Также Ходжа изучал светские и мистические науки. Есть у него хорошие сочинения и в области суфизма. Известно, что знал он и (другие) занимательные науки... Были у него способности также в исполнительстве и в теории музыки... Каждый, кто захочет поведать о Ходже, должен будет написать целую книгу, да еще неизвестно, поместится

ли в ней (все)... Мавлана Яхья Себак — один из самых одаренных в Хорасане, искусный во многих науках и знаниях... Мир-Ислам Газзали... изучил светские науки, при этом был человеком мирским, чуждым аскетизма. У него были способности к медицине и философии. Бывал он также в собраниях султанов и правителей. Обладал утонченным талантом, занимался также поэзией... Мавлана Мухаммед Алим — из ученых людей Самарканда. Он был соучеником и собеседником Улугбека-мирзы. Однако был человеком наглым, дерзким и злобным, в споре часто отвечал дерзостями... Мавлана Сахиб Балхи был искусен в науке о стихосложении, несмотря на это достиг совершенства в исполнительстве и музыкальной теории. Он сам перекладывал на музыку свои газели, что является доказательством его одаренности. Среди его творений знаменита мелодия «Чаргах». Рассказывают, что Джуги-мирза (сын Улугбека — И. С.) в своих собраниях, кроме нее, не велел ничего исполнять...» (11—18).

Люди, охарактеризованные здесь Алишером, не входили в число наиболее почитаемых и прославленных в Хорасане. Украшением Герата в период рождения Навои были — один из классиков персидско-таджикской литературы, ученый-энциклопедист Абдурахман Джами; поэт, философ и религиозный деятель Амир Касым Анвор; «маликуль-калам» («государь слова») Лутфи; прославленный историк, составивший описание Тимуровых походов, Шарафиддин Али Йезди; занимавшийся при дворе Шахруха составлением хроник и дипломатией Абдураззак Самарканди; философ и поэт Саид Хасан Ардашер; один из будущих наставников Алишера — Табадкани.

В сочинении «Собрание избранных» — своеобразном поминальнике всех тех, о ком он слышал или кого знал с детства, Навои пишет: «Маджлис первый. Упоминание обо всех высокородных и уважаемых людях, при завершении благородного века коих (я) сей бедняк уже был, но общения с коими не удостоился. В их числе вступивший на путь постижения бога, познавший тайны высокочтимый Мир Касым Анвор...» (8). «Мавлана Шарафиддин Али Йезди. Совершенство его признано всеми людьми... Из его произведений наиболее известны толкования к касыде «Бур-

да» и «Асматуллах» («Имена аллаха»), а также хроника «Зафар-наме» («Книга походов»). Он также собрал сведения об искусстве муамма* и изложил их в произведениях «Хулал» («Шелковый»), «Муназара» («Состязание») и «Мунтахаб» («Избранные»). По своим добродетелям и щедрости Мавлана — выше описаний... Мавлана Мухаммед Табадкани... был столпом своего времени... Он написал мухаммас* на касыду «Бурда» и толкование на «Маназилус-саирин» («Прибежище путников») его святейшества, приближенного достойных внимания, Ходжи Абдуллаха Ансари, совершенства же достоинств его (произведения) не поддаются истолкованию... Мавлана Абдураззак... был приятным собеседником, в совершенстве изучил светские науки, достоинства его также были превосходны, особенно в исторической науке, где он создал много трудов и был знаменит. Каждый, кто пожелает узнать его способности в этой науке, узнает это из его исторических сочинений... Мавлана Лутфи... был для своего времени царем слова, непревзойденным (в стихосложении) как на тюркском, так и на персидском языках... Саид Хасан Ардашер... (я) сей бедняк столь совершенного человека не видел среди тюрок и сартов. В молодости он овладел светскими науками, но более был склонен к отшельничеству. Он был хорошо осведомлен в суфизме... Порой он писал стихи на обоих языках (тюркском и персидском)...» (30—68).

Из приведенных выдержек ясно, что в детские годы Навои Герат поистине был городом поэтов. Они стремились выявить свое высокое дарование во всех родах поэзии: в области поэтического повествования — маснави, философского рассуждения — касыды, в области газели, которая использовалась чаще всего для выражения любовной страсти, наконец, в монументальном жанре традиционной «Пятерицы» («Хамса»).

Еще строки из «Собрания избранных»: «Мавлана Катиби был (человек) бесподобный для своего времени. К какому бы жанру поэзии он ни обращался, всюду (им) проявлялись очень своеобразные мысли. Пожалуй, особенных успехов он достиг в сочинении касыд, из которых многие получились удачными. У него есть и маснави, например: «Тажинсот» («Омонимия»), «Зул-Бахрайн» («Двухразмерный»), «Зул-Ка-

фиятайн» («Двухрифменный»), «Хусн ва ишк» («Красота и любовь»), «Насыр и Мансур», «Бахрам и Гуландам». Но его диван газелей и касыд более известен и получился удачнее. В конце жизни он приступил к составлению «Хамсы»... Мавлана Ашраф был похож на дервиша, человека неудачливого. С людьми он общался довольно мало. Более всего времени тратил на сочинение «Хамсы»... Мавлана Арифи был весьма одаренный, красноречивый поэт. Современники называли его вторым Салманом¹ как за его стихи, так и потому, что он плохо видел... У него есть поэма-маснави в форме спора «Гуй ва човга» («Мяч и човган*»), она сочинена очень хорошо... Есть у него и диван газелей» (12—24).

Очень примечательно, что в годы детства Навои в среде поэтов Герата и за его пределами довольно широко распространилось сочинение стихов на тюркском — староузбекском — языке. Читаем в той же книге: «Мавлана Тутби... был человек веселого нрава. Он быстро слагал стихи по-тюркски и по-персидски. Известны его следующие тюркские строки:

Сравнит себя роза с любимой моей —
Сорви лепестки ее, ветер,— развей!

...Мавлана Наими — родственник Мавлана Кутби. Дарование у него было неплохое. У него была склонность к сложению тюркских стихов... Мавлана Хаджи Абульхасан — тюрк; ...занимаясь науками, он достиг некоторых успехов. Он имел хорошие способности и потому занимался сложением стихов... Он преуспел в области муамма» (26). «Ходжа Мудхаллид — один из хорасанцев, был человеком веселого нрава... Из числа знатных людей немного осталось, кого бы он не высмеял и не вышутил в стихах или муамма» (56). «Мавлана Якыни был человек довольно тяжелого нрава. Он слагал стихи по-тюркски и по-персидски... Мавлана Мукими был родом из Герата... Его язык — тюркский...» (62—63).

---

¹ С а л м а н — знаменитый поэт, он имел слабое зрение. Навои помещает Салмана в плеяду самых крупных поэтов, писавших по-персидски, — Хакани, Анвора, Фирдоуси и т.п.

Навои, с похвалой оценивая то, как Тимур и тимуриды относились к положительным наукам и изящным искусствам, указывает, что из их среды также вышли видные поэты, причем он особенно выделяет Хусейна Байкару и Абдлькасыма Бабура. Среди поэтов и ученых мы видим людей из числа Тимурова потомства, которые, отказавшись от политической деятельности, посвятили себя науке, искусству, литературе. Один из них — поэт и историк литературы Давлатшах, второй — Мухаммед Салих. В «Собрании избранных» читаем: «Амир Давлатшах — племянник Фирузшах-бека, сын Амира Алауддавла Исфараини. Сила и величие Фирузшах-бека перед людьми всего мира — ярче солнца, и описывать его нет нужды... Однако же Амир Давлатшах — человек одаренный, склонный к дервишеству, весьма праведный. Он отказался от унаследованных от предков положения эмира, внешнего великолетия и роскоши, уединился, живет в бедности, удовлетворившись долею земледельца, проводит дни, совершенствуясь в науках и искусстве. Об этом здесь вкратце написано. Он сочинил книгу «Мажмауш-шуара» («Собрание поэтов»); каждому, кто с ней ознакомится, станут ясны способности и совершенства ее автора» (147). «Мухаммед Салих — соответственно имени взял поэтический псевдоним — тахаллус* — Салих, в переводе с арабского означающий «Праведный», «Честный». В его натуре есть наблюдательность и чувство вкуса...» (150).

В том же своем сочинении упоминает, наряду с пришедшими в науку и поэзию царевичами, сыновьями правителей, также людей «среднего слоя», подобных поэту Биннаи и, наконец, занятых различными ремеслами представителей простого народа. С Биннаи мы познакомим читателя впоследствии, а сейчас отметим тех, кого Навои в «Собрании избранных» упоминает в качестве занимавшихся различного рода ремеслами и при этом склонных к поэзии (все это люди, более или менее заметные в детские годы Навои).

«Мавлана Кадими — прославился игрой на барабанах, однако имеет и склонность к поэзии... Мавлана Зайн — занимался изготовлением кисетов. Его также знали как одного из весельчаков своего времени... Мавлана Мир Аргун — занимался шитьем шатров. Он был

из числа острословов былого времени. Кроме этого, из поэтических жанров был более склонен к сочинению муамма... Мавлана Зулали — гератец... Занимается продажей крученых ниток. Из родника его таланта исходит прозрачная и чистая вода поэзии, поэтому дан ему тахаллус «Зулали»¹ (25—87).

Приводимые в «Собрании избранных» отрывки стихов разных поэтов (по большей части это, выражаясь языком поэтов эпохи Навои, «матла», т.е. начальные, вступительные строки произведений) до известной степени дают представление о том, какова была идейная направленность поэзии в Герате и стране в первую четверть XV столетия. Почти все приводимые Навои стихотворения — по своему характеру мирские, земные, при том демократичные. Два цитируемых в «Собрании избранных» тюркских матла «царя слова» Лутфи свидетельствуют о содержании и духе всей поэзии Герата:

Коса любимой вьется по спине,
А все ж она длинней спины вдвойне!

Еще одно:

Кудрями милой оплетен, я двинуться не смею:
Накинута со всех сторон арканы мне на шею! (61).

Два других матла, из персидских стихов того же Лутфи, являются: один — обращением поэта к своей возлюбленной, прославлением ее красоты, другой — поэтическим рассуждением о красавицах:

Во тьме твоих кудрей закрыто тенью солнце,
И уступила путь луна горенью солида...

Зачем сердцам влюбленных девы Чина*?
Не лучше ль те, что мучат беспричинно? (62).

Здесь же Навои далее пишет: «Мавлана Якыни... из своих тюркских матла с большой гордостью читал вот это:

О, как истерзан я моей неверной.
Рыдаю, сломлен мукою безмерной!

¹ «Зулал» (арабск.) — чистая, прозрачная вода.

А из его персидских матла неплохо получился следующий:

Ты — солнце, чьих лучей рассвет не блёк,
Ты — ветка, чьих плодов не почат сок» (62).

В соответствии с традицией «и шах, и нищий» писали о любви и вине, об удовольствиях жизни в Герате, а также о справедливости.

«Мавлана Мухаммед Муаммаи — его люди Герата называли: Пири* Муамма. Он был человеком тонкого, приятного нрава. Весельчаки, упражнявшиеся в составлении муамма, (все) были его учениками. Ему принадлежит следующее муамма — с отгадкой «Юсуф»:

Охота странствовать нас прежде донимала,
Но ты явилась нам — и нет тех дум нимало! (41)

Дервиш Назуки, выходец из высших слоев аристократии Хорасана, оставивший богатство и привилегии, пожелавший жить в бедности, также писал:

Покинувший людей премудр и славен,
А бедность испытавший — шаху равен!

И он не отказывается от радостей жизни, а наоборот — еще сильнее его душевная приверженность к жизни. Тот же Назуки пишет:

Похвастать я могу лишь чашей для вина, —
Красавец-кравчий, стой, налей-ка до полна! (55)

Известный историк Шарафиддин Али Йезди обращается к суфию:

Не отвергай гуляк — веселого их круга, —
В вине лишь отражен, о суфий, образ друга!

Еще из «Собрания избранных»: «Мухаммед Али Шугани — сын везира, человек веселого нрава — занимался стихосложением. Вот два бейта из его стихов:

Пропитан хмелем, верен я вину.
И, если я последним сном засну,

Из праха моего взрастет цветок,
Дарящий не нектар, а винный сок!» (20)

Поэта Мавлана Хусейна Хорезми в царствование Шахруха привезли в Герат, для того, чтобы вызнать, писал ли он стихи, направленные против религии, выражающие неверие. Было установлено, что этот человек, — по оценке Навои, энциклопедически образованный, особо сведущий в толковании научных и богословских терминов, — никогда не писал таких стихов. Однако один из его матла, цитируемый Навои, свидетельствует о демократической настроенности Мавлана Хусейна Хорезми.

Из крупного произведения Мавлана Мухаммеда Араба — «образованного человека», которого «государь эпохи» Шахрух отправил из Герата в ссылку — Навои приводит матла следующего содержания:

Друг шаха — лишь такой же шах, и друг иной неведом, нет:
Никто не знает шахских дум, и друга шахским бедам нет!

Саид Казими, «человек талантливый, веселого нрава, склонный пить», который при дворе Шахруха состоял на дипломатической службе, насмеяется над должностью столичного судьи:

Благодарение творцу, я не судья в Герате:
Хоть и привязан к людям я, ослом мне быть — некстати!

Выше Навои охарактеризовал нескольких поэтов как людей веселого нрава, шутников, насмешников. Разговор о некоторых особенностях творчества гератских поэтов мы завершим любопытным эпизодом, о котором, по свидетельству Навои, рассказывали в связи с поэтом Мавлана Сагари (родом из Сагара) — одним из видных поэтов Герата.

Сагари вдвоем с неким Вайси решили сопроводить направляющегося в Мекку Абдурахмана Джами «Однако в путь они не отправились, Вайси — под предлогом отсутствия у него осла, Сагари — еще под каким-то предлогом. По этому поводу Амир Сухейли сложил следующее кыта* ... и тем прославился:

Вайси и Сагари собрались в путь. О жалость!
Никто из них к святыням не пошел!

У одного из них осла не оказалось,
Другой, как оказалось,— сам осел!» (38)

Какое отношение имели к поэзии отец и мать Алишера — об этом в произведениях Навои мы не смогли отыскать ни слова. Однако, зная, что Гыясиддин Кичкина (Младший), отец поэта, являлся сановником высокого ранга при дворе тимуридов и одно время был назначен правителем в Себзевар, мы вполне можем предположить, что семейная среда Алишера настраивала его на поэтический лад. Кроме того, два близких родственника Навои были поэтами, музыкантами, каллиграфами.

В «Собрании избранных» сказано: «Мир Саид известен в народе под прозвищем Кабули, (мне) бедному он приходится дядей со стороны матери. Он обладал хорошим дарованием, более склонен был пользоваться тюркским языком. Следующий туюг* принадлежит ему:

Коль доведется вам, друзья, дожить до лета,
Усталость сбросите на многие вы лета.

Умру я — надпись мне: «Он был убит коварной»
Надгробьем сделайте. О, вам не трудно ль это?

Мухаммед Али избрал себе псевдоним Гариби.¹ Он также (мне) бедному дядя с материнской стороны, младший брат Мир-Саида Кабули. Он был приятным собеседником, человеком доброго нрава, одаренным и сострадательным. Хорошо играл на многих инструментах. Ему особенно удавались тембр и ритм. Был также сведущ в музыкальной теории. И прекрасно знал каллиграфию... Этот тюркский матла принадлежит ему:

Ты знаешь или нет о муках моей страсти,
Была бы лишь верна — мне не страшны напасти!

И следующий матла, по-персидски, также написан им:

---

¹ От арабск. «гариб» — бесприютный, одинокий, также — странник.

Меня вконец лишают сил твой взор и томный взгляд.
Твои уста других живят, а мне лишь смерть сулят.» (66)

Еще одно свидетельство глубокого интереса к поэзии в семье Навои — то, что сам Алишер начал запоминать стихи уже в трехлетнем возрасте; об этом мы поговорим в своем месте.

4. САМАРКАНД И ВИЛАЙЕТЫ

Годы 1442 — 1443-й. Шахрух, по требованию Байсункура-мирзы, его сына и везира, образует для сына последнего Мухаммеда-султана новое государство, в состав которого входят города Султания, Казвин, Рей и Кум. Продолжается дробление державы Тимура. Между Шахрухом и Мухаммед-султаном в течение нескольких лет шла война.

Между Гератом и Самаркандом существовали самые тесные культурные связи. «Шестой меджлис» своего сочинения «Собрание избранных» Навои посвятил видным ученым и поэтам за пределами Хорасана, «в том числе тем, кто живет в Самарканде», и эти слова, открывающие главу, не случайны. Образованные люди Герата были хорошо осведомлены о культурной и литературной жизни Самарканда. Даже те поэты, которые не покидали Герата, так или иначе выражали свое отношение к происходящему в Самарканде. В свою очередь и самаркандцы высоко ценили гератских поэтов, ученых, деятелей искусства, талантливых ремесленников. Должно быть, поэтому гератец Лутфи в своей знаменитой газели*, получившей весьма высокую оценку Улугбека, открыто провозглашает, имея в виду Самарканд:

Вкусны, как жизнь, твои уста, и в сласти ей не уступают,
А тьме безверия — витки твоих кудрей не уступают.

Как ни игрива красота у китайнок и тюрчанок,
Ей озорная быстрота твоих очей не уступает!

О, разве, истомлен и слаб, могу я умереть от жажды?
Твои уста — живой воде, равняясь с ней, не уступают!

Потоки слез в моих очах, поверь, вовеки не иссякнут:
Они разливу бурных волн в ветрах морей не уступают.

Псам у порога твоего найдется ли на свете ровня?
Они властителям миров в судьбе своей не уступают!

И пусть рубины твоих уст меня век до слез не мучат:
Багряной влаге страшных ран — тех слез ручей не уступает!

...Властитель славный Улугбек в речах Лутфи искусство ценит:
Словам Салмана красота его речей не уступает!

В детские годы Алишера Навои, да и позже (как выше об этом говорилось) Самарканд был своего рода соперником Герата. Здесь, в Самарканде, подвизалась плеяда довольно крупных ученых во главе с Улугбеком, которого Навои характеризует как «высокообразованного, одаренного весьма многими совершенствами». Начиная с Тимура и унаследовавшего его престол Халил-султана до Улугбека было традицией собирать одаренных людей при дворе властителя (по словам Навои: «У них в собрании собирались люди тонкого разума и поэты»). В том же, цитированном выше своем труде, Навои из числа наиболее выдающихся ученых Самарканда в ту пору особо выделяет Ходжу Фазлуллаха Абуллайси¹, обладавшего глубокими знаниями в самых разнообразных сферах (юрисдикция, арабский язык, литература и т. д.), иначе говоря — своей эрудицией столь же знаменитого, как и ученые Герата: «Ходжа Фазлуллах Абуллайси — один из знатных людей Самарканда, из потомков законоведа Абуллайса. В законоведении его называют вторым Абу Ханифа², а в знании арабского языка сравнивали с Ибн Хаджибом»³ (32).

Естественно, в Самарканде тоже было немало талантливых поэтов. Из них наиболее крупные, упоминаемые в книге Навои, — персоязычный поэт Ходжа Исмадулла Бухари, который сперва служил при дворе султана Халила, затем, когда на престол взошел Улугбек, был удален от двора, но продолжал творческую деятельность; второй — знаменитый Саккаки, поэт

¹ Впоследствии, приехав в Самарканд, Навои в течение двух лет брал уроки у Фазлуллаха Абуллайси.

² Абу Ханифа ал-Хуман — знаменитый арабский законовед (ок. 699—767).

³ Ибн ал Хаджиб — прославленный арабский филолог (1175—1249)...

тюркоязычный, «царь слова» при дворе Улугбека. Навои пишет в «Собрании избранных»: «Ходжа Исма-тулла — из знатных людей Мавераннахра. Доскональ-но изучил светские науки. Будучи весьма одаренным, обратился к стихосложению, его диван пользуется известностью... Мавлана Саккаки — он из Мавераннахра. Жители Самарканда исключительно привержены к нему, очень его хвалят» (14 — 64).

Из самаркандцев, проявивших себя в поэзии, Навои отмечает Мирзу Хаджи Согди, Мавлану Бадахши, Саида Али Хашими. «Он, Мирза Хаджи Согди, временами слагает интересные стихи, в следующем бейте видны хороший вкус и мастерство:

Садовник, с пальмою в саду твой ладный стан сравнив,
Как видно, различить не смог, где — палка, где — алиф!

Эту притчу он неплохо сложил в стихах» (64). «Мавлана Бадахши был человек просвещенный. Во времена Улугбека-мирзы поэты Самарканда признавали в нем красноречивого стихотворца и даже сам Мирза был с ними весьма учтив...» (22). «Саид Али Хашими... имел веселый нрав, он состоял на службе у Абдул-латифа, был также чиновником» (17).

При дроблении державы окраинные вилайеты, благодаря тому, что ими правили отпрыски царствующего рода, также стремились сравняться с Гератом и Самаркандом. Помимо того, было немало одаренных людей, которые творили вдали от политической жизни, держась в стороне от дворцов властителей. Их произведения либо слава о них достигали Герата, Алишер слышал рассказы о них, читал их сочинения, кое с кем переписывался, а иных видел своими глазами, совершая поездки по вилайетам. Из «Собрания избранных»: «Мир-Шахи... его стихи нет нужды оценивать по части вкуса и утонченности, ясности и изящества. Газелей у него немного, однако они всеми признаны и одобряемы...» (27). Если к оценке этого поэта добавить похвалу Навои поэту Мавлана Зайни, «который родом из Себзеvara и был собеседником Мир-Шахи», то станет очевидным, что крупные поэты жили также и в провинции.

Другие деятели культуры, которых характеризует

Навои, подобно ученым и поэтам Герата и Самаркандя, были высокоодаренными людьми, обладателями разносторонних знаний: «Ходжа Авхад Муставари — его называли также по прозвищу: Кадуд¹. Был неподражаемым человеком нашего века. Обладал многими знаниями и сведениями... А проживал Ходжа в Себзеваре, там и оставил мир... Мавлана Туси — слагал притчи и газели, творения его весьма очаровательны... Покинул мир в Иране... Мавлана Амири был тюрк и на тюркском языке умело слагал стихи, однако известности не добился. Следующий бейт — из его «Дех-наме»²:

О пище ли, о сне ли речь — так говори короче:

О пище — скоро надоест, о сне — сомкнутся очи!

А в персидских стихах он подражал Шейху Камалу...» (21 — 22).

«Мавлана Рухи Ярзи — из достойнейших людей Хорасана. Он был человек одаренный и благочестивый. Сочинял муназара* между «Бульбуль била гуль» («Соловей и роза») и «Шум била парвана» («Свеча и мотылек»). При этом проявил замечательную утонченность. От вилайета Серакса до Даруна и Ярза многие мужи поэзии в свое время были его учениками. Мавлана Сими — из Нишапура. Обладал многими достоинствами. В стихах, в муамма и эпистолярных сочинениях представители этих искусств признавали его непревзойденным для своего времени. (Он) прославился тем, что однажды на спор сочинил и записал две тысячи бейтов... Мавлана Масихи был родом из вилайета Кушанч. Был человеком веселым... Мавлана Али Ахи — из Мешхеда. Написал много маснави в подражание «Хамсе». Мавлана Али Шихаб — из Таршиза. Состоял на службе у султана Мухаммеда Байсунгура, слагал стихи и просто и хорошо. Пожалуй, поэты того времени стихи слагали хуже, чем он... Мавлана Хаяли — из Бухары, ученик Ходжи Исмадуллы... Шейх Азари — появился в Исфараине и прославился сложением стихов...» (12—25).

¹ Букв: колодец, из которого трудно достать воду.

² Перс. «Десять посланий».

5. ПРОБУЖДЕНИЕ ГЕНИЯ

Год 1444-й. Алишер в первый раз заучивает стихи, читает их в кругу «любимых», за что удостоивается их одобрения.

В «Собрании избранных» читаем:

Гуляки мы и, влюблены, готовы сжечь весь свет,
В печали мы себе верны, а все иное — бред!

Это первые стихи, которые (я) ничтожный выучил, вот этот приведенный матла. Когда мне шел всего четвертый год, любимые предложили мне декламировать их и выразили одобрение...» (8—9).

Этот матла — первые строки газели из написанного двестишестидесятью дастана «Друг возлюбленных» («Анисулашикин»), а также поэтического дивана персоязычного поэта Амира Касыма Анвора, о котором выше мы упоминали:

Гуляки мы¹, и влюблены, готовы сжечь весь свет,
В печали мы себе верны, а все иное — бред!

Про бренность слово изречем — и все нам нипочем,
А если страсть бурлит ключом — и умереть не вред!

Душа тобой опьянена, красой изумлена,
И нет для нас сильнее вина, чем боль любовных бед!

Когда сразят меня недуг и пламя страстных мук,
Зардеет у могилы луг — тюльпанных чаш расцвет.

Прошла б ты тою из дорог, где прах мой в землю лег —
Я, верно бы, воскреснуть смог, огнем любви согрет!

И не цвела б еще весна, и не было б вина —
А уж душа, тобой хмельна, искала бы твой след!

---

¹ В оригинале: риндем (перс.) «мы ринды». Слово «ринд» в значении «предающийся наслаждениям жизни, весельчак, забывший веру и молитвы». См. у Навои в «Собрании избранных»: «Мавлана Мухаммед Бадахши... вследствие высокой одаренности, а также угождая друзьям, предался лени и на стезе гуляки (риндик) дошел до такого состояния, что хмельной или пьяный, босиком и с непокрытой головой, бродил по улицам и базару» (127).

Твоей любовью жив Касым, огнем любви палим,
Умру я пленником твоим, и доли лучше — нет!

Алишер не случайно затвердил именно эти стихи. Касым Анвор был суфийским поэтом и философом, чье творчество в детские годы Алишера было в Герате наиболее известным. Навои не видел самого Касыма Анвора, умершего в Герате в 835 году хиджры (1432 г. европейского летосчисления), однако очень почитал его поэзию. Потому-то «первый меджлис» своего труда «Собрание избранных» — главу, посвященную тем из выдающихся личностей, с кем он сам не был удостоен встречи, Навои начинает с прославления имени Касыма Анвора и сообщает о нем сведений значительно больше, чем о других поэтах. Навои считает Касыма Анвора прежде всего философом, обратившимся к стихам лишь в качестве средства проповедовать учение: «Его высокостепенство Амир Касым Анвор... хотя его сан выше сана поэта и сам он вне сравнений в ряду праведников, однако поскольку он соизволил слагать стихи, сочтя, что одежда стихов пригоднее для истолкования мистических истин, сие вкратце начато с прославления его имени» (8).

Здесь же Навои приводит сведения о жизни Касыма Анвора и сообщает, что первыми в своей жизни выучил вышеприведенные его стихи, указывает дату его смерти (за шесть лет до рождения самого Алишера), называет место, где он похоронен, притом с гордостью говорит, что сам он — из числа тех, кто преданно служит памяти поэта: «Мир (Касым Анвор) родом из Азербайджана, по рождению он из селенья Сараб. В юности он сделался мюридом у шейха Садриддина Ардебилы... в совершенстве постиг от него учение и наставления суфиев, затем по указанию шейха прибыл в Хорасан. За короткое время народ стал привержен Миру и началось брожение. Государь эпохи (Шахрух) повелел Миру удалиться. Уйдя в Балх и Самарканд и проведя там некоторое время, он снова прибыл в столицу. Здесь опять знатные люди Чагатаевой державы и другие благородные устремились к нему, стремясь стать его мюридами. Пути его были чистыми, дыхание — пламенным. Люди очень любили его стихи, с увлечением читали их и перечитывали. Именно это и послужило ему поводом сос-

тавить диван. Он также сочинил небольшое маснави под названием «Анисул-ашикин» («Друг возлюбленных»), и еще написал тарджи.*

Ради благословения, здесь выписаны два матла, один следующий:

Любовь к тебе — богатство двух миров.

Хвала творцу, в моей душе — ей кров.

Священная могила его степенства в городке Харджурд, в вилайете Джам. (Я) же, ничтожный — из числа тех, кто обметает его усыпальницу. Кончина его произошла в году 835-м» (8—9).

Из сказанного ясно, что Навои уже с детских лет под влиянием литературной среды начал (сперва невольно и неосознанно) задаваться вопросами о жизни, ее смысле, ее политических и социальных проблемах. Одаренность мальчика была причиной того, что его старшие друзья и воспитатели хвалили его, выражали ему одобрение. Если принять во внимание, что, составляя уже на склоне лет свое «Собрание избранных», Навои начинает его прославлением имени того же Касыма Анвора, то станет очевидным, что впечатления юности сохранились им до конца жизни и сыграли большую роль в его жизни и творчестве.

Не следует также удивляться тому, что Алишер, всего лишь трех-четырёх лет от роду, сумел заучить стихи поэта-философа, столь глубокие и смелые по смыслу. В этом, кроме одаренности ребенка, сыграл также роль следующий обычай: в средние века в Азии, на Востоке было принято давать детям с малых лет заучивать наизусть не только целые стихотворения, но даже объемистые книги; воспитание «способности хафиза»* было одной из важнейших задач педагогики. Книга — ведь крайне редкая (книгопечатание тогда еще не появилось), запоминание — почти единственный способ стать муллой, ученым; запоминать заставляли также в школе, это был основной метод преподавания.

В том же 1444 году был поражен болезнью Шахрух. Ждали его кончины. Начались распри из-за престола. Собственно, по традиции, престол должен был унаследовать либо Улугбек, старший сын Шахруха, либо внук последнего (сын Улугбека) Абдуллатиф. И хотя Шах-

рух не высказал своего решения или пожелания в официальной форме, было известно, что он хотел бы видеть на престоле своего сына Мухаммеда Джуги, тогда как Улугбек никогда не изъявлял претензий на престол в Герате. А поскольку управление государством уже долгое время находилось в руках Гавхаршад-бегим, супруги Шахруха, в тот раз вопрос разрешен следующим образом: Мухаммеду Джуги, который с надеждой на успех прибыл в Герат, стало известно, что Гавхаршад-бегим объявила наследником престола своего любимого внука Алауддавла и уже потребовала от некоторых придворных присягнуть ему на верную службу.

Однако Шахрух неожиданно выздоровел. Раздоры же среди тимуридов не только не утихли, но, наоборот, достигли новой, дотоле невиданной степени остроты.¹

Год 1445-й. Алишера отдают в школу.

В сочинении «Добрые нравы» («Макаримул-ахлак») Хондемира сообщается: «Когда этому человеку (Навои) — центру круга одаренных и совершенных — исполнилось четыре года, веление судьбы поручило его воспитание и образование чистому сердцем воспитателю, такому как Атаруд, достойному быть учителем в небесном мактабе*. Он направился в мактаб вместе с высокородным Сахибкыраном и начал учиться. Милостью бога в короткий срок овладел тем, чему его учили и, опередил своих сотоварищей. Известие о чистоте и силе его утонченной натуры распространилось в мире, и среди народа из уст в уста начала передаваться молва о смелости его благословенной мысли» (22).

В «Бабур-наме» сказано: «... Алишер-бек и Хусейн Байкара... в детстве учились в одной школе» (233).

Оценка, которую дает Навои своим учителям в том разделе своего труда «Возлюбленный сердец» («Махбул-кулуб»), который озаглавлен «О людях школы», безусловно, во многих отношениях основывается на воспоминаниях поэта о его детстве: «Учитель — безвинных и чистых мучитель. Он склонен детей наказывать и стремится их поучать. По натуре он беспощаден, лоб его — сталь, сердце — камень. От гнева меж бровей у

¹ Эти распри длились целых двадцать пять лет и завершились в 1469 году, когда султан Хусейн Байкара захватил гератский престол. Навои впоследствии многократно вспоминал это время как «время раздоров».

него морщина, злоба и ненависть против невинных. Натура грубая. У большинства из них подвержен ущербности ум. Но палкой они некоторых детей укрощают, наказанием дурной нрав малышей исправляют. Хотя в их натуре грубость проявляется, но она — большой напильник, коим шероховатость детей выправляется. Что они делают — человеку не исполнить, где там человек! — сам дэв не исполнит! Воспитание даже одного ребенка — сильного ослабляет, а он — погляди — хоть бы что, сразу многих и учит, и наставляет... Всяческого почета от учеников достоин учитель, угождать ему обязан даже повелитель...

Бейт:

Кто истину тебе внушил хоть буквою одною,
Не оплатить его трудов и золотой казною! (22—23)

Итак, Алишер продолжает учиться в мактабе.

Как мы видели в приведенной выше выдержке из книги «Добрые нравы», Хондемир, чрезвычайно признательный своему учителю Навои, в своем сочинении повествует о нем хвалебным слогом касыды. Однако, не подлежит сомнению, что в основе авторских восхвалений — факты действительности. Сведения о том, что Алишер «в короткий срок... опередил своих сотоварищей» и «известие о чистоте и силе его утонченной натуры распространилось в мире», сам Навои также подтверждает, хотя и в ином тоне. Вместе с тем, в его собственном изложении проясняется, что с приходом в мактаб Навои, сверх того, что прекрасно учился, еще интересовался и поэзией.

В сочинении «Язык птиц» («Лисанут-тайр») Навои приводит воспоминания о своих детских годах. Каждый из учеников, стараясь выучить свой урок, громко читал его вслух. Учитель заставлял их читать стихи таким образом, чтобы звучало гладко. Что же касается прозы, то один читал отрывок из дастана «Гулистан», другой из «Бустана». У него же в то время пробудился интерес к поэме «Речи птиц» («Мантыкут-тайр»):

Так приходит на память мне былъ моей доли —
Времена малолетства, учение в школе.

Заморенные дети с измученным взглядом
Там твердили уроки заученным ладом.

Их совсем изнуряли и тяжкий урок,
И тверждение тысяч заученных строк.

И учитель, желая проверить их навыв,
Заставлял их стихи повторять без поправок.

Там читали и прозу, и строки дастана,—
Тот начнет «Гулистан», этот — притчи «Бустана».

А во мне страсть жила — всех желаний сильней:
«Речи птиц» были милы природе моей.

Было впрок моей детской душе повторенье,
И познал я пленительность этого чтенья.

И душа моя с теми речами дружила,
И к другим сочиненьям не ведала пыла (237).

«Речи птиц» — книга, которую Алишер читал одновременно с «Гулистаном» и «Бустаном», творениями Саади Ширази, и которая его очаровала, — это пантеистический философский дастан Фаридиддина Аттара, одного из классиков персидской литературы. Приводимые затем отрывки из этого произведения показывают, сколь значительным поэтом был Аттар в глазах Навои, который и в других своих трудах дает этому поэту очень высокую оценку. В книге «Ветерки любви» («Насаимул-мухаббат») — своде жизнеописаний удивительных людей прошлого — Навои также указывает, что «пиром», учителем Фаридиддина Аттара был другой классик поэзии Востока Джалалиддин Руми и что его произведения пользовались известностью в Хорасане в XV веке. Сам Навои брал уроки у Фаридиддина Аттара при посредстве Абдурахмана Джами: «Фаридиддин Аттар Нишапури... упоминает о Мавлана Джалалиддине Руми... Когда Мавлана Джалалиддин Руми отправился из Балха в Мекку, он (Аттар) пришел к нему на беседу, тогда великий шейх (Руми) вручил ему книгу «Астарнаме» («Книга тайн»), и Мавлана с этой книгой никогда не расставался, следовал ей в своих повествованиях об истине и просвещении... У высокого степенства много сочинений в стихах и прозе; стихов, до сих пор известных в народе, будет примерно сто двадцать тысяч бейтов...»

Несмотря на то, что «Речи птиц» — одно из глубочайших по смыслу пантеистических философских произведений Средневековья, Навои еще в юности сумел его постичь. Углубившись только в него, Алишер забыл обо всем, удалился от сверстников, стал искать уединения:

Те рассказы читать стал обычай мне люб,
Был таинственный строй речи птичьей мне люб.

Было этим речам существо мое радо;
И хотел я постичь, в чем их смысл и отрада.

И росла та услада во мне без предела,
А сказать о ней — речь моя словно немела.

И приспела на помощь ко мне благодать,
И пленила все думы мои та тетрадь.

Я чуждался людей, моим тихим досугам
Стала книга единственным преданным другом.

И беседы людской выраженья и звуки
Моему существу были горестней муки.

Одолела любовью та сила меня,
Эта страсть до конца поглотила меня.

И сказал я: «Открыть бы мне дверь отрешенья
И бежать от людей, что чужды разуменья!» (237)

Об этом проведали родители Алишера, они отняли книгу, запретили ее читать, в страхе, что их сын заболит. Но напрасно:

Крик пошел меж детей, и встревожились все там,
И родители тоже узнали об этом.

Страх объял их: «Невежда, влекомый к беспутью!
Все слова — что огонь, да незрел еще сутью!

Как бы хвори безумия с ним не случилось!
Вдруг судьба отведет от него свою милость!»

И той книги меня без пощады лишили,
Мое сердце любимой услады лишили.

«Речи птиц» запретили мне знать с этих пор,
И запрещен был даже о них разговор.

И минула времен многодневная свита,
И пристрастье мое уже было забыто.

Но хранилась тех слов в моей памяти тайна,
И без устали я повторял их потайно.

Я не мог речь иную постичь и слова,
Другом сердца мне были лишь птичьи слова (238).

Тот факт, что Алишер сумел глубоко постичь произведение такого крупного поэта, как Аттар, проникнуться его духом, всюю душой отдаться чтению его дастана, дает основание утверждать: знакомство Навои с произведением Аттара «Речи птиц» способствовало пробуждению гения.

В поэме Навои «Язык птиц» есть изумительная «Притча о том, как (птица) Какнис при помощи духа Шейха (Аттара) сумела подражать ему». В ней идет речь о том, что «Язык птиц» Навои появился в результате подражания «Речам птиц» Аттара, причем образ птицы Какнис служит образным воплощением творческих взаимосвязей между обоими поэтами. В этом образе претворены мысли о месте поэта в обществе, о тесной связи между литературой и искусством различных поколений и народов. Вот это повествование:

Птица Какнис была необычная птица,
В Индустане привыкшая жить и гнездиться.

И сложеньем могуча, и внешности редкой,
Отличалась она пестроперой расцветкой.

Клюв такой, что не сыщешь чудней, у нее,
И на нем много щелок-щелей у нее.

Песнь ее для души и для сердца — улада,
В каждой щели напевы — особого лада.

Как из этих щелей понесутся стенанья —
Сразу внемлящий им упадет без сознания.

Ей четы среди птиц всех пород не найти:
В птичьих стаях подобных красот не найти!

Ей меж зарослей леса привычно гнездиться,
И она на деревьях обычно гнездится.

Как-то раз Фисагурс¹ брел там, словно прохожий,
И достиг его слуха звук песни пригожей.

И, познав сей богатый напевами звук,
Основал он закон мусикийских² наук (225—226).

Волшебные песни удивительной птицы — огонь, в
котором в конце концов гибнет она сама :

Долог был ее век в чащах дикого края, —
Жизнь вела она, хворост в лесах собирая.

И вот этой добычей — сухой ли, сырою —
Она строила сноп — превеликой горою —

И в конце своей жизни в жилище своем,
Под разросшимся в долгие годы снопом

Птица песню слагала — красиво, напевом,
И тоскливым и чудным на диво напевом, —

Пела так, что и птицы и звери из чащи
Собирались, заслышав тот голос щемящий.

И для слушавших песня была так горька,
Что сражала их насмерть кручина-тоска.

А когда затихали печальные звуки,
Запевала она стоном огненной муки.

И тянуло к снопу язычищи то пламя,
И сжигало гнездо и жилище то пламя,

Жаркий стяг вился к небу, горяч и высок,
Словно молния с высей ударила в стог.

Вместе с прутьями птица сгорала в том жаре —
Стали перья и листья лишь грудюю гари.

Ветви, тело той птицы в золу превратились,
Стали грудой частиц и в золу превратились. (226—227),

---

¹ Пифагор.

² Т.е. музыкальных.

Однако чудесная птица исчезла не бесследно:

Груды пепла с горой были схожи на вид,
А под пеплом детеныш той птицы был скрыт!

Всколыхнулся тут пепел, и птенчик тот вылез,
И тотчас его крылья красой засветились.

И тотчас же, над лесом взлетев без заминки,
Полетел он и начал собирать хворостинки.

Он собирал их, других и не ведая дел,
И при этом пленительным голосом пел.

А когда его срок подступился скончаньем,
Все свершил он в подбье отцовском деяньям (227).

Навои уподобляет шейха Аттара птице Какнис-отцу, а себя птенцу. Однако не отваживается настаивать на таком уподоблении:

Та вот, первая, птица на шейха похожа,
Он весь век свой провел в песнопениях тоже.

Много песен слагал он, так сладко их пев,
Что и птиц и зверей привлекал тот напев.

И сжигало их песнею — пламенным стоном,
И певец сам сгорел — стал до пепла спаленным.

А в птенце, что, как уголь, из пепла явился,
Саламандрой, что в жаре окрепла, явился,—

Все, что было той птице и в славу и в честь,
В нем за нею вослед проявилось как есть..

Нет, не смел бы такому отцу быть я сыном:
Я — рабом был, он — шахом, привычным к вершинам...
(227—228).

Далее Навои проводит аналогию между шейхом и собой («птенцом Какниса»):

Жарким вздохом он первый то пламя зажег,
Он весь мир опалить этим пламенем мог!

После шейха никто награжден не был даром
Жечь, как я, всю вселенную пламенем ярим.

Птичьей речью я жег — вся вселенная слеpla,
Я познал, как себя и других жечь до пепла!

Все, что жизнь, увидала в свершеньях отца, —
Было роком дано мне понять до конца.

И людей, и себя жег я словом палящим, —
Птичьей речью — души моей зовом палящим.

И хотелось бы мне, чтобы брeнное слово
Вечно всех опаляло бы — снова и снова! (228).

Знакомство с дастаном «Речи птиц» на всю жизнь породнило Алишера с поэзией; Фаридиддин Аттар сделался как бы его творческим спутником, и написать произведение, подобное «Речам птиц», стало для него мечтой всей жизни. Этою мечтой он жил после создания главных своих трудов. В поэме «Язык птиц» он говорит:

Зная тюркских стихов поднял я над собою, —
Повеленьем страну покорил я без боя!

Пять бесценных сокровищ, диванов — четыре
Довелось мне безбедно создать в этом мире.

Если стал бы считать мои строки писец,
Он сто тысяч двестишый бы счел под конец.

И стихи создавал я, и создал немало,
Но мечта неотступно меня занимала:

Дал бы бог сей заветной тетради подмогу,
Чтобы к ней пересказ мне создать понемногу.

Но слова были трудны, я ж — немощен был,
И перу не умел я дать скорость и пыл (238—239).

Год 1446-й.

Султан Мухаммед Джуги¹ поднял мятеж против Шахруха, своего деда. Однако Шахрух одолел его.

Среди тех, кого взяли в плен войска Шахруха, был историк Мавлана Шарафиддин Али Йезди, один из бли-

¹ Это — де сын Шахруха Джуги (сын Шахруха умер в 1445 г.).

жайших придворных и советников султана Мухаммеда. В походе против Мухаммеда принял также участие Абдуллатиф, сын Улугбека. Он попросил своего деда Шахруха не лишать жизни видного историка и отправил его к Улугбеку. Однако, достигнув Герата, Йезди свернул в другую сторону — бежал к себе на родину, в Тафт. Здесь он и оставался до конца своих дней, не принимая участия в политической жизни.

6. ГЛАВНАЯ ШКОЛА

Год 1447-й. В государстве Шахруха разгорелась настоящая смута, воцарилась анархия, безвластие. 12 марта умер Шахрух. Алауддавла (и его покровительница Гавхаршад-бегим), Абдуллатиф, Абулькасым Бабур, Абусаид начали междоусобную борьбу за престол. Хорасан был охвачен раздорами, разорением.

В тот год была вынуждена бежать из Хорасана в Ирак семья Гыясиддина Кичкина. На пути был Тафт, где в то время жил Шарафиддин Али Йезди. В сочинении Навои «Собрание избранных» об этом рассказано так: «В связи со смутами (после кончины) Шахрух-султана отец сего ничтожного со многими другими бежал из Хорасана от превратностей судьбы. Следуя в Ирак, мы в полночь прибыли в Тафт, родной город Мавлана (Йезди). Случайно наше пристанище оказалось возле ворот его ханаки. Когда рассвело, дети прибывших, чтобы поиграть, а игра — свойство детей, зашли в ханаку, среди них был и я, было мне около шести лет. Мавлана сидел на супе.* Он позвал одного из детей, чтобы узнать о состоянии пришельцев. Проявив воспитанность, (я) недостойный подошел к нему, ответил на все, о чем он спрашивал. Он улыбнулся и похвалил меня. Потом спросил: «Ходишь ли ты в мактаб?» Я ответил: «Хожу». «До которого места ты читал (коран)?» — спросил он, и я ответил: «До суры* Табарак». Он сказал: «Когда я позвал кого-либо из детей пришельцев, подошел именно ты, и я должен благословить тебя». И он удостоил меня благословением. В это время отец недостойного (меня) и старшие из пришельцев, подойдя к Мавлана, выразили ему свое почтение. Тогда мне стало известно, что это за человек» (30—31).

Навои придавал столь большое значение этой встре-

че с Йезди и пожеланиям, которые высказал этот ученый, что снова вспоминал о ней при написании труда «Ветерки любви», то есть уже на склоне жизни: «Мавлана Шарафиддин Йезди... был человеком высокоученым и достойным. В его время не было равного ему и подобного... Мавлана был почитаем властителями своего времени, в Тафте у него была ханака, были ученики и мюриды. (Я) сей низжайший в детстве проявил к нему уважение в его доме, он благословил меня» (165).

После «исхода из Хорасана», когда Алишер немного подрос, ему пришлось немало странствовать — из вилайета в вилайет, из города в город, и порой испытывать немалые тяготы. Временами он возвращался в столицу (Герат), но вновь оказывался перед необходимостью оставить ее.

Эти странствия и трудности были для будущего поэта главной школой жизни. Сам он так начинает книгу «Возлюбленный сердец»: «Из бедняков самый нищий, таинственные покровы совлекающий, (я) низжайший из бедных Алишер, по прозвищу Навои... так возвещаю и изъяснить своим долгом почитаю. Я низжайший и смятенный с рассвета юности до заката времен, в сроки краткие и долгие, в разных частях и обличьях шаги свои направлял мимо событий времен и явлений небосвода вращаемого, превратностей мира смущающего и многоцветности времени цветистого. Разными путями в одеяниях различных я ходил, добрым и дурным угождал, с ними беседы заводил. Порою бедствия терпел средь тягот и гнева, порою пировал в садах обилья и почета... Порою в изгнание отправлялся от притеснения земляков и неприкаянный скитался средь странников и бедняков. И горные вершины приют мне давали, а степи своей полон укрывали. В изгнание порой больным я лежал, средь людей чужих страданья познал. После этих бедствий на родину я возвратился, но пришел незамеченным, в уединенье скрылся. Дорогим для меня людям угождал я, пользу для себя извлекал — от них одобренье и возвышенье речам моим обретал... По разным местам я ходил, с разными людьми дружбу сводил, изведал добрые и злые поступки людей, познал, кто праведник, кто злодей...» (7—9).

Годы 1448—1451-й. В труде Хондемира «Добрые нравы» читаем:

«После кончины великого хакана Шахрух-султана в городах Хорасана начались мятежи и беспорядки. Отец высокородного эмира (Навои), забрав своих детей, отправился в сторону Шираза. Проведя несколько лет в той стране, он в силу «любви к родине» выступил в путь на Хорасан через степи Йезда. Во время ночного перехода, когда сон смежил веки, он позабыл о необходимости оберегать высокостепенного (Алишера), который в то время был ребенком. Сего высокостепенного также сморил сон, лошадь сбилась с пути; проехав еще немного, мальчик упал с седла. Однако же, сраженный дорожной усталостью, не проснулся; лошадь, тоже утомленная, остановилась.

Когда предводитель звезд подвижных и недвижных (солнце) своими лучами озарило степи и равнины, многосмыслящий маленький мальчик (Алишер) после сна открыл глаза; •увидел, что, кроме него, в бескрайней степи никого нет, и испугался. Однако сила рассудка и дар прозорливости привели его к мысли: в такой момент звать на помощь бесполезно, нужно постараться отыскать дорогу в Хорасан. Он сел на лошадь и, острым взглядом и напряженным вниманием отыскивая дорогу, двинулся вспять, откуда прибыл. Тут вдаль затемнело что-то, похожее на купол. Он проехал еще немного и тогда тот предмет как будто уменьшился. Он подумал: не всадник ли это? Предмет, по мере приближения к нему, все более уменьшался, и он подумал, что это, возможно, чехол от барабана. Ведь в пути предметы кажутся тем крупнее, чем они дальше. Короче, когда он достиг предмета, видимого издали, оказалось: это большой сосуд, полный воды. Напившись воды, он вознес похвалы богу. Всего любопытнее то, что после оставления Йезда он нигде не мог отыскать пресной воды, эта же вода оказалась исключительно вкусной... Отец и братья сего высокородного, остановившись на привал, обнаружили его отсутствие, горе и отчаянье истерзали их сердца... Чтобы найти следы сего высокородного, в сторону Йезда был направлен один из приближенных слуг. Проехав немного, он встретил сего благородного (Алишера). Сей высокородный, прибыв к отцу и братьям, поведал, как он испытывал сильную жажду и отыскал воду» (65—66).

Возвращение родителей Алишера в Герат, по-видимому, связано с тем, что в стране до известной степени водворилось спокойствие: в 1452 году хорасанский престол перешел в руки тимурида Абулькасыма Бабура. Отец Алишера поступил на службу к нему во дворец. Тут же состоял на службе Хусейн Байкара.

Из книги Мирхонда «Сады наслаждения»: «...Сей солнцеподобный эмир (Навои),.. в детские годы состоял в услужении у победоносного хакана (Хусейна Байкары), а его светлость (Хусейн) был собеседником Мирзы Абулькасыма Бабура; эмир Алишер также выразил желание служить сему высокостепенному государю» (48).

Из «Собрания избранных» Навои: «Бабур-мирза был человеком с натурою дервиша, (однако) светским, благонравным. Перед лицом его щедрости золото и серебро имели ценность не выше, чем камень и земля. Из суфийских сочинений он более всего был привержен к таким, как «Ламоат» («Блистания») и «Гульшани раз» («Цветник винограда»). Он имел склонность и к поэзии. Следующее рубаи* принадлежит ему:

Вино и чашу свяжешь воедино —
Знай: ты — кутила правильного чина!
Вино — сок правды, чаша — знак закона.
Разбивший чашу — пьяный дурачина!

«Хакан Саид Шахрух-мирза — (единственный) из потомков и родственников занял престол Сахибкырана — своего отца (Тимура). Сложением стихов он не занимался, однако из (уст) его величества вышло много хороших бейтов и прекрасных изречений... (Я) сей низжайший и недостойный из благословенных уст Бабур-султана слышал вот что. В одном собрании он рассказывал высокопоставленным людям о Шахрух-мирзе следующее. Однажды он, оставшись недоволен каким-то зданием, устранил зодчего устада Кавамидина от дел строительства на год. В начале следующего года тот внес поправки в свой проект и, решив с этим увидеть благословенный лик Мирзы Шахруха, прибыл к воротам его (дворца), одним из сановников был представлен Мирзе. Тот с улыбкой произнес следующий бейт:

Земной свой путь свершить умело сможешь —
Знай: к небесам ты путь себе проложишь! (169).

«Мавлана Мухаммед Амин — из Балха. Он был человек простой. Более всего он вращался в кругу пишущих и вельмож. Он написал газель, в которой слово «дильбарим» («моя чарующая») семь раз повторено в различных смыслах и представил ее Бабур-мирзе, который одобрил (ее). Следующий бейт из этой газели:

Души моей птица — с тобой, черноокая,
Меж всех чернооких ты — лань одинокая! —

Мирза знал наизусть, и Мавлана этим весьма гордился...» (52).

При дворе Бабура и во время поездок с ним вместе по стране Алишер познакомился с очень многими учеными, поэтами, искусниками в различных ремеслах. Строки из «Собрания избранных»: «Мавлана Мухаммед Муаммаи был приятный человек, придерживался суннитского толка. Он служил у многих знатных людей и был ими принимаем с благосклонностью. Во времена Бабур-мирзы он был важным сановником — садром* и после этого в собрании властителей оставался желанным и уважаемым. В пору своего могущества он возвел в Ширазе купол над усыпальницей Ходжи Хафиза и устроил по сему случаю пиршество, пригласив туда Бабур-мирзу. Один из весельчаков Шираза написал на стене, там, где мог увидеть Мирза, такой бейт:

Хоть он казну и сильно порасстроил,
Хвала ему: он дом хоть раз построил!

Мирза прочел и много шутил по этому поводу. (Я) недостойный рассказ об этом слышал от него самого. Со (мною) нижайшим он дружил и часто удостаивал свою (беседой)» (45).

«Саид Камал Качкул жил в Балхе. Это был человек, совершивший много путешествий. Немного осталось мест, до которых он не дошел. В жизни его было множество удивительных событий. Прославились следующие: он написал пятьсот тысяч бейтов и еще касыду, из которой, зная способ, можно было извлечь двенадцать тысяч искусно составленных бейтов. (Я)

нижайший видел, как он, по случаю кончины его святейшества Ходжи Абу — Насра Парса... написал элегию, в которой каждая строка нескольких бейтов содержала дату смерти Ходжи, некоторые бейты представляли собой сплошные даты, а из числа остальных каждый бейт был хронограммой трех или четырех дат. Причем все это не причиняло вреда смыслу бейтов. Поскольку это выше человеческого разума, о нем говорили, что им создан Атаруд¹. Он жил более девяноста лет» (41). «Шейх Садриддин Раваси... был красивым и привлекательным. Внешность его была приятна, а его проповеди об истине и познании увлекательны. Я был удостоен его благородной беседы... Он толковал книгу «Фусус»²... Он занимался также стихосложением...» (34). «Мавлана Тути... получил воспитание при особе Бабур-мирзы. Был человеком приятной внешности и доброго нрава. В касыдах подражал Мавлана Катиби... У него хорошие газели» (37). «Мавлана Абдулвахаб был мудрецом и мужем науки. Он исполнял должность кази* в Мешхеде. В прозаических произведениях был неподражаем... Поэты и ученые Мешхеда были его учениками» (32). «Мавлана Мухаммед Муаммай — жители Герата называли его «Пир муамма». Он был утонченным человеком. Никто больше, чем он, не собрал стихов, трактатов и других сочинений Мир-Хосрова. В его время сочинители муамма были его учениками» (41).

В этот период Навои познакомился с известным историком Абдураззаком Самарканди. Вот что он пишет о нем в «Собрании избранных»: Мавлана Абдураззак... был приятным собеседником, в совершенстве владел светскими науками, познания его были превосходны, особенно в истории, где он имел труды и был прославлен» (36).

В этих встречах Навои приобщался к людям, занятым не только на поприще науки и поэзии, но также в области искусства: «Ходжа Юсуф Бурхан... (Я) низжайший являюсь его учеником в музыкальном искусстве» (50).

---

¹ Меркурий; эта планета была символом разума, знания.

² «Фусусул-хикам» («Геммы премудрости») — трактат Ибн ал-Араби (XIII в.), толкующий характер пророческой миссии.

Год 1453-й. Падишах Абулькасым Бабур назначает отца Навои правителем в Себзевар, и семья Алишера переселяется в этот город. Прибыв в Себзевар, они присутствуют при похоронах поэта Мир-Шахи, погребенного с большой пышностью. Навои в «Собрании избранных» рассказывает, что не встречался с Мир-Шахи, однако обменивался с ним посланиями: «Мир-Шахи — из Себзеvara. Он из сарбадаров, состоял на службе у Байсунгур-мирзы. Его (подлинное имя — Мир-Акмалик. Он был человеком, любящим покой и веселье... Хотя газелей у него было немного, однако они всем нравятся, вызывают одобрение. (Я) недостойный не видел его, однако между ним и (мною) недостойным происходил обмен посланиями. Властитель страны направил моего отца правителем в Себзевар, а Мир Шахи был приглашен правителем Астрабада в область Джурджан. В Астрабаде он (Мир-Шахи) скончался, прах его доставили в Себзевар и, при скоплении народа, погребли в гробнице его предков» (27—28).

Переезд в Себзевар и приведенные сведения о Мир Шахи важны еще в одном отношении: все это позволяет предположить, в каком возрасте сам Алишер начал слагать стихи. Из того факта, что Алишер и Мир Шахи переписывались, можно сделать вывод, что стихи Алишер начал писать именно тогда. Ибо в те времена письма никогда не писались без стихотворных вставок (лучшее тому свидетельство — дошедшие до нас письма Навои; к сожалению, среди них невозможно выделить те, которые были адресованы поэту Мир-Шахи. Как указывает Хондемир в сочинении «Друг жизнеописаний» («Хабибус-сияр»), Мир-Шахи умер в 1453 году. Значит, в десятилетнем возрасте Алишер уже писал стихи.

Сам Навои говорит, что стихи он начал писать еще семи-восемью лет. Вот выдержка из «Вступления» («Добоча») к поэме «Сокровищница мыслей»:

«Итак, ничтожнейший из ничтожных Алишер, по прозвищу Навои, странствующий в степи священных зданий речи, украшающий царственные строения поэзии... так повествует: сей униженный, со смятенной судьбой, с малых лет устремил себя к тревожному воодушевлению поэзии, душу свою сделал озабоченной и влюбленной в порхающее заблуждение стихов... Как

это указано в оглавлении к предыдущему дастану — «Бадаеул-бидая» («Чудеса истоков»), что я подробно изъясняю...» (58). «Пора молодости, которая заключена между семью-восемью годами, — это весна сроков жизни, розарий и цветник цветущего луга бытия; в честь ее я создал «Гаронбус-сыгар» («Чудеса детства»); (68).

Навои отмечает, что, «вступая в мир поэзии», он начал слагать стихи именно на языке «тюрки» (тюркском). Вот строки из поэмы «Язык птиц»:

С малых лет уготовано было мне роком
Устремляться к стихам в помышленье высоком.

И сложенью стихов положил я начало,
И напевность их тюркскою речью звучала (241).

«Из сказанного, таким образом, ясно, что в этом языке имеется много изумительных слов и выражений. (Но) есть трудности в том, чтобы должным образом их упорядочить и сочинять изящные стихи. Приступающий к этому быстро охладевает ввиду трудностей сочетать слова в стихи и склоняется к тому, что легче. Сколько уж раз бывало, что было приступали к этому, но поскольку их природа была привычна к другому, то отказаться от привычного — когда к тому же новое — труднее, — не легко. Кроме того, люди разумные видят, что неспособные также склонны к этому и даже этим занимаются, а потому сами не считают допустимым сходить с пути мужей времени и обычая и остаются какими были. А у начинающих есть еще привычка: если что создадут, то обязательно любят собственным совершенством, хотят показать созданное людям этого искусства, чтобы блеснуть. Поскольку же люди этого искусства персоязычны и не владеют тюркской речью, то они отвращаются от сего и склоняются в сторону названных людей этого искусства. А если склоняются, то, находя (разные) способы, становятся сами как они. Так, как это и бывает ныне... (Мне) низжайшему еще в отроческие годы стали являться драгоценности из сокровищницы уст; те драгоценности пока не нанизывались на нить стихов; добытые из моря вдохновения и нанизанные на нить стихов, сии

жемчужины стали только появляться у берега уст, добытые усилиями вдохновения. И в соответствии с изложенным выше правилом я взял за обычай склоняться к персидскому языку» (118—119).

Сейчас, разумеется, трудно выяснить, каковы были первые стихи Алишера, написанные по-персидски. Однако, если иметь в виду круг тем и идей поэзии того времени, весьма жесткую традиционность ее формальных приемов (не считая крайне малочисленных исключений) и если при этом помнить, что Амир Касым Анвор — первый поэт, чьи стихи Алишер заучил наизусть, а Мир-Шахи — первый, с кем он переписывался, то не будет погрешностью предположить, что эти два поэта были первыми, кому подражал и за кем следовал Алишер в начале творческого пути. Есть еще один довод, подтверждающий эту мысль: Навои и в самом деле подражал обоим этим поэтам (или же следовал им, слагая стихи на заимствуемые у них темы) и эти стихи впоследствии включил в свой персоязычный диван.

В Себзеваре Алишер продолжает учиться. Здесь он встречается с несколькими видными для своего времени учеными, поэтами, образованными людьми, должно быть, дом правителя области Кичкина-бахадур (отца поэта) стал, согласно традиции, местом, где подобные люди собирались достаточно часто. Заметив одаренность Алишера, они «оказывали ему внимание». В «Собрании избранных» сказано: «Ходжа Авхад Мустафи — его называли также по прозвищу: Кадуд. Он был неподражаемым для своего времени. Владел множеством наук и знаний, особенно увлекался занимательными науками, но известен в области астрономии. (Я) сей нижайший, удостоился его возвышающей беседы и многих любезностей с его стороны. Он также составил диван стихов, у него есть удачные касыды... Ходжа постоянно жил в Себзеваре, там же и покинул сей мир» (31—32). «Мавлана Яхья Себак — один из ярко одаренных людей Хорасанского царства, изощрен во многих духовных и светских науках. Люди считали его преуспевающим и в искусствах и в арузе*. Каждый, кто захочет удостовериться в его таланте, пусть прочтет его книгу «Шабистани хаял» («Опочивальня мечты»). Сперва он сделал своим тахаллусом Туффахи, затем изменил на Фаттахи, также исполь-

зовал тахаллусы Хумари и Астари. Следующий матла написан им под тахаллусом Фаттахи:

О ты, чья чаша и весной пустует без вина!
Вся жизнь промчится стороной,— очнешься ли от сна?

А вот бейт, который он, под тахаллусом Астари, создал в подражание Ходже Хафизу:

О тянущие банг! У конопли затем и листья с острыми зубцами,
Чтоб ваши ум и вера не цвели, под самый корень срезанные вами!

(Я) сей нижайший в области стихосложения ученик Мавлана... Мавлана был человеком с натурою дервиша, твердым в убеждениях. Он избрал для себя долю уединения, отчего утонченность его таланта меньше прославилась. Он покинул мир в 852 году¹ (15—16).

«Дервиш Мансур — родом из Себзеvara. Он был человеком с натурою дервиша, воздержанным, склонным к отшельничеству. Почти всегда он соблюдал пост. В области аруза, в науке стихосложения он был учеником Мавлана Яхья Себака.² Он написал два сочинения об арузе, создал искусную касыду, вот ее матла.

Я в страсти одинок и день и ночь,
В напасти мне не смог никто помочь.

Это — хороший пример искусства тарси*. В области суфизма он был учеником Хафиза Али Джамии, охарактеризовать коего ум бессилён. Следующий суфийский рубай принадлежит Дервишу:

И малого не сделал, судят все же,
Чем доброе на злое непохоже!

Негожего не создано на свете,
А то, что гоже, отвергать негоже!

(Я) ничтожный у Дервиша учился арузу... Хафиз Али Джамии был достойнейшим человеком своего времени, особо сведущим в суфизме. Махдуми Нуран (т. е.

¹ 1448—1449 год европейского летосчисления.

² Навон здесь имеет в виду, что наставления Яхья Себака им восприняты при посредстве Дервиша Мансура.

Джами) в (своем труде) «Нафахатул-унс» («Дуновение дружбы») упоминает, что написал толкование к касыде Фаридиддина Аттара... начинающееся таким бей-том:

С челом закрытым на базар пришла ты,
И всех томила красотой чела ты!

В искусстве выразительного чтения корана все прочие чтения были всего лишь его учениками. И (я) нижайший взял у него несколько уроков...» (40—41)

«Султан Махмуд — родственник Ходжи Мансура, сын Ходжи Шамсиддина Мухаммеда, писца. Науку астрономии знал в совершенстве. Вот его матла:

С моей любимой разлучась, познал я черный гнет судьбы,—
О пусть вовек такой лихой никто не обретет судьбы!» (113).

«Ходжа Махмуд—себзеварец, внук Баба Али Хушмардана, сын Ходжи Имадиддина Хасана. Отец его достаточно известен, и нет нужды говорить о его (отца) плохих и хороших качествах. А дед его был дервишем, у него была ханака, были мюриды. Сам он — человек одаренный, прекрасно владеет каллиграфией, стихи у него также хороши» (138).

«Мавлана Нами — себзеварец¹ известен своим прозаическим стилем, хорошим почерком...» (133).

Родители Алишера оставались в Себзеваре, однако сам он находился в Герате — при дворе Абулькасыма Бабура, принимал участие в его походах.

Следует заметить, что в эпоху феодализма царицы и сыновья высших сановников обычно воспитывались при дворе. С одной стороны, это было знаком уважения к их родителям, с другой — представляло собой вид заложничества на случай, если бы родители вздумали изменить государю. В «Собрании избранных» сказано: «Мир Имад Мешхеда — тахаллусом себе сделал Мусави, был человек ученый, талантливый, доброго нрава, хороший собеседник. Поэты Мешхеда собирались у него и соглашались со всем, что бы он ни

---

¹ Впоследствии, должно быть по приглашению Навои, Мавлана Нами перебрался в Герат, где стяжал славу своими сатирами (см. «Собрание избранных», маджлис 4-й).

сказал. Он был также искусен в сочинении муамма...» (42).

«Вали Каландар служил при дворе Бабур-мирзы, был человек дерзкий, бесстрашный и наглый. Среди мастеров слова он был известен как плохой стихотворец. Когда Пир Будаг гератских поэтов отправил в Шираз, он также отправился...» (48).

«Мавлана Валахи был человек одержимый. Он разгневался на слово «холодный» и это доставляло ему много хлопот. Когда Бабур-мирза пребывал в Мешхеде, он (Валахи) сложил касыду с редифом «ороста» («украшенный, упорядоченный»)...» (42).

«Мавлана Якыни был человек неприятного нрава. Он слагал стихи по-тюркски и по-персидски» (62).

«Мавлана Муками был родом из Герата... Он был также осведомлен в суфизме. Принадлежа к тюркам, он и писал по-тюркски» (63).

«Мавлана Камали — родом из Балха... Он жил в Кухи-Сафа. Писал по-тюркски. Поэзия его в тех местах неизвестна среди народа...» (63). «Мавлана Тути — родом из вилайета Таршиз. Он получил воспитание, пребывая на службе у Бабур-мирзы. Был он человек приятной наружности и доброго поведения. В своих касыдах подражал Мавлана Катиби¹... Газели у него хорошие» (37).

Особо должны быть отмечены прежде всего встречи Навои с Атаи, классиком узбекской литературы. В маджлисе 2-м «Собрания избранных» Навои, повествуя об ученых и поэтах, с которыми встречался в годы детства и отрочества, упоминает имя Атаи. Из этого ясно, что они встречались: «Мавлана Атаи — он из Балха, из числа потомков Исмаил-ата. Он был человек дервишеского нрава, доброго поведения, веселый. Родным языком его был тюркский. В свое время он пользовался среди тюрков широкой известностью» (62).

Год 1457-й. Абулькасым Бабур умирает в Мешхеде.

В книге Мирхонда «Сады наслаждения» читаем: «Когда Мирза Бабур отправился к милосердию бога всевышнего, хакан, осыпанный (щедротами бога,—

---

¹ Известный поэт-мистик.

т.е. Хусейн Байкара) прибыл из благословенного Мешхеда в Мерв и сей чистый душою эмир (Навои), оставшись в этом вилайете (в Мешхеде), завершил свои труды по овладению образованием и умственным развитием, по достижению усовершенствования на почве научных проблем» (48).

Из «Собрания избранных»: «Ходжа Хасан Хызршах — астрабадец. Он был человеком высокого дарования, приятным собеседником. Был он также рассеянным и склонным к отрешенности. Удачно сочинял стихи. Красиво писал также почерком «насталик» в стиле Мавлана Джафара. Он сочинил маснави «Зайд и Зайнаб» в подражание «Лейли и Меджнуну»... В год кончины Бабур-мирзы он в Мешхеде лежал больным и брошенным. (Я) ничтожный заботился о нем, и он выздоровел...» (46).

«Мир Муфлиси — из числа сеидов* Мешхеда. У него было высокое дарование. Когда им овладел экстаз, он потерял рассудок. На руки и пальцы он надел кольца. Всегда разговаривал сам с собой. Прежде чем потерять рассудок, он писал хорошие стихи...» (35).

После 1457 года — после смерти Абулькасыма Бабура — власть над Хорасаном перешла к Абусаид-мирзе, дотоле правившему в Мавераннахре. После этого Навои еще некоторое время оставался в Мешхеде.

Из «Собрания избранных»: «Шейх Камал Турбати был человек весьма проникательный и талантливый. Он написал много мухаммасов на газели Ходжи Хафиза. Был он из числа самых ярких, красноречивых, образованных людей Хорасана. У (меня) ничтожного было сильное желание увидеть его. (Наше) знакомство состоялось так. В эпоху Султана Абусаид-мирзы я, больной и всеми забытый, лежал в Мешхеде в некоей худжере*. Был праздник «курбан», люди из дальних городов пришли на паломничество к (усыпальнице) Имам Равза. Обычно паломники навещали также и другие знаменитые здания. Несколько благочестивых людей, прогуливаясь, зашли и в то здание, где (я) бедняк лежал больной. Стали читать стихи, написанные на стене, и об одном бейте заспорили. Один пожилой человек, их возглавлявший, в споре одержал вверх. (Я) ничтожный, хотя и был слаб, высказался в пользу по-

бежденных. Ему передали: «Сей больной юноша тоже что-то говорит». Оказалось, тот пожилой человек — сам Шейх Камал, совершавший паломничество. Подойдя ко мне, он изложил суть спора. Когда (я) ничтожный ответил, он отказался от своих слов. Оказывается, он также слышал обо (мне) ничтожном и хотел встретиться. Образованный, он сидел у меня, утешая меня. Во время беседы прочел следующее свое муамма с отгадкой «кутб»¹.

Едва узрим мы локоны возлюбленной,
Любой из нас падет, навек загубленный!

По поводу его также было высказано несколько слов. Вернувшись к себе, он в знак почета и уважения отослал мне подарки и всегда навещал, пока находился там...» (39—40).

Из первого «Дивана» Навои:

Той, что врачует боль тревог, увы, со мною нет,
И чьей любви я не сберег, увы, со мною нет,
Той, чей огонь мне душу сжег, увы, со мною нет!
Да, той, что мне — и шах, и рок, увы, со мною нет!

О, кто на свете повидал, хотя бы мало, счастья?
И кто с надеждой на успех хоть раз мечтал о счастье?
И за сто лет кому хоть раз судьба послала счастье?
Нет, никого и никогда не посещало счастье!

Кому о камне, что лежит под головой, скажу?
Кому о том, что я и сам едва живой, скажу?
Кому о муке слез, лихой и горевой, скажу?
Кому про жизнь, что — словно смерть,— про жребий свой скажу?

Когда умру, не ройте мне, друзья, в земле приют,
Пусть видят все пыланье ран, что тело мое жгут!
Скликайте всех, кто знал меня,— зовите добрый люд,—
Пускай к любимой на порог они мой труп снесут!

Из книги «Возлюбленный сердец»: «Упоминание о пользе странствий. Сколь далека земля, что покоится, от небосвода, что вращается? И сколь далек прах неподвижный от звезд, что вечно подвижны? Эти не-

¹ Центр, вершина.

движны, и потому ногами попираются, те подвижны, и потому высокие (мужи) еще больше возвышаются. Тяготы и трудности — основа приветливости и нравственности, а причина тягот и трудностей — странствие. (Ибо) странствие — горн для разогрева и плавки, и этот разогрев и плавка испытывают золотую сущность человека. Странствие соединяет разлученных, к обители удачи приводит обездоленных, созреванию незрелого помогает и усвоению пищи пособляет. Чудеса мира увидеть позволяет и о том, что достохвально, вести доставляет. Посетить и почтить усыпальницы великих мужей позволяет странствие, благочестивым мужам с благоговеньем услужить позволяет странствие. Оно о стоянках путника осведомляет, по дорогам мира его направляет. К холоду и зною душе привычку дарует оно, о горьком и сладком сердцу навык дает оно. Красоту любой страны, покой любого прибежища ведом людям путешествующим, известен странствующим. Откуда знает про покой и мир тот, кто не странствовал, что ведаёт о благе родного края, которого он не покидал? В море вода непроточная — и можно ли ее пить? Река течет — и ее прозрачной водою можно ль жажду не утолить? То, что движется — жизни творенье, то что недвижно — о живом лишено представленья...» (78).

7. УЧЕНЬЕ И УПРАЖНЕНИЕ

Период времени, когда Навои полностью отдался поэзии, сам он связывает с пробуждением у него любовного чувства. По его мнению, это чувство пробуждается у человека в пятнадцатилетнем возрасте и человек предается любви до сорока лет. И вот в это удивительное время он испытывает потребность выразить волнующие его чувства, писать стихи, либо у него появляется не менее сильная потребность читать и заучивать чьи-нибудь произведения.

В этот период, по словам самого Навои, он очень много читает. С особым усердием штудировал он произведения «предводителя и корифея влюбленных и страждущих» Амира Хосрова Дехлеви, «главы и отрады доискивающих истины» Ходжи Хафиза, «наставника и учителя» Абдурахмана Джами. В «Сужде-

нии о двух языках» читаем: «...Пора чистой, весенней свежести цветника моей жизни и время, когда распустились (для меня) зеленые побеги сада жизни, — от пятнадцати до сорока лет, когда соловьиная природа (сердца) человека подвластна очарованию каждой свечи — вот это время! Именно в эту пору происходит много удивительных событий и появляется необходимость живописать красу и нежность возлюбленной, ее любовь и кокетство. Это обычно выражают посредством газелей, их либо пишут, либо читают. Среди предназначенных для чтения диванов мало осталось таких, которые (я) сей обездоленный не читал бы много и со вниманием. В особенности — диван предводителя и корифея влюбленных и страждущих Амира Хосрова Дехлеви: он расчистил путь страдания, кокетства, горения и таяния в любви и от сего луча его любовного светильника осветился мир тьмы и гнета. Глава и отрада доискивающихся истины Ходжа Хафиз Ширази также высказал свои изящнейшие речи и сокровенные слова, которые схожи с дыханием всей небесной благодати и являют черты божественного вдохновения. И еще тот, кто был наставником и учителем для (меня) ничтожного, указующий путь истины тем, кто следует путями веры, повелитель и шейх-уль-ислам всех сынов божьих... Мавлана Абдурахман Джами... из его бодрящих душу утонченных слов и животворящих изящных речей... каждое слово по ценности превосходило жемчуг, а по силе огня было более жгучим, нежели пламенеющий рубин» (121—122).

Далее Навои говорит о том, как повлияло тесное знакомство с творениями названных поэтов, особенно Хафиза и Хосрова, на его собственное душевное настроение: «И ему (т.е. Навои) были дарованы сладость и проникновенность творений обоих дорогих, названных выше, и это в такой мере сочеталось с его собственным возмужанием и любовным рвением, что изумления достойно. Все это я прошел много раз, многое, пожалуй, запомнил, познал изысканность и нежность касыд и газелей и даже решился подражать им с такой же изысканностью и нежностью» (122).

В другом месте Навои также говорит о том, что обращение к поэзии в точности совпало у него с началом юношеского возраста, когда он предался «любви и

вину», то есть, в более широком и точном смысле — радостям жизни. Говоря об этом во «Введении» к «Чудесам начинаний», он упоминает даже исторические личности — Курагана (султана Абусаида) и Мухаммед-султана (Хусейна Байкару), давая нам, таким образом, точные сведения о хронологических рамках периода своей активной творческой деятельности.

«Пишущий сии разрозненные частицы и переска- зывающий сии спутанные листы, виночерпий бокалов трудностей и чашник погребка греховности, распутник из квартала обезумевших от любви и без памяти влюб- ленный с улицы распутства¹, я так повествую:

Сад верности взрастил стихи мой,
Я — соловей печали — Навои.

В то время, когда престол Хорасана был украшен покрывалом Курагана и небо разверзала несравненная царская корона Кураган, почивальня моей жизни была озарена свечами юности, сад бытия моего был напоен ароматом цветов молодости, натура моя была побеждена требованиями возраста, и от этой победы натура моя склонилась к письменному столу; старые рубцы в груди моей от ран один за одним раскрылись и от новых порезов на груди моей — полосами кровь; постоянное желание вина сердцу любо, и непрестанно с любимой беседовать — душе приятно; душа моя от хмеля любви хмельна, и сердце от любви к хмелю пьяно:

Красавец-кравчий не со мной — горюю я о нем,
А если в чаше нет вина, душа горит огнем.

В короткое время от потока вина была сломана обитель нрава моего и ума, молния любви обратила в пепел хирман* моего рассудка и здравия:

Кто и любим, и пьет вино, а грустью сокрушен,
Не странно, если каждый миг стократ печален он.
Да, это — горькая судьба, а все ж таю мечту:
Была бы эта грусть со мной во дни любых времен!

---

¹ Традиционные в эпистолярном жанре формулы самоуничижения.

Всякое подобие разума ушло из души моей, и настроение образа души моей сосредоточилось на одном:

И день и ночь, босой, в одежде рваной,
Кучу я в погребке, от хмеля пьяный.
Возвышен духом вровень с небосводом,
Там тешусь я беседой с диким сбродом!

Поскольку натура его не свободна от чрезмерного здоровья, а природа — от врожденной оседлости, нет предела удивительному состоянию на улице любви и конца изумительным трудностям в квартале похмелья. На деле, когда являлось что-либо или от изумления красотой возлюбленной, или от гнева при мысли о сопернике, то ли от мучений, когда все глаза проглядел в разлуке с любимой, то ли в приятном опьянении от вина, то ли от тягот и трудностей расслабления, то ли от подмоги пьяниц, то ли от жалоб надзирателя за благочестием — сообразно этому состоянию и соответственно этим мыслям:

Все мысли, в сердце бравшие исток,
Язык облек в одежды мерных строк» (455—456).

Алишер, с младенческого возраста начавший заучивать наизусть стихи, достиг замечательного результата — заучил пятьдесят тысяч бейтов (сто тысяч строк). При этом, с возрастом для Алишера такое запоминание приобретало характер не только эстетического любования, но и глубокого познания, извлечения определенных выводов. В «Суждении о двух языках» говорится:

«...Во времена моего отрочества и в пору молодости я хранил в памяти более пятидесяти тысяч двестишестидесяти стихов и цветистых бейтов тех поэтов, которые были волшебниками стихотворства и чародеями поэзии. Я тешил себя, испытывая от них удовольствие и наслаждение, высказывая соображения о том, какие из них лучше, какие хуже. Разумом и рассуждением я постигал их сокровенные достоинства. И моя натура уже не направляла себя на вскрытие недостатков и искусственности персидской речи, ибо в пределах той

-долины более не осталось места, куда не ступило бы мое резвое перо» (126).

К Навои рано пришли творческие удачи, известность уже в тот период, когда была у него «душа... от хмеля любви хмельна, и сердце от любви к хмелю пьяно»; читатели хвалили его стихи, превознося, что называется, до небес. Произведения его становились особенно любимы и почитаемы в народе в среде простых людей, а также «делались ходкими в речах и запечатленными в душах людей, образованных и близких к государю».

Из «Предисловия» к «Чудесам истоков»:

Все мысли, в сердце бравшие исток,
Язык облек в одежды мерных строк,

Народ им щедро душу отдавал,—
Как свод небес, вознесся гул похвал.

Вознесшийся над ветхим домом свод
Принес ему и славу и почет:

В развалинах лежавшее без крова
Народу стало кровной мерой слова! (456—457).

По-видимому, именно в этот период (в эпоху правления Абусаида, 1457—1469 гг.) Алишер навек связал свою судьбу с поэзией, ибо уже в старости он вспоминает, что рано понял: поэзия, творческая деятельность — его «судьба», «написанное на челе», отказаться, отвернуться от этого — дело для него непосильное. Разве мотылек своею волей стремится в огонь? Пусть мальчишки швыряют в юродивого камнями — что он еще может, кроме как стоять неподвижно? Так и поэзия, целиком захватившая Навои, — тот же огонь, те же камни. Вот строки из его «Пятерицы»:

Кому какой сужден судьбой удел,—
О чем и как ты разумом радел?

Летит в огонь безумный мотылек —
Как он найти в себе решимость смог?

Безумца детвора камнями бьет —
Как претерпеть ему всю боль невзгод?

Стихи и честь бесчисленных похвал
Как пламень тот и камень я приял.

Что делать? — Я свершил, что суждено:
Менять судьбу нам воли не дано! (50а)

С этих пор Навои «вершил то, что суждено» — ценил поэзию превыше всего на свете, считал ее делом всей своей жизни.

Начиная со времени, когда он стал писать стихи, Алишер творил «тюркскою речью» и, хотя писал стихи также по-персидски, с того периода, когда его сочинения стали распространяться в народе, принял тахаллус (или, как он сам говорит, «клеймо», «печать») «Навои». Вот что говорится об этом в поэме «Язык птиц»:

С малых лет уготовано было мне роком
Устремляться к стихам в помышленья высоком.

И сложенью стихов положил я начало,
И напевность их тюркскою речью звучала,

Если ж дело творят, уж положено так:
У создавшего что-либо должен быть знак.

Это — подпись его, доказательство права,
Будет это печать ли, клеймо ли, протрава.

Строй стихов, что начертан с искусством и вкусом,
Завершается знаком творца — тахаллусом.

И отмечены знаком такой же четы
У властителей тайн их творений листы,

Так и шейх Саади с Низами поступали,
Так Хосров Дехлеви и Джами поступали.

Стал по-тюркски писать я строку за строкою,
Создавая стихи и душой и рукою.

Как из облака, сыпались перлы мои,
И стихам моим послан был знак «Навои».

Стали явью мечты мои в кущах вселенной,
И внимавшим звучал их напев двохновенный (241-242).

Для стихов же, которые он писал по-персидски, Алишер избрал тахаллус Фани¹:

Но стремил я перо и к фарсидскому слову,
Я различным стихам дал и строй и основу.

Многих помыслов благо прияли они,
И была им дарована мета «Фани» (242).

Выбрать тахаллус — «взвалить себе на спину звание поэта» — значило, таким образом, избрать себе ремесло, род занятий до скончания века.

То, что у Навои — два тахаллуса, имеет глубокий смысл. Из последнего бейта приведенного выше отрывка поэмы («...внимавшим звучал их напев вдохновенный») ясно, что тахаллус Навои от «наво» — «мелодия», «напев», был взят в смысле: «вдохновенно поющий», «воспевающий счастье»². Что же касается второго тахаллуса, Фани, то Алишер назвал себя «земной», «смертный» и т. д., следуя с юных лет усвоенному им учению суфизма о том, что мир — нечто преходящее, а значит, и человек в нем — смертен, обречен на исчезновение. Здесь, в этих двух тахаллусах, отразились две стороны мировоззрения и творчества поэта — то, что он любит и воспевает «сей мир», и то, что, согласно господствующим взглядам своего времени, признает: человек неизменно уйдет в «тот мир».

Кто же были учителя, наставники Алишера Навои, осознавшего, что поэзия для него — дело жизни? Частично на этот вопрос дают ответ те его высказывания (о Хосрове Дехлеви, Низами и т. д.), которые у нас приведены выше. Открывая в книге «Возлюбленный сердцем» специальную главу о поэтах, он дает высокую оценку крупнейшим из них и, следовательно, считает их учителями как своими собственными, так и всех поэтов вообще:

«Глава шестнадцатая. Повествование о сладкогласных птицах в цветнике поэзии. Их несколько родов.

¹ Букв. арабск. «земной», «бренный», «смертный».

² Таким образом, неправильно считать, будто Навои означает «мелодичный» в том смысле, что мелодично звучат стихи поэта; подобное воззрение довольно широко распространено в литературоведении в науке о Навои.

Первые пользуются дарами сокровищницы божественного знания и описать их люди не в состоянии... Из тех, кто причастен к этой изумительной плеяде, назовем некоторых. Кто же они? Среди них пишущий по-персидски, обладающий таинственным даром стихосложения шейх Фаридиддин Аттар. Еще — сочинитель глубоких по смыслу маснави, искатель жемчужин на дне моря истины святой Мавлана Джалалиддин, или Мавлана Руми... Еще — поэты, которые высокой истине земной облик придавали и перья свои этим способом сопрягали. Среди них: острослов в кругу глубокомысленных мужей шейх Муслихиддин Саади Ширази воистину и чистосердечно влюбленный среди возлюбленных Амир Хосров Дехлеви, развязавший узлы трудностей мистики и изящных искусств шейх Захириддин Санай, единственный среди святых мужей шейх Авхадиддин, выразитель глубоких мыслей Ходжа Шамсиддин Мухаммедал-Хафиз.

Еще есть род поэтов, которые стихи на мирские темы слагают и этот вид поэзии наилучшим почитают. Среди них: Камал Исфакхани, Хакани Ширвани, Хаджуи Кермани, Мавлана Джалалиддин, Ходжа Камал, Анвари, Захир, Абдулваси, Асир, Салмани Саваджи, Насыри Бухари, Катиби Нишапури, Шохи Себзевари.

Ещё — совершенный в поэзии мудрости и поэзии мирской, на обоих этих путях представший и прославленный, предводитель и наставник мужей поэзии, его высокостепенство шейх-уль-ислам Мавлана, свет народа и веры Абдурахман Джамии...» (20—21).

Из «Полезных советов старости» (четвертая часть книги «Сокровищница мыслей»): «Доказать, что в своих стихах мы пользовались вдохновением и образным содержанием, заключенными в речах трех мужей, и гордиться этим»:

Трое мудрых мужей, созида я газели,
Пели так, как иные вовеки не пели.

Первый муж был кудесник из стран Индустана, —
Стих его души любящих жжет и доселе.

А второй — сладкоустый кутила Шираза,
В бренном мире, хмелен, писавший о хмеле.

Третий муж был Джами, мудрость святости знавший,
В чашу Джама¹ смотреть его очи умели.

А заглянешь в стихи Навои — его строки —
Все, как есть, тем троим подражали на деле.

Отражать — это свойство зеркала, — те трое
Красотой отразиться в зеркале сумели!

8. ЧЕТЫРЕ НОВЫХ ДРУГА

После смерти Абулькасыма Бабура двое друзей — Алишер Навои и Хусейн-мирза (Хусейн Байкара) долгое время оставались разлученными: как мы видели выше, после 1457 года Хусейн, с целью сделать себе, как мы теперь сказали бы, «военную карьеру», отправился в Мерв, а Навои остался в Мешхеде продолжать учебу.

В 862 году (1458-м европейского летосчисления) Хусейн Байкара овладел престолом в Астрабаде и отсюда стал грозить Герату. Навои же добивался условий для творческой работы при дворе правивших в Герате султанов (сперва Ибрагима, затем Абусаида): в те времена успешная творческая деятельность была возможна только при дворе могущественного и богатого феодала, сосредоточившего вокруг себя одаренных людей своей страны.

У него становилось все больше новых друзей и знакомых. Приехав в Герат, он завязывает знакомство с самыми выдающимися людьми той эпохи.

Мирхонд в книге «Сады наслаждения» пишет: «Сей чистосердечный эмир (Навои), во времена Абусаид-мирзы, прибыв в столицу Хорасана, некоторое время состоял на службе у порога этой обители благоденствия...» (48).

Сам Навои сообщает в «Собрании избранных»: «Мавлана Абдукаххар был ученый человек, один из известнейших талантами в городе Герате. Мавлана увлекся алхимией, приложил много трудов, но ничего не достиг. Из-за того, что часто раздувал огонь, ему

¹ Мифический царь Джам имел волшебную чашу, на дне которой отражался, будто в зеркале, весь мир: слово «Джами» можно понимать как прилагательное от «Джам».

заложило уши, он оглох. Однако у него есть хорошие стихи...» (35). «Мавлана Ишки был родом гератец... Когда Султан Абусаид-мирза строил дворец Ак-Сарай, он распорядился, чтобы поэты сложили стихи для росписи стен. Его стихи оказались хороши для этого...» (50). «Шах-Бадахшан сделал своим тахаллусом Лали¹. Он был талантливый человек, благочестивый мусульманин» (43). «Мавлана Абусамат Бадахши — он и был бадахшанец. Во времена султана Абусаид-мирзы прибыл в Герат. Шах поручил ему написать хронику своего (правления). Он сочинял маснави, был плодовитым писателем. В одном бейте с целью составить таджнис он допустил ошибку в рифме; когда (я) нижайший указал ему на это, он тотчас понял и выразил благодарность. И этот случай стал причиною дружбы между ним и (мною) нижайшим...» (43—44).

Из числа всех, кто сделался Навои близким другом в результате знакомства в Герате либо многократных встреч в этом городе после более раннего знакомства в других местах, четыре человека оставили особо глубокий след во всей его жизни и деятельности.

Один из них — Саид Хасан Ардашер. Этот авторитетный человек, крупный ученый и поэт своего времени, встретился с Навои в 860 (1455—1456) году. Хотя в этот период Навои уже стяжал себе в Хорасане известность стихами («стихи сего нижайшего обрели славу в Хорасане»), Ардашер был вынужден призывать его заниматься поэтическим творчеством «он побуждал (меня) слагать стихи». Жизни Ардашера Навои посвятил особый труд — «Жизнеописание Саида Хасана Ардашера». Вот выдержка из него: «Праведник на пути брэнности, сокровище в руднике, всеведущий в сокровенном Саид Хасан Ардашер... с ранней юности все время тратил на приумножение знаний и совершенств. Он в любой области знаний скоро опередил сверстников, превзошел даже многих одаренных и образованных людей своей эпохи. Но и благовоспитанность, мягкость, скромность и застенчивость его были также велики. Вот вкратце его упомянутые знания и умения: знание форм и выражений языка и словаря, арабская словесность, логика, риторика, законоведе-

---

¹ От арабск. «лал» — «рубин, яхонт».

ние, хадисы, комментирование, а также другие отрасли знания: сочинение стихов, муамма, хронограмм, астрономия, теория музыки и музыкальная практика. Если в каком-либо собрании заходила речь о чем-нибудь подобном, он бывал осведомлен лучше, чем большинство собравшихся. Но вследствие скромности и воспитанности, а также не желая, чтобы кто-то потерпел поражение в споре, был посрамлен, он не тратил много слов, а на многих собраниях вообще не говорил.

Вследствие своих прекрасных качеств и мягкости нрава он среди хороших и плохих людей своего времени сделался любимым, уважаемым и почитаемым.

Бейт:

Знай: жемчугу, что блещет, как живой,
Уместно быть над шахской головой. (75—76).

Он пренебрегал суетностью занятий светскими науками. Говорят, он испытывал отвращение к службе у правителя...» (76).

«Когда царским престолом овладел султан Ибрагим-мирза — это было в 861 (1455—1456) году, я (сей) ничтожный был удостоен его (Ардашера) беседы. (Меня) низжайшего так очаровали его подвижничество и праведность, что я не мог вытерпеть, чтобы хоть один день не навестить его. Он также приходил, справлялся обо мне, спрашивал: «Не случилось ли неприятности? Сегодня мы не получили вестей о тебе».

И он (меня) сего низжайшего направлял на путь подвижничества и побуждал слагать стихи. В то время стихи сего низжайшего (мои) обрели славу в Хорасане, поэтому он, оказывая мне внимание, также часто читал некоторые из них в собраниях и был доволен. В числе тех стихов были также следующие. Одно:

В разлуке лик мой — как шафран, цвести на нем слезам-
тюльпанам,
Не слезы это — кровь от ран на мертвом сердце, в клочья
рваном!

И еще вот это:

Скиталец горький, страсть таю я к пери чудной красоты,
Дивится мир на страсть мою, меня ж дивят ее черты.

И этот бейт он также часто читал:

Увидел я твой нежный рот — и пальцы закусил от боли, —
Как жаль: не уст вкусил я мед, а впился в собственные руки!

Бейт из этого маснави он знал наизусть:

Надеешься урвать ты щедрый дар,
А рок взамен найдет суровых кар!

Из персидских стихов он более всего высказал суждений о диване его святейшества Ходжи Хафиза Ширази, причем большую часть стихов этого дивана знал наизусть, в собраниях часто читал эти стихи. Из маснави он ревностно относился к «Бустану» шейха Мулихиддина Саади Ширази, а большую часть поэмы «Мантыкут-тайр» шейха Фаридиддина Аттара помнил наизусть и часто читал. Многое он держал в памяти. Особенно высоко он ставил книгу «Кимияи саадат» («Алхимия счастья»), а также трактаты шейха Азизи Насафи, часто рассказывал о них...» (77—78).

Саид Хасан Ардашер, выдающийся поэт и ученый, отличался многими замечательными свойствами натуры. Навои в его жизнеописании далее повествует: «В его жилище никогда не было недостатка в выдающихся в то время поэтах, ученых, острословах. Дервиши и подвижники также удостаивали посещением его дом, вели с ним беседы. (Известные) в горде музыканты, певцы, сказители постоянно присутствовали в его собраниях. Никогда не бывало, чтобы кого-нибудь из образованных людей не оказалось у него; его дом был местом сбора их и они всегда тут собирались.

Бейт:

Блажен, кому творцом дано в угоду,
Как добрый дар, желанным быть народу.

В дни молодости он верховодил среди кутил и распутников, это племя не выходило из его дома ни днем, ни ночью...

На стезе риндлика¹ ему было отпущено такое, что редко бывает отпущено людям этого племени: пер-

¹ См. примеч. на стр. 40.

вое — великодушие... еще одно — удивительное милосердие... еще одно — любезность и скромность, мягкость в речах, причем это — главное... еще одно — терпеливость и выносливость.. еще одно мягкосердечие... и это — соль, украшение общества... еще одно — неприязнительность; в самом деле, для него нет разницы между шелком и паласом» (79—80).

«Он всегда был дружен с учеными, с благородными людьми и святыми своего времени. Высокопоставленные беки Чагатаева улуса, те, кто старше его возрастом и положением, и ровесники за его величие ставили его выше себя и потому оказывали ему почет...» (81).

В «Жизнеописании Саида Хасана Ардашера» приведен также факт, указывающий на то, что друг Навои Ардашер стоял в оппозиции к жестокому падишаху Абусаиду. В присутствии Ардашера «однажды кто-то по какому-то поводу прочел следующий известный бейт о различии природы вещей:

И ступа, и рубин — всего лишь камни,
Но между ними разница видна мне.

И он (Ардашер)... поведал: некий шейх говорил, что, мол, котел — каменный, а рубин — тоже камень, однако между ними есть разница. От каменного котла не происходит ничего, кроме пользы, потому что в нем варятся различные вкусные яства, и все, великие и простые, ими пользуются, от рубина же люди терпят разные невзгоды. Как раз в то время султан Абусаид-мирза велел отобрать у всех драгоценности, у кого есть, а у кого их не видно, угрожал обыскать, и этим причинял всевозможные беспокойства и вред. А в собрании, где прочитали тот бейт, птица варилась в каменном котле» (84—85).

Еще одна выдержка: «Он говаривал: опьянение властью в мире не похоже на опьянение от вина, ибо последнее проходит в тот же день, а первое длится, пока опьяненный — у власти, и отрезвление наступает, когда он ее лишается. Какой же это сильный напиток, если опьяненный годами не знает, что он опьянен!» (84).

Ардашер старался держаться подальше от двора падишаха. В «Собрании избранных» Навои пишет:

«Саид Хасан Ардашер (мне) сему смиренному был вместо отца... Среди тюрок и сартов (я) сей низжайший не видел человека более совершенного, чем он... Султаны выражали желание воспитываться у него, (но) он держался вдали от них... Порой он писал стихи на двух языках» (68)¹.

Во время правления Абулькасыма Бабура и султана Абусаида Навои сдружился еще с одним замечательным человеком. Это — сын знаменитого Пахлавана² Абусаида (тезки султана) Пахлавана Мухаммеда. В посвященном ему «Жизнеописании» Навои уже на склоне лет указывает, что дружба с этим человеком сохранялась у него на протяжении сорока лет. Если принять во внимание, что Пахлаван Мухаммед умер в 1493 году, можно предположить, что с ним будущий поэт познакомился и подружился, когда последнему было десять-двенадцать лет. В «Жизнеописании» он отмечает событие того года (1464), когда он, во время правления Абусаида, прибыл в Герат, но затем был вынужден возвратиться в Мешхед, — еще одну встречу с Пахлаваном Мухаммедом.

Можно считать, что в детстве Алишеру везло на друзей. Пахлаван Мухаммед — одна из ярких фигур, свидетельствующих, в какой среде, под влиянием какого рода людей воспитывался Алишер. Мухаммед Абусаид (или Бусаид), обладавший громадной физической силой, борец, мастер национальной борьбы — кураша, был наряду с этим, подобно многим передовым людям эпохи, наделен многими разносторонними способностями — был ученым, философом, музыковедом, музыкантом, композитором, табибом, астрономом-астрологом и, наконец, просто замечательным человеком, верным другом. Навои называет его «солнцем народа». В его «Жизнеописании Пахлавана Мухаммеда» говорится:

«...Мир богатырей среди богатырей всего света, всесветный богатырь в мире богатырства, обликом и сущностью бесподобный и несравненный — Пахлаван,

---

¹ Когда Хусейн Байкара вступил на престол, Саид Хасан вместе с Алишером служил при дворе в высоком чине. Дружба между ними сохранялась до самой смерти Ардашера, то есть дольше тридцати пяти лет.

² Борец, силач.

солнце народа и веры Мухаммед-единоборец... Обладая высоким дарованием и соответственно имея склонности к различным наукам и умело используя эти склонности, он приобрел множество достоинств и совершенств, так что современники высоко ценили Пахлавана.

В числе (его совершенств) была наука о сложении мелодий и теория музыки. Когда он играл и пел, тон его был приятный, звук — чистый, а зачины и паузы красивы. В этом тонком искусстве он своим усердием и прилежанием настолько преуспел и овладел столь высоким мастерством, что сам стал сочинять приятные мелодии и (другие) произведения, а также улаждающие сердце изречения и газели, притом сам превосходно их исполнял. Так что внимавшим ему высоким особам и людям простым ничего не оставалось, кроме как предаваться наслаждению и заучивать (услышанное).

Он создал произведения, подобные творениям таких мастеров эпохи в области этого искусства, как Устад Мухаммед Хорезми, Мавлана Нуман, Мавлана Сахиб Балхи, шейх Сафай Самарканди, Ходжа Юсуф Анджани. Поскольку, он был лучшим чтецом и исполнителем (произведения в жанрах) накш, суфия, амал, джир-чарзарб, чем большинство из названных, то и сочинения его сделались более известными.

Одна из его известных мелодий «Чахаргах»... Она посвящена Мир Бузургу Термези, весьма нежна и приятна для слуха, настолько, что в Хорасанском царстве и, пожалуй, в Самарканде и в Ираке нет певца, который бы ее не знал; ее запомнило бесчисленное множество людей — даже не певцов по профессии. Еще одна его мелодия — «Сегах»... Она посвящена (Абуль-касыму) Бабур-мирзе, до крайности выразительна и приятна. И еще одна — (тоже) «Сегах»... Она посвящена Султану Абуसाид-мирзе, также до чрезвычайности привлекательна... Еще в поэзии, в сложении муамма — как в теории, так и в практике — Пахлаван был очень сведущим, умел импровизировать так, что из сотни поэтов того времени не было даже одного, равного ему по знаниям и опыту. И многие мужи поэзии, сочинив стихи какого угодно рода, представляли (их) Пахлавану и принимали его замечания, поправки и

исправления. Его натура также была склонна к сочинению стихов и муамма...

Еще он был осведомлен в области стихосложения, рифм и аруза... Еще он настолько знал астрологию, что по звездам мог заранее предсказать удачу любого начинания... Еще он был сведущ в философии и врачевании. Этому искусству он научился у Мавлана Кутби — одного из видных табибов той страны. Мавлана Улаульмульк и Мавлана Абдуссалам — бесподобные врачеватели — были собеседниками Пахлавана и всегда при обсуждении вопросов этой науки и разговоров на эту тему принимали во внимание высказывания Пахлавана, высоко оценивали его методы лечения. И если кто из его друзей заболел, то по большей части лечил их сам Пахлаван...» (89—95).

Можно прямо утверждать, что замечательные свойства натуры Пахлавана Мухаммеда оказали сильное влияние на формирование натуры самого Навои, поскольку и сам он отмечает их с восхищением и почтением: «И был он человеком весьма приятного нрава, очень воспитанным, много у него было превосходных качеств: щедрость, великодушие, милосердие, благородство. Со старшими он был почителен, со слугами, с малыми, слабыми — любезен и милостив, с теми, чьи судьбы следовало соединить или между кем нужно было посредничать, — учтив и любезен им. Днем и ночью, все двадцать четыре часа, хоть в странствии, хоть во время пребывания дома, Пахлавану не было покоя в его опочивальне — приюте (для пришлых), она была полна различными яствами» (95).

Пахлаван Мухаммед и Навои встретились в тяжелые времена и в тяжелые времена довелось им жить, однако они всегда оставались задушевными, искренними друзьями, заботились друг о друге. Одна из их первых встреч — а именно встреча в Мешхеде — началась с того, что Алишер получил от Мухаммеда медицинскую помощь.

«Пахлаван был человеком скромным, пылким и чувствительным, от переживаний сердце его воспалялось и тело страдало. Однако этого он ни единому человеку не выявлял. И не было у него никаких тайных и сокровенных слов, чтобы скрывать от (меня) недостойного. Также и у (меня) недостойного — от це-

го... Разве пройдешь мимо того, что сорок лет он был собеседником человека, подобного мне, — человека безумного, смятенной судьбы, своенравного и взбалмошного. Не приходит на ум, чтобы хоть пылинка пала на память от общения с ним, не приходит на душу, чтобы от этого обида закралась в сердце. Наоборот, нужно добавить, что нить дружбы становилась крепче день ото дня, правила и пути дружбы делались прочнее и неколебимее... Во времена султана Абусаид-мирзы жители Хорасана были зависимы от жителей Самарканда, от последних происходили всевозможные гнет и притеснения, которые обрушивались на забитое и покорное население. Именно эти бедствия и несчастья, превратности судьбы и мученья привели (меня) сего ничтожного в Мешхед, по прибытии туда я был внезапно поражен болезнью суставов и слег, всеми оставленный. К счастью, Пахлаван (Мухаммед) также в это время служил в Мешхеде. Получив известие обо (мне) сем низайшем, он ежедневно удостоивал меня посещением, исполнял роль друга, проявляя заботу, милосердие и сочувствие до тех пор, покада я не выздоровел. Также Мавлана Абдуссалам Ширази... известный мудрец и прославленный табиб того времени (мне) сему немощному оказывал помощь. Притом у табибов есть обычай: если у больного по выздоровлении остается под кожей хотя бы незначительное увлажнение, то для его устранения они назначают промывание и растирание. (Мне) ничтожному он также назначил это. Пахлаван, в силу доброты и милосердия своего, каждый день навещал меня в немощи моей и, поскольку никто другой не был столь же сведущ в способах и методах растираний — ведь он был почти что табиб, — он проявлял любезность, беря на себя это занятие...» (93—98).

Здесь же Навои, повествуя о том, что за шутки проделал Пахлаван над стихотворением, которое он, Алишер, в то время только что написал, дает представление, каким веселым, жизнерадостным человеком был Мухаммед. (Этот эпизод мы приводим позже, в главе «Великий талант и жалкая действительность»). Свой рассказ об этом он подытоживает так: «У Пахлавана было много подобного рода удивительных проделок и утонченных шуток...» (100).

Разумеется, не только сам Пахлаван Мухаммед, но также его окружение, ближайшие друзья повлияли на мировоззрение Навои, формирование его вкусов. В «Собрании избранных» сам он пишет: «Мавлана Мухаммед Нематабади... состоял на службе у Пахлавана Мухаммеда... и был имамом* той местности. Он тоже пристрастился к муамма, потому что в собраниях у Пахлавана всегда присутствовали поэты и сочинители муамма. И Пахлаван отдал его на выучку некоторым знатокам. В короткий срок тот прилично выучился и стал слагать (муамма). Однако его рано постигла смерть, он оставил мир; (я) низайший собрал его муамма» (57).

Повествуя о Саиде Хасане Ардашере, Навои указывает, что до времени правления Абусаида он не пользовался известностью в стране («Со времени Абулькасыма Бабура до конца правления Байсунгурмирзы, почти тридцать лет, он по большей части тратил время впустую», 77); точно так же, рассказывая о своих встречах с Пахлаваном Мухаммедом, он заводит речь о периоде, когда сам он был вынужден возвратиться из Герата в Мешхед — то есть о том же времени правления Абусаида¹.

В этот период произошло также знакомство Алишера с еще одним — впоследствии другом всей его жизни — с поэтом и мыслителем Абдурахманом Джами. Родившийся в городе Джам, Абдурахман жил там до вступления в юношеский возраст, а затем, «подобно тому как солнце — на запад, а пророк — в Ясриб (Медину)», направился в Герат. Здесь он помещается в медресе, в короткое время овладевает науками, становится известным ученым, а также поэтом. Во времена Абусаида, очевидно, с целью держаться в стороне от политической жизни при дворе властителя — Джами удалился за пределы Герата, избрав себе место жительства при мазаре* Саадиддина Кашгари. Отныне сюда являлись те, кто намеревался выразить почтение прославленному ученому и поэту. Навои также именно здесь встречается в это время с Джами и на всю свою жизнь остается его верным учеником, другом и сподвижником.

¹ Позже Пахлаван Мухаммед вместе с Навои служил при дворе Хусейна Байкары,

В сочинении «Пятерица изумленных» («Хамсатул-мутахайрин») он пишет: «Благословенное время его рождения известно из содержания его священных стихов — год восемьсот семнадцатый...»¹ С малых лет и до поры начала юности он пребывал в вилайете Джам, но от того, что мало отыскалось людей, от которых ему проистекала бы польза, —

Светилу путь до запада пролег, —
Из Мекки на Медину шел пророк, —

он прибыл в город (Герат) и поселился в медресе Низамия близ Иракских ворот, в котором, как рассказывает, определенное время обитали также Мавлана Зайниддин Абубекр Таабади, Мавлана Саадиддин Тафтазани и по времени — Амир Хосров Дехлеви. Здесь он принимается за учење и в короткое время, превзойдя юношей — своих сверстников, в науках и добродетелях опередив, пожалуй, также широко образованных ученых города, ощутил, что уже не нуждается в уроках когolibо из мужей своей эпохи... Некоторое количество времени он расходует на занятия обязательными науками, однако никогда не бывает свободен от упражнений в стихосложении... Те, которые прослышав о его совершенствах, одолев дальние пути, приходили, чтобы удостоиться его благословенной беседы, никак не могли поначалу распознать его среди его собеседников, людей совершенно неприметных — потому что не было никакой разницы между ним и прочими прислуживавшими ему в манере держаться, говорить, слушать, в пище и одежде... С середины времени правления Шахрух-султана до начала времени Абусаида он жил в городе. Затем переместился на постоянное место жительства возле мазара святейшего пира Саадиддина Кашгари, что в самом начале Хиябана. Все городские ученые, вельможи и влиятельные люди оказывали ему услугу, заботились о нем... (Я) сей низжайший из низжайших был в числе этих последних, кто видел его в начале Хиябана и брал у него уроки по небольшой, коротко составленной книжке...» (8—13).

¹ 1414 г. европейского летосчисления. Джами был старше Навои на 26—27 лет, однако всегда держался с ним как равный.

Далее в этом сочинении Навои описывает методы, которые применял Джами в ходе преподавания:

«В то время, когда (я) нижайший постигал от него изображение, смысл и содержание сокровенных обозначений суфизма, мне очень захотелось познакомиться с сочинением «Ламоат» («Пламенеющие»), основой суфийского благочестия шейха Фихридина Ираки. Однажды я намеком дал ему это понять. Он сказал: «Написанные по-персидски книги и рисаля* шейхов тариката* мало кто читает, но если у тебя сильное желание — да будет так!» И вот он взялся изучать со (мною) презренным эту благородную книгу, каждый день разъяснял ее, неизменно радостный на каждом занятии. Он говорил, что, дескать, для нас не было подобной радости при чтении книги «Саваних» («Происшествия»). Когда после нескольких занятий стали встречаться выражения более сложные, он заявил, что необходимо прибегнуть к комментариям. Он стал проводить занятия, обратив свой благословенный взгляд на комментарии шейха Ярала и других. Итак, для истолкования многих выражений он стал обращаться к комментариям, говоря: «Не постигнув смысла того или иного выражения, составляли комментарии». Когда он дважды это повторил, (я) нижайший сказал: «Если (я) нижайший захотел бы воспользоваться подобной изящною книгой, будь сколько угодно комментариев — что толку? Между тем ваше высокое святейшество подобные трудности делает для учеников легкими». После этого он сказал: если что будет непонятно в книге и «Ашиатул-ламоат» («Свержения пламенеющих») и подобных ей книгах и рисаля, всякий раз нужно обращаться к комментариям. Когда он писал те комментарии, перед его благословенным взглядом находились «Фусус» («Драгоценные камни браслета»), «Футухат» («Откровения»), «Нусус» («Доводы»), «Фукук» («Разрешения споров») и другие основополагающие труды, однако у него не было надобности заглянуть ни в один из них... Однажды (меня) нижайшего раздумья о муамма ввергли вот на такую стезю: с давних пор устод светских наук Мавлана Шарафиддин Али Йезди... собрал сведения об этих науках, воскресил имена деятелей этих наук, так что до нынешнего времени другие уважаемые лю-

ди составили книги и рисаля и эти науки приобрели прекрасную, упорядоченную форму, в них появились различные правила и термины. Однако еще не умели упорядочивать и толковать эти термины. Когда (я) ничтожный об этом раздумывал, меня удостоил посещением его высокое святейшество (Джами), я обрадовался, ибо ожидал его. Он сел и спросил: «На лике твоём явилась радость, что произошло?» Я ответил: «Причина радости — благословенное пришествие его высокого святейшества, однако вот какого рода мысли меня занимают», — и изложил то, о чем сказано выше. Он был в высшей степени обрадован и выразил одобрение, сказав: «То, что ты подумал, очень правильно и основательно». Увидев, как он обрадован, я сказал: «Если это имеет ценность, я таким способом и по правилам сей науки составил бы книжечку». Он сказал: «Не утруждай себя этим». И в течение двух-трех дней написал небольшую книжку стихов. Из-за того, что он стремился вкратце совместить многое, возникло немало мест чересчур утонченных, а также темных. Так что человеку, впервые к этому приступающему, понять было бы нелегко. (Я) ничтожный униженно попросил, не позволит ли он, чтобы (суть дела) была изложена полегче. И по его повелению написал краткое изложение под заглавием «Муфрадат» («Непарное», «Несложное»). В знак приятия он этот мой рисаля тогда же предложил для изучения своему сыну, который по сему краткому изложению учился искусству слагать муамма» (46—48).

Однажды (я) низайший был у него (Джами) и больше никого не было. Разговор шел о касыдах Анвари. Он высказал такое суждение: «Его стихов, в особенности касыд, мы видели мало; вот недавно нам попали в руки один-два его дивана, и мы занимались ими; в некоторых местах можно сказать, что они, пройдя степень речи, какую может высказать человек, достигли степени чудотворства, мне встретились редкостные сочетания и удивительные выражения». Тогда как (я) ничтожный был среди людей порицаем за преданность Анвари, за то, что много читаю его стихов. На самом деле так и было. Весьма обрадованный, я сказал: «У меня просьба, вот эта касыда принадлежит ему:

Ведь силы сердца и руки — глубинам недр и рек под стать:
Дано властителям миров рукой и сердцем власть держать.

...Тогда он (Джами) улыбнувшись, проговорил: «Ты говоришь удивительные речи, мы в эти три-четыре дня читали эту касыду, были очень довольны и вследствие такого удовольствия сложили на несответ». Он достал бесцветный лист бумаги с написанным начерно, не перебеленным стихотворением, дал (мне) нижайшему в руки и велел: «Читай!» Начало (стихотворения) было таким:

Язык молчит в затворе уст; сломав молчания печать,
Владыку мира похвалой ему пристало величать.

У (нас) ничтожных какое право давать оценку? Мы проявили бы невоспитанность, если бы сочли эту касыду колдовской, что выглядело бы как будто это стихотворение принижается, тогда как следует считать его чудодейственным» (24—25).

Старшим из тех, кто, заметив способности Навои, ждал от него большого будущего и сделался ему другом на всю жизнь, был поэт Лутфи. В книге «Ветерки любви» о нем говорится: «Мавлана Лутфи в годы его учебы состоял при Мавлана Шихабиддине Хиябани, учился у него следовать путем дервишества. Однако же он сделался известным и прославленным на стезе поэзии, а следование дервишескому образу поведения ему не удалось. (Мне) ничтожному он оказал много любезностей и уважения, возносил (за меня) молитвы, охотно услуживал и угождал моей матушке... Мавлана был человек исключительно болезненный, чувствительный... Из следующего матла делается ясным вкус вина, которое вкушают подобного рода люди:

Кто хвалится своей красотой, людей презрением губя,
Тот сделал зеркалом тебя, чтобы в тебе любить себя! (181—182).

О нем же Навои пишет в «Собрании избранных»: «Мавлана Лутфи... для своей эпохи был царем слова (среди пишущих), по-тюркски и по-персидски не было равных ему, однако более славен он (стихами) на тюркском языке, известен его тюркский диван, где

имеются матла, на которые весьма трудно написать ответ, среди них следующий:

Коса любимой вьется по спине,
А все ж она длинней спины вдвойне.

И еще следующий:

Кудрями милой оплетен, я двинуться не смею:
Накинута со всех сторон арканы мне на шею.

Его перевод «Зафар-наме» («Книги побед») — маснави, включающее десять тысяч бейтов, — не стяжал славы, потому что не был переписан набело. Однако же он написал ответы — подражания на трудные стихи многих мастеров — творцов персидских касыд... Был он человек уважаемый и почитаемый. Много раз возносил обо (мне) нижайшем краткие молитвы...» (61—62).

9. «ЗУЛЛИСАНАЙН»¹. ОЦЕНКА ВЕЛИКОГО УЧИТЕЛЯ

В «Собрании поэтов» («Маджмуатуш-шуара») — произведении Давлатшаха Самарканди — читаем: «Высокопоставленный отец сего прославленного эмира (Навои) был одним из прославленных людей своего времени, одним из выдающихся мужей Чагатаева улуса. Во времена государя Абулькасыма Бабура... он был предусмотрительным советчиком державы, доверенным и непритязательным в государственных делах, принимавшим участие в каждом важном начинании. Самые лучшие плоды его высокого благородства он расходовал на то, чтобы украсить подобающими добродетелями своего счастливого наследника и осветить его лучами, указующими праведный путь... Его стремления и усилия не остались в сем мире напрасными, и оставшийся в мире (сын) после такого прошедшего (отца) достиг в удивительной мере почестей и высокого положения... В эпоху государя (Абулькасыма Бабура) сей высокий эмир (Навои) сделался весьма значительным... с большим усердием овладевал знаниями и умениями.

¹ Букв. арабск. «владеющий двумя языками».

Он также вел беседы с учеными людьми. И проявлял жадность к тому, чтобы слагать стихи хорошего вкуса и праведного смысла, чтобы внимать известиям. Уже в юном возрасте он был зуллисанайн. В сложении стихов по-тюркски он проявил мастерство, был также искусен на стезе персидских (стихов)... Султан Бабур—государь, заботящийся об искусствах и постигший цену слова,— постоянно возносил хвалу чрезвычайной творческой мощи и утонченности сего высокостепенного эмира. Временами он заимствовал глубокие мысли из персидских и тюркских стихов, написанных сим высокородным эмиром, и поражался силе их таланта и красоте благородных речений...»

Из «Собрания избранных»: «Мавлана Аязи был человеком странного склада. Его приемы и слова были редкостными, будь то в прозе или стихах. (Я) нижайший видел его в одном собрании на Пули-Малане. Он в обществе читал свою касыду, и как только он начинал бейт, я продолжал его, угадав склад и рифму. Он был весьма удивлен. Три года спустя в Баги-Сафиде, в другом собрании, в точности повторилось то же самое. И опять он был изумлен. Здесь присутствовало несколько человек из того, давнего собрания, они спросили его: «Видел ли ты когда-нибудь подобного человека?» У него было слабое зрение, и потому он ответил: «Не видел. Разве что три года назад видел я одного юношу на Пули-Малане, он тоже совершил подобную шутку». Все собрание рассмеялось» (53—54).

Из книги Хондемира «Добрые нравы»: «Мавлана Лутфи был в свое время единственным по части остроумия речи. Прежде него никто лучше него не слагал тюркских стихов. Когда его высокостепенству (Навои) исполнилось порядочно лет и он вступил в юношеский возраст, однажды он пришел к Лутфи. Тот попросил: «Хорошо, если б вы доставили нам удовольствие, прочитав одну из газелей, кои явились плодом ваших утонченных раздумий». Тот высокостепенный прочел газель; матла ее следующий:

Едва она скрывала лик, я капли слез ронял уныло:
Рожденью звезд дарован миг, когда скрывается светило!

Высококочтимый Мавлана, слушая сию пламенную газель, погрузился в море изумления и сказал так:

«О аллах, если б возможно было, я бы десять-двенадцать тысяч моих бейтов на персидском и тюркском языках променял на эту газель, да еще почитал бы себя с большой прибылью» (31—32).

Здесь следовало бы познакомиться с некоторыми стихами Навои, написанными в то время.

Но, к сожалению, у поэтов Востока не было обычновения указывать дату написания мелких произведений (да иногда и крупных тоже). И это в современных условиях создает многообразные трудности для тех, кто исследует творчество того или иного поэта. К примеру, в результате отсутствия датировки затрудняется задача — осветить творческую эволюцию того или иного деятеля литературы. И потому каждое произведение, ясно и четко датируемое, для нас приобретает особую ценность.

Алишер Навои оставил кое-какие сведения, которыми трудность сформулированных выше задач несколько уменьшается. Выше, указывая, что впервые он познакомился с Саидом Хасаном Ардашером, поэт сам вспоминает четыре из своих стихотворений, которые в то время запоминались и охотно читались, приводит также их матла. Начало первого:

В разлуке лик мой как шафран, — цвести на нем слезам-тюльпанам,
Не слезы это — кровь от ран на мертвом сердце, в клочья
рваном!

Начало второго:

Скиталец горький, страсть таю я к пери чудной красоты,
Дивится мир на страсть мою, меня ж дивят ее черты.

Третьего, также охотно читаемого:

Увидел я твой нежный рот — и пальцы закусил от боли;
Как жаль! Не уст вкусил я мед, а впился в собственные руки!

И начало еще одного — маснави:

Надеешься урвать ты щедрый дар,
А рок взамен найдет суровых кар! (78).

Опираясь на приведенные отрывки, мы стали разыскивать эти газели в диванах Навои (начиная с того, который в 1466 году составил прославленный каллиграф Султан Али Мешхеда) и, к нашему счастью, отыскивали их; только маснави, начальный бейт которого приводится, до сих пор не найдено. Что касается бейта, который начинается словами: «Увидел я твой нежный рот», то он в газели оказался не первым, а вторым.

Таким образом, мы установили три газели Навои, которые нравились людям, когда ему было шестнадцать лет (и которые, следовательно, были записаны еще раньше).

Та газель, начальные бейты (матла) которой приводит Хондемир в цитированном выше рассказе о Лутфи и Навои, также имеются в известных нам диванах Навои. Эта газель написана, предположительно, в тот же период — когда Навои вступал в пятнадцатилетний возраст (как говорит Хондемир, когда Алишеру «исполнилось порядочно лет и он вступил в юношеский возраст»).

Таким образом, мы располагаем четырьмя газелями, которые Алишер сложил в юности и дата написания которых установлена.

Знакомство с этими газелями подтверждает нашу мысль о том, что Навои стяжал огромную известность в очень раннем возрасте, что он обладал ярким поэтическим талантом.

В этих стихах, как и во всем своем творчестве, Навои широко пользуется образами и выражениями, употребляемыми в восточной поэзии и сам создает новые образы. К примеру, в трех стихотворениях встречаются традиционные уподобления возлюбленной — розе, луне и солнцу, ее ресниц — стрелам и наконечникам копьев, летящих к сердцу, к груди влюбленного, ее бровей — луку, из которого эти стрелы выпущены, сердца влюбленного — цветнику («кровавому лугу») или бутону — «кровь сердца». Согласно традиции, каждая газель состоит из четырнадцати-шестнадцати строк (семи-восьми бейтов), в каждом бейте выражена самостоятельная мысль и все бейты (газель в целом) объединяет одно содержание — вос-

хваление возлюбленной или выражение того состояния (настроения), в котором пребывает поэт.

Возьмем газель, начинающуюся строкой: «В разлуке лик мой как шафран...» В ее первом бейте поэт свое лицо уподобляет шафрану (подчеркивая желтизну лица), а свои слезы — тюльпанам, которые на шафран сыплются (здесь использовано уподобление слез кроваво-красным тюльпанам — уподобление, содержащееся в народном выражении: «Вместо слез проливаю кровь»), и затем, поэтическим приемом отрицания высказанной мысли с целью ее оттенить, эти же слезы уподобляет каплям крови от ран своего изорванного в клочья сердца. Зубы возлюбленной — жемчугу и высказывает ей, как они действуют на него самого. В ответ возлюбленная сравнивает их с губительным градом:

«Жемчужины твоих зубов,— сказал я,— сев терпенья губят»,
Она в ответ мне: «Град суров, несущий гибель всем полянам!»

Уста возлюбленной поэт уподобляет розе, усыпанной сладкою росой:

На розе ярче багреца сверкают сладкие росинки,—
Иль это — нежная пыльца, приставшая к устам румяным?

«Стрелы», выпущенные возлюбленной, пронзили грудь влюбленному:

Тростинки острых стрел твоих, пробивших грудь мне,
обломались,—
Еще трепещут жала их в истекшем кровью сердце рдяном.

Вся вселенная в смятении, околдованная красотой возлюбленной. Поэт восклицает:

Все девять блещущих небес вокруг тебя кружатся в смуте,—
Никто не знал таких чудес — близ солнца стольким быть
смутьянам!

Когда же возлюбленная удаляется, поэт в отчаянье:

Рыдаю я в потоках слез, навек покинутый друзьями;
Стенаю я, как жалкий пес, что не поспел за караваном.

Поэт в разлуке с возлюбленной становится «горою бед». Здесь по традиции поэт называет себя, приводит свой тахаллус, на котором его слезы-кровь взрастили алые цветы горя:

Стал Навои горою бед: цветут тюльпаны-слезы кровью,
Горою быть — его обет, и вечно цвести слезам багряным!

Вторая газель начинается бейтом довольно простым по содержанию («Скиталец горький, страсть таю...»). В следующем бейте поэт благославляет «стрелы», выпущенные возлюбленной, которую он называет райскою девою — пери:

Ты лечишь жар, что грудь мне сжег, ко мне летящим ливнем
стрел,—
Подобен каплям их поток, прохладу льющий с высоты.

В то же время сердце — воин среди врагов:

Ты, сердце,— воин, вражий стан тебе грозит — кольцо скорбей,
А пятна незаживших ран — твои багряные щиты.

Что такое алый цвет на «стрелах» возлюбленной:

Что это — красных перьев цвет, венчающих тростинки стрел,
Иль моим сердцем струи бед — потоки крови пролиты?

Направляя возлюбленной послание, поэт страшится открыто назвать ее по имени:

К тебе письмо — мой страстный зов — придет ли? Грозен суд
людской:
Скрыть твое имя я готов — спасти его от клеветы.

В минуты грусти поэту мил кабачок «на улице магов*».

Красивым пологом одет приют веселья и вина:
Над ним сияет солнца свет, и выси горние чисты.

Соловью (влюбленному) не по душе долго ждать знаков внимания от розы (возлюбленной) — ей угрожают беды:

Над розой соловей притих, но налетит тяжелый град —
Увянет роза уст твоих, засохнут нежные кусты.

Если говорят, что за любовь не жаль отдать жизнь,— поэт готов на любые жертвы; завершается стихотворение так:

«Не стоит,— говорят,— любви жизнь не отдавший за любовь»,—
Пусть за любовь у Навои сто жизней будут отняты!

В другой газели Навои возлюбленную уподобляет ребенку, капризному и бессердечному:

Я, жалкий, только и пригож тебе игрушкой быть от скуки.
Дитя, в подарок ты возьмешь мои страдания и муки!

Увидев уста возлюбленной, поэт изумлен их красотой:

Увидел я твой нежный рот — и пальцы закусил от боли,—
Как жаль! Не уст вкусил я мед, а впился в собственные руки!

На образный упрек в жестокости возлюбленная отвечает так же иносказательно:

«Зачем тобою вонзены,— спросил я,— в сердце мое стрелы?»
«Огню любви дрова нужны,— сожги их!— был ответ от злоюки.

Истерзанный неразделенным чувством, поэт умоляет возлюбленную разом пресечь его мученья:

Из луков выгнутых бровей ты стрелы бед в страдальцев мечешь,
В меня прицелься поточней,— да шлют мне смерть тугие луки!

В то же время в сердце у него теплится светлая надежда:

В зеркале чар ее мой стон да отразится страстным зовом:
Зеркала блеском отражен, он даст надежду мне в разлуке.

Свое обезумевшее сердце поэт не в силах удержать в телесной оболочке:

Мой, чаровница, рок суров: украли пери мое сердце,—
Оно покинуло свой кров — ему горьки мои доуки.

Он отправляется по следам похитительницы:

Да, Навои безумен: он к порогу милой путь направил,—
Я слышу там какой-то стон, но что таится в этом звуке?

Газель Навои, начинающаяся словами «Едва она скрывала лик...», так понравившаяся поэту Лутфи, и в самом деле чрезвычайно богата сильными, яркими, впечатляющими образами и сравнениями:

Следующее образное уподобление — поистине великолепная поэтическая находка:

Едва она скрывала лик, я капли слез ронял умыло:
Рождению звезд дарован миг, когда скрывается светило!

Не выраженное словами, но само собою разумеющееся сравнение слез влюбленного с бесчисленным множеством звезд — сильный, впечатляющий образ.

Не только матла, но и каждый последующий бейт отмечен столь же глубокими наблюдениями, яркими образами.

Брови и глаза любимой способны отравить пищу влюбленного и даже отвратить его от веры:

Мне пища — горечь миндаля, мне любо жить в тиши михраба*:
О брови-очи! Их моля, живу я — вера мне постыла!

На жалобы поэта возлюбленная отвечает искусною метафорой:

«Как жестоки твои уста,— я ей сказал,— чужда им нега!»
«Что ж,— отвечает, неспроста в рубине — камня твердь и сила!»

Стрелы возлюбленной рассорили душу и сердце влюбленного поэта:

Ты мечешь стрелы — их набег то сердце грабит мне, то душу:
Не разделить им стрел вовек, и сердце уж душе не мило.

Здесь же следует наставление человеку, мечтающему о бессмертии:

Быть вечным хочешь — отрешись от суеты в уединенье:
Подобен Хызру кипарис,— его свобода ввысь возносила!

Брови красавицы покорят любого — в этом поэт видит оправданье себе:

Нет, Навои, тебе не стыд и жизнь отдать за брови милой:
Главу к михрабу преклонит любой, в ком сердце не остыло!

10. ВЕЛИКИЙ ТАЛАНТ И ЖАЛКАЯ ДЕЙСТВИ- ТЕЛЬНОСТЬ

В книге «Сады наслаждения» Мирхонд сообщает: «Сей чистый сердцем эмир (Навои) во время правления Абусаид-мирзы прибыл в столицу Хорасана и некоторое количество дней провел, любезно принятый у порога упомянутой обители судеб, однако не обрел добавляющих своему положению почета и покровительства» (48).

Из «Собрания избранных» Навои: «Амир Шейх-им Сухайли — из числа знатных людей Хорасанского царства. С детских лет следы дарования и проявления таланта были в нем весьма заметны, а добрый нрав и благое поведение были признаками его положительной природы. Он поступил на службу к султану Абусаид-мирзе, был приближен, его стихи стяжали в народе известность...» (77). «Хафиз Шарбати — из знатных людей Хорасана. Человек гуманный, скромный и воспитанный, а в искусстве пения приятным голосом единственный в свое время. Когда Султан Абусаид-мирза поднял в Иране мятеж, он удалился в Мекку, сделался там смотрителем (мазара)» (121). «Мухаммед Салих, в соответствии с именем он взял себе тахаллус: Салих. Он сын Нурсайд-бека, который долгое время был правителем на землях между Чарджуем и Адаком, при дворах султана Абусаид-мирзы, Улугбека¹ и Джуги-мирзы, был сановником высокого ранга, распорядившимся во всем государстве. Однако был он человеком дурного поведения и злонравный. Сам же он (Мухаммед) человек мягкий. Характер его не похож на характер его отца» (150).

Из книги Хондемира «Добрые нравы»: «Во времена (Абу) Саида как-то раз сиятельный эмир (Навои)... прогуливался с Пахлаваном Абусаидом Мухаммедом в саду Баги-Сафид. В это время им встретился один из знакомых Пахлавана по имени Юсуф и пожаловался на некоторых везиров: «Они силой отняли мой надел воды, я прибыл, чтобы заявить об этом жалобу Мирзе (властителю Абусаиду), но стражники не пустили к нему; между тем бедственность моего положения до-

¹ У л у г б е к — сын Абусаида, правитель Газны.

шла вот до чего: ежедневно в час приема пищи я спрашиваю у кого попало кусок хлеба и тем существую». Его высокостепенство (Навои) прочел ему следующий бейт:

Знать надо тем, кто хлеб у шаха просит,
Что бедный, моясь, сам и воду носит!»

Из книги «Чудеса детства» (первая часть «Сокровищницы мыслей»): «О правителях, что любят сокровища, и о том, что сокровища подобны камням»:

К добру людскому, шах, ты тянешь руки —
От жадности обрек народ на муки.

Ну, а умрешь — какой в монетах прок? —
Не на могилу ж сыпать, как песок! (733).

В похвалу неприхотливого...

Учи себя довольствоваться малым,
Как птица Анко* в высях Кафских гор.*

Павлин был и обжорой и бахвалом,
А в клетку угодил — познал позор!» (735).

Из книги «Возлюбленный сердец»: «Мудрые об увеселениях властителей знают и их (властителей) огню уподобляют. Огонь полезен, когда он далеко, и лучше подальше стоять от него. Огонь извне согревает, а внутрь проник — все сжег в единый миг. Умному близко стоять к огню не пристало, не то — бед от него претерпит немало» (62).

Навои не мог надолго остаться в Герате. В его произведениях имеются сведения о том, что в этот период поэт много путешествовал по стране. Например, в стихах, что вошли в книгу «Чудеса детства», упоминаются Хиджая, Тус, Шираз и выражается тоска по Герату.

Мы снова видим Навои в Мешхеде. В его труде «Жизнеописание Пахлавана Мухаммеда» читаем:

«Во время правления султана Абусаид-мирзы... я внезапно был поражен болезнью суставов и слег в уединении. К счастью, в это же время Пахлаван служил в Мешхеде. Получив известие обо (мне) ничтож-

ном, он ежедневно удостаивал меня своим посещением, ухаживал за мной столь милостиво, дружески, проявляя любовь и сострадание... Как-то раз поутру я очень быстро сложил стихотворение с таким матла.

Куда ни обращаю свой взгляд — везде сверканье солнцеликой,
Куда глаза ни поглядят — везде сиянье луноликой.

Стихотворение состояло из семи бейтов. Не переписав набело, я сунул его в карман. Никому его не читал и не показывал.

Пахлаван... тронул меня за плечо и повел речь:

— Сегодня мы слышали: о тебе говорили, что ты хорошо слагаешь стихи на тюркском языке. Поэты, пишущие по-тюркски, признают это. У нас есть вопрос к тебе.

— Отвечу, задавайте, если у вас есть вопрос.

— Вопрос вот в чем, — сказал он. — Кто лучше слагал стихи из поэтов, пишущих по-тюркски, чьи стихи закреплены на страницах судьбы? Кто из них тебе нравится, каково твое мнение о том, что они слагали стихи хорошо?

— Все слагали хорошо, все мне нравятся, — ответил (я) нижайший. Пахлаван сказал:

— Оставь церемонии и скромность, говори о сути. Вот ты говоришь, что все тебе нравятся. Но ведь не все одинаковы; есть, конечно, разница.

— Ныне, выше всех Мавлана Лутфи, он учитель их всех, он властитель слова, — сказал (я) ничтожный.

— Почему ты не назвал Саида Насими? — спросил он.

— Не вспомнилось, да это и естественно, ибо поэзия Насими особого рода, он писал не как (другие) поэты, а выразил идеи постижения истины. Задавая же вопрос, ты ведь имел в виду поэтов вольной стези.

Пахлаван возразил мне, ответив насмешливо:

— Таким образом, есть Саид Насими, но ты предпочитаешь Мавлана Лутфи. А ведь стихи Насими лишь внешне заключают в себе мирское содержание, а по смыслу выражают идеи постижения истины.

И он прочел упомянутое выше стихотворение, которое (я) ничтожный сочинил утром. После матла он прочел один за другим остальные бейты, вплоть до того, в котором заключен тахаллус:

Отвергнут, Навои терпел жестокий гнет тоски зеленой:
Кто не поспел да недозрел — всегда в печали превеликой.

Читая, он заменил «Навои» на «Насими». И в самом деле, «Насими» к этому бейту более подходило. (Я) ничтожный был изумлен. Тайком я опустил руку в карман и убедился: то, что я написал утром и положил туда, оставалось на месте. Изумление мое еще больше усилилось. Пахлаван снова и снова возвращался к сказанному, читая бейты того стихотворения. Тогда (я) сей ничтожный, потеряв терпенье, попросил разъяснить обстоятельства этого случая. Он же словно бы отдалился и продолжал свои высказывания. По мере того как (я) нижайший удивлялся сильнее, он все более увлекался. Я вынужден был спросить:

— Когда ты заучил это стихотворение?

— Уже двенадцать лет,— сказал он,— как его читали в собраниях Бабур-мирзы. Мне оно понравилось, я записал его и выучил.

Так прошел тот день, он (Пахлаван) удалился к себе. Наутро он пришел с той же целью. Мы возобновили беседу, вернулись к разговору, который происходил накануне. (Я) недостойный настойчиво попросил его разъяснить обстоятельства дела. На сей раз он сказал:

— В то время, когда я услышал и заучил это стихотворенье, присутствовало еще несколько пахлаванов, они тоже заучили его.

После этого он позвал еще троих-четверых пахлаванов-сартов, пришедших с ним вместе, и спросил:

— Читайте то, что вы заучили вместе со мной.

Они стали поочередно читать. У (меня) ничтожного одно удивление наслаивалось на другое, Пахлаван же твердо настаивал на истинности своих слов. И хотя в этом не было необходимости, он все равно не однажды заявлял, что слова его истинные.

Наконец выяснилось, что он, когда притронулся к моему плечу, заметил бумагу у меня в кармане, потихоньку вытащил ее и увидел, что это недавно написанное стихотворение. Развернул бумагу и положил перед собой. Выучил стихотворение, сложил бумагу и снова положил мне в карман. Затем сказал то, о чем рассказано прежде. Вечером, возвратившись к себе в

обитель, он предложил пахлаванам выучить стихотворение, причем велел повторять до тех пор, покуда не научатся бегло читать его, чтобы прочесть, когда потребуется.

У Пахлавана Мухаммеда много было подобного рода занятных шуток и удивительных проделок, изумляющих разум и вселяющих в душу восхищение» (97—100).

В этом отрывке, помимо того, что рассказанное интересно само по себе, содержится несколько важных для нас моментов. Прежде всего то, что, по мысли Навои, среди поэтов того времени, писавших на тюркском языке, самыми крупными и прославленными были двое — Лутфи и Насими.

Второй вывод, который следует из приведенного отрывка: в глазах столь замечательного ученого той эпохи, как Пахлаван Мухаммед, Навои был (наряду с Лутфи и Насими) одним из сильнейших среди поэтов тюркоязычных.¹

Наконец, третий важный вывод: Навои считал поэта Лутфи, воспевающего простую человеческую любовь (поэта «свободной стези») ближе к себе, нежели Насими, прославлявшего «любовь к божеству» («путь постижения истины»).

Сам Навои не считал все свои стихотворения, написанные в ту пору, в одинаковой степени удачными, совершенными, высокохудожественными; однако же при этом он с удовлетворением отмечал, что его не столь сильные произведения завоевывают в народе известность. Вот, что он пишет во «Введении» к «Чудесам начинаний» — одному из своих первых диванов: «Еще... я заявляю следующее... Эти мои разрозненные стихи... хотя некоторые из них были сложены в среднем возрасте, некоторые — в отрочестве, а некоторые — после долгих раздумий, другие — внезапно, одни — в трезвом уме, а другие — в безумии, среди них, возможно, есть ощутимое различие, так что было не отважиться собрать их в одну книгу. Однако же среди народа кое-кто сам собирал по тысяче — по две

¹ Не следует забывать, что рассказанное в этом отрывке (в частности, о Навои), относится ко времени, когда Алишер был юношей и еще не создал своих самых значительных произведений.

тысячи бейтов, больше либо меньше, и они становились очень известными. Некоторые бейты были оставлены в небрежении, некоторые газели не завершены...

От века там, где сад цветет, на ветках роз — колючки-зубки,
От века жемчуг в глуби вод упрятан в твердые скорлупки.

В хмельном веселье дух высок, в похмелье муки — ох, жестоки!
Всегда среди удачных строк есть незатейливые строки.

И сотни роз, чей цвет пунцов, случайный терний не испортит,
И сотни верных храбрецов один неверный не испортит!

А сотни раз вкусишь настой, что как вода живая сладок,—
Достаться может и густой, лишенный сладости осадок! (469).

Навои писал газели, радуясь собственной славе, высоко оценивая свои стихи. Вот двустишие из дивана «Редкости юности» («Наводируш-шабоб»):

У Навои в стихах хорош меч языка, — руби, секи!
Где Саккаки отыщет нож, чтобы зарезаться с тоски?

Таким образом, поэт добился громкой славы, однако, как впоследствии скажет Абдураззак Самарканди, не был по достоинству оценен султаном Абусаидом и его ближайшим окружением, то есть в среде тех, кто правил страной. И это — одна из причин того, что в его произведениях той поры, а также в стихах, которые позже вошли главным образом в поэтические диваны «Чудеса детства» («Гараибус-сыгар») и «Редкости юности» столь часты мотивы жалобы, сетованья на свою эпоху.

11. ЗНАМЕНИТОЕ ПОСЛАНИЕ

Алишеру Навои было уже за двадцать, иначе говоря, по его собственному выражению, «весна времен жизни» кончилась. Его настроения в то время, а также положение в стране получили яркое и впечатляющее отображение в известном поэтическом послании, вошедшем под заглавием «Маснави», в собрание стихов «Чудеса детства» — первую часть дивана «Сокровищница мыслей». Послание адресовано другу и наставни-

ку поэта Саиду Хасану Ардашеру. Вначале, после традиционных — в данном случае вполне искренних — восхвалений адресата, Навои, перед отбытием в дальний путь (очевидно, в Самарканд), излагает цель своего послания:

Ты верен, щедр, и дар тебе высокий дан:
Ты кладезь добрых свойств, мой друг Саид Хасан.

Красой ты райский сад намного превзошел:
Померкнет перед ней и райской пальмы ствол.

В чертоге добрых дел тобой воздвигнут трон,
От суеты мирской ты духом отрешен.

На свете хоть один сравнится ли с тобой?
Излить печаль души к тебе идут гурьбой.

Я рад: твоей любви я благодать постиг,
Я — любящий твой сын и верный ученик.

Но мне послал беду неотвратимый рок:
Томила меня скорбь, терзала боль тревог.

И стал в родном краю нелегко мой удел,—
От сердца горечь мук я отвратить хотел:

И выпал жребий мне идти в далекий путь,—
Веления судьбы вовеки не минуть.

И если повелит тебе всеильный рок
Сюда назад идти с твоих путей-дорог,

И если ты в края родных округ придешь —
Испить веселый хмель на вешний луг придешь,—

И, чистое вино держа в руке своей,
Захочешь повидать собратьев и друзей —

То, даровав друзьям хмель радостного дня,—
Я знаю,— вспомнишь ты, конечно, и меня.

И ты, про мой уход, про мой отъезд узнав,
Про то, что я вдали от этих мест, узнав,

И, не найдя меня среди своих друзей,
Печаль по мне храня среди своих друзей,

Промолвишь: «Горький путь скитальцу в даль лежит,—
Как видно, им глоток вина разлук испит!

Какую долю дал ему злосчастный рок,
Что в даях чуждых стран бродить его обрек?

Какая грусть-печаль на ум ему взбрела,
Зачем чужбина даль на ум ему взбрела?»

Неведома друзьям печаль моих невзгод,
И каждый скажет то, что в голову взбредет.

И, чтобы ты узнал, что случилось тут со мной,
Послать тебе письмо за долг почел я свой,—

Тебе моей души кручину объяснить,
Отъезда моего причину объяснить (465—468).

О причине своего удаления из Герата поэт говорит иносказательно, вдаваясь сперва в рассуждения о человеческом слове, затем — в изложение собственных, очень смелых и возвышенных, творческих планов:

Со мной случилось тут немало бед и зол,
И потому теперь я в странствия ушел.

Во-первых, славный дар — дар слова. Человек
От грубого скота им отличен навек.

Душевному тайником хранимы перлы слов,
И в цветнике людском дорожке нет плодов.

Слова — душа небес, мир — речью напоен:
Она живой водой течет во тьме времен.

При сотворенье дан словам высокий знак,
А среди слов стихи — прекрасней прочих благ,

Прекрасен и красив жемчужин ровный ряд,
Но четкий строй стихов — прекрасней во сто крат.

И речь, в которой нет ни лжи, ни слов плохих,
Искусный мастер слов оденет в ладный стих.

Меж тюрков я возвращен. Их рода скромный сын,
На тюркском языке стихам я дал почин.

По дару равных мне не знали времена,
И сила Низами моим стихам дана.

Каких бы слов в стихе я, бедный, ни изрек,
Жемчужной красотой в них блещет каждый слог.

Дана всевышним мощь мне редкая в удел,
Но проявить мой дар мне рок не порадел.

Был дар Фирдоуси и мощен, и высок:
С самим Рустамом* он тягаться силой мог.

Когда на «Шах-наме» он был благословлен,
Бессчетных перьев строй был сломлен-посрамлен.

Его высокий труд вовек необорим,
И до сих пор никто не мог тягаться с ним.

Сам о себе сказал сей муж — рудник даров:
«Тридцатилетний труд был тяжек и суров».

А если б я писать такой же труд решил,
Даровано творцом и мне немало сил.

И если речь вести без гнета тяжких бед,
Мне хватит тридцать лун — не три десятка лет!

Когда я вдохновлен, и мысль моя быстра,
Сто бейтов каждый день мне дарит бег пера.

Не «Шах-наме» б создать, а «Пятерицу» мне,—
О, только б до нее добраться пятерне!

И дать труду почин надежду я храню —
Вложить уменьем рук всю силу в пятерню.

Пусть Низами сказал о трех десятках лет —
В два года или три свершу я мой обет!

Когда закончу труд — устрою торжество,
Чтоб людям на их суд явить красу его.

Пусть будет там сто лиц — спюю: моя душа
Двум лицам может петь, двулицьем не греша.

Что — сто, что — двести лиц, — разбег калама скор:
С Меркурием самим затеять может спор.

Пока он на пути свершит свой оборот,
Краса мбих стихов затмит небесный свод! (468—469).

**Но удел человека столь возвышенных стремле-
ний — тяготы жизни и наконец — изгнание, разлука
родиной:**

А был бы кто-нибудь мне равный в пользе дел,
Кто, кроме бед, иным достатком не владел,

И был бы дан приют ему горою Каф,
А птицей Анко был воспитан его нрав,

И был бы его дом моей душе сродни,
Где средь обломков стен — страдания одни,

И он бы на пирах всей кровью сердца пел —
Печальный вел напев про горький свой удел...

И если б был такой, о ком бы шла молва,
Что участь дней его, как и моя, крива,

То, как бы он себя скитаться не обрек,
И как бы упасть он от чужбины смог? (469—470).

**Есть, однако, еще одна, очень важная, причина, вы-
нудившая поэта оставить родину. Это — жалкое со-
стояние страны, царящие в ней беззаконие, упадок
нравов, разруха:**

И что еще познал я в Хорасане тут —
Обету добрых дел не верен здешний люд.

Где люди верность чтут и сердцем ей верны,
Им щедрость с добротой в попутчики даны.

И если этих свойств — трех этих качеств нет,
Заступят место их пороки трех примет:

Глядишь — в раздоре злом дух верности иссяк;
И в щедрый прежде дом вошла корысть сутяг.

И гибнет доброта от зависти дурной,
И — правит «добрый» люд «прекрасною» страной!

О людях и стране подробно я скажу,
И, что в них не по мне, подробно я скажу,

Что за страна, где зло и дикий нрав царят,
Где — не цветущий рай, а дышит смрадом ад!..

Сокровища дворцов разграблены сполна,
Страна разорена, расхищена казна...

Где человечность? К ней затерян даже след,
Сплошное зло вокруг, иного — нет как нет.

И что за люди! Им шайтан* и дэв под стать:
Привычно им хитрить и слабых угнетать.

Вкус пищи позабыт, и все едят давно
Небывшей стороны невзросшее зерно!

За жалкий грош убьют — корыстный в злобе лют,
И даже с мертвеца хоть саван — да сорвут! (470—472).

Среди таких бедствий (исходящих, в частности, «от самаркандских стен», то есть от самаркандских правителей, беков и эмиров, явившихся захватчиками к Герату) человеку нет спасения и ничего другого не остается, кроме как покинуть пораженную несчастьями родину:

А мученик-бедняк, сражен бедой, умрет —
Убийце воздадут за это зло почет.

Набегом вихря бед сметен гератский люд:
От самаркандских стен взвихрился ветер, лют.

Народу здешних мест — от тех краев беда:
Набеги, грабежи — и не сочтешь вреда!

Мне здесь среди людей и друга даже нет,
С кем мог бы сесть вдвоем — развеять горечь бед.

И шаха не найти, что делом бы помог,
Кому б хвалу воздал я звучным строем строк.

И не сыскать людей, чей нрав не зол, не крут;
Чтоб горемыка мог найти у них приют.

Нет пропитанья мне, ни в чем достатка нет,
Покоя не найти, и жить — не сладко, нет!

И крова не сыскать, и счастья нет душе,
Чтоб хоть единый миг не ведать бед душе!

И нет в любви удач — подруги не найти.
Что упасла б меня от скорбного пути.

Нет друга, кто со мной делил бы зло невзгод,
Кого бы огорчил мой нынешний уход.

Лишь ты один всегда мне верным другом был,
Подмогою ты всем моим недугам был.

Но и тебя настиг своим коварством рок:
Ты по его вине теперь, увы, далек,

Тому, чей рок — влачить столь горестный удел,
Осталось лишь одно — уйти в иной предел. (472—473).

По мысли Навои, мир создан богом для того, чтобы сущность мира, его тайны постиг человек — вершина творенья:

И третье. Бог-творец — велик и всемогущ
Он — вечности венец и вечно вездесущ.

На свитке бытия он волю начертал —
Два мира создал он, основу двух начал.

С единой целью им был создан человек —
Чтоб таинство творца хранил в душе вовек.

Дан человеку дар — вершиной быть всему,
И суть свою познать назначено ему... (473—474).

В соответствии с современным ему учением суфизма поэт проповедует необходимость в познании бога-творца, соединении с ним, то есть уход из мира земного. На этом пути человеку нужен мудрый наставник:

И вот уразуметь я так суть дела смог:
Движенью этих дум двойкий дан исток.

Один из них таков, что господом дано
Для чистоты сердец священных благ вино,—

Чтоб, к истине стремясь, искать стези такой,
Где будешь отрешен от суеты людской.

И чтоб на той стезе постигнуть цель ее —
Во всем забыть себя — себя и все свое.

И в сути бытия предел высокий есть:
Постигнув суть творца, небытие обрести..

Другой исток таков: властитель ли, бедняк —
Лишь на благом пути нетленных вкусят благ.

Наставника найдя,— так было искони, —
Себя препоручить ему должны они.

Им праведный дано пред ним свершать обет —
И шагу не ступить, не чтя его завет...

Но эта страсть, увы, недуг сулила мне,
Дала немало мук сей страсти сила мне.

А мог ли кто-нибудь покой найти от мук,
Кто помыслом таким повергнут был в недуг?

Пока я мог идти, я устремлял свой шаг,
Мечтая обрести дары заветных благ.

О, пусть на том пути погибель суждена:
На праведной стезе — во благо и она!

Когда б моим мечтам послал свершенье рок,
Я к счастью вечных благ причастным стать бы смог...

А не свершить мечты, желанной для меня,
И согнуть мне дано, лишь мысль о ней храня,—

Паду к твоим стопам с единственной мольбой —
Чтоб твой смиренный раб помянут был тобой,

Чтоб помощь подала твоих радений рать
Речам твоих молитв мой зов в себя вобратъ,

И зов мой — та мольба, что бедный раб берег, —
Чтоб господу узреть меня сподобил рок (474—476).

Подобные настроения, конечно, оставили заметный след и в лирике Навои — прежде всего в газелях. Вот строки из дивана «Чудеса детства» (в него вошли произведения, созданные главным образом в годы отрочества):

В степи безумия узрев мой жалкий дух, я приневолю,
Чтоб рушил насмерть его гнев мою порушенную долю.

От небом посланных мне мук распалось тело пыльным прахом.
Но я ничей чужой недуг лечить тем прахом не позволю! (430).

А в диване «Редкости юности» (вобравшем прежде всего стихи молодых лет) читаем:

Увы, среди сынов времен ни друга, ни собрата нет,
Кому я, сердцем изнурен, поведать мог бы горечь бед!

Кто слез кровавых горечь пьет из чаши вечности, скорбя,
Тот стерпит и суровый гнет, когда участием согрет!

Похож на перстень небосвод, а звезды — камешки на нем,
Да только свет их вмиг убьет: отравлен каждый самоцвет!¹

Покоя вечность не сулит: распустит пряди мрак ночной,
Льет небо звезды,— то навзрыд стенает над тобой сосед! (327).

Таким образом, Навои, глубоко опечаленный, полностью отвернулся от дел мира сего и направился в путь.

Этот отъезд из Герата был, по существу, отъездом в ссылку: Алишера Навои «удалили от престола», иначе говоря, попросту выгнали. В «Бабур-наме» об

---

¹ Имеется в виду обычай носить в перстне драгоценные камни с ядом.

этом сказано: «Алишер-бек... (был человеком) многих достоинств... Не знаю, за какую провинность султан Абусаид-мирза удалил (его) из Герата» (233).

Это послание Навои, по-видимому, было широко известно среди современников; много лет спустя Хусейн Байкара вспоминает о нем и утверждает: в то время, когда Навои писал «Маснави», то свои собственные слова о том, что сможет создать «Пятерицу» в течение двух-трех лет, признал «результатом болтовни пера».

Вот выдержка из «Рисаля» Хусейна Байкары: «В его (Навои) поэтическом восхвалении язык слаб, а изложение немошно. Если приходит на память несколько бейтов из его маснави, то об их выразительной силе он сам повествует в следующих стихах:

Маснави:

Меж тюрок я возвращен. Их рода скромный сын,
На тюркском языке стихам я дал почин.

По дару равных мне не знали времена,
И сила Низами моим стихам дана...

Не «Шах-наме» б создать, а «Пятерицу» мне,—
О, только б до нее добраться пятерне!

И дать труду почин надежду я храню —
Вложить уменьем рук всю силу в пятерню.

Пусть создал Низами свой труд за тридцать лет,—
В два года или три свершу я мой обет!

Когда закончу труд — устрою торжество,
Чтоб людям на их суд явить красу его.¹

---

¹ Четыре заключительных бейта отсутствуют в тексте этого маснави, приведенного в «Собрании избранных». Однако мы с ними познакомились только благодаря сочинению Хусейна Байкары «Рисаля» и узнали, что Навои еще в молодости замыслил создать «Пятерицу» и верил, что способен это исполнить. Впоследствии Навои исключил из «Маснави» эти четыре бейта.

В то время, когда эти бейты выходили из-под его пера, они показались поэтическим пустословием и результатом болтовни пера» (11).

Когда Навои пребывал вдали от Герата, Хусейн Байкара совершал нападения с целью отбить престол у Абусаида, но пока не смог достичь успеха. По свидетельству Абдураззака Самарканди, в 865 (1461) году правитель Астрабада Хусейн Байкара осадил Герат, но, не сумев овладеть им, вернулся в Астрабад. Это была первая попытка Хусейна добиться власти над всем Хорасаном.

ИСТОК ЖИВОТВОРЯЩИХ РОДНИКОВ МОЛОДОСТИ

ПОРА МОЛОДОСТИ — ОТ ДВАДЦАТИ ДО
ТРИДЦАТИ ПЯТИ ЛЕТ; ЭТО — ЛЕТО ВРЕМЕН
ЖИЗНИ, ИСТОК ЖИВОТВОРЯЩИХ РОДНИКОВ МО-
ЛОДОСТИ (Навои. Сокровищница мыслей. Вступле-
ние).

Второй период своей жизни Алишер Навои назвал «источником животворящих родников молодости». Молодость представлялась ему неким средоточием обильных родников в долине жизни. В этих родниках бурлит живая вода, дарующая жизнь человеку и всему живому: первые шаги своей полезной людям творческой и практической деятельности великий поэт считал как бы истоком этой животворности. Иначе говоря, в понимании Навои, в молодости у человека подходит к концу время, когда он «заимствует» от людей, учится, и начинается время «возвращения заимствованного», время, когда он сам учит, приносит людям пользу.

По оценке Навои, этот период в человеческой жизни вообще простирается от двадцати до тридцати пяти лет. В его собственной жизни он начинается с момента высылки из Герата (предположительно 1462 год), включает возвращение в этот город, длительную службу в качестве государственного деятеля при дворе нового властителя Хусейна Байкары и завершается отставкой и удалением от двора (1476 год).

1. И УЧЕНИК, И УЧИТЕЛЬ

Этот период начинается с момента, когда Навои приступил к учебе в Самарканде.

В седьмой тетради труда Мирхонда «Сады наслаждения» читаем: Мир Алишер в период правления Абу-саида, прибыв в Герат, некоторое время служил при дворе, однако не встретил здесь подобающего к себе отношения, поощрения. По этой причине он покинул Хорасан и отправился в Самарканд. Здесь он поселился в ханаке Ходжи Фазлуллы Абуллайси и большую

часть времени отдавал чтению книг, порой также общался с вельможами Мавераннахра, такими как Амир Дервиш Мухаммед Тархан и Амир Ахмед-хаджи» (49).

В «Бабур-наме» об этом сказано: «Не знаю, за какую провинность султан Абусаид-мирза удалил (Алишера) из Герата. Он (Алишер) отправился в Самарканд. В течение нескольких лет, проведенных в Самарканде, ему оказывал попечение и поддержку Ахмед Хаджи-бек» (233).

В «Собрании избранных»: «Ахмед Хаджи-бек, сын султана Малика Кашгари, был один из несравненных людей своего времени. Своим тахаллусом он (Ахмед) сделал Вафай. Это человек приятной внешности, доброго нрава, душевный, благопристойного поведения. Воспитание он получил в Хорасане. В Герате он около десяти лет был правителем царского двора. Некоторое время управлял также крепостью в Самарканде... Каждый, к тому же, зная отвагу и геройство этого бека на воинской службе, почитает его. У него исключительное дарование, он часто обращается к поэзии» (156). «Ахмед Хаджи-бек... прославлен в поэзии, у него также имеется диван» (98).

Еще в «Бабур-наме»: «...Ахмед Хаджи-бек... был сыном султана Малика Кашгари. Управление Гератом султан Абусаид-мирза несколько раз поручал ему. После смерти его дяди Джанибека он (Абусаид) дал ему должность (покойного) и направил в Самарканд. Это был человек веселого нрава, отважный. Он взял себе тахаллус Вафай, был автором дивана. Его стихи недурны. Вот один из его бейтов:

Не трогай меня, страж, я нынче просто пьян,
Взыщи с меня тогда, когда пройдет дурман.

Когда Мир Алишер Навои прибыл в Самарканд из Герата, он состоял при Ахмеди Хаджи-беке» (77).

Таким образом, ту среду, которую Навои стремился обрести всю свою предшествующую жизнь, он впервые нашел в Самарканде: правитель этого города не только покровительствовал искусствам и науке, а также людям, подобным Алишеру — бедным, но одаренным, — он и сам был ученым и поэтом. (Хотя в приведенных выше словах оценка Алишера относится по

большей части к периоду жизни и деятельности Ахмеда Хаджи-бека в Герате, нет сомнения, что эта оценка касается также времени его пребывания в Самарканде: когда Бабур говорит о том, что Ахмед Хаджи-бек был человек «воспитанный и любому готовый помочь, он, безусловно, имеет в виду те его высокие качества, которые отметил и Навои).

Самарканд оставил в душе и памяти Алишера глубокий и благотворный след не только потому, что там был умный и гуманный правитель, но прежде всего благодаря своей величавой истории развивающейся экономической и культурной жизни. Воспоминания о данном периоде жизни Навои в Самарканде — это и оценка, которая дана этому городу в «Пятерице», и касыда*, посвященная Улугбеку, и характеристика убийцы Улугбека в «Собрании избранных». Если мы к этому добавим описание того, что своими глазами видел в Самарканде Бабур еще при жизни Навои (в 1497—1498 годы, когда поэт жил на склоне лет в Герате), то можно составить себе ясное представление о том, что наблюдал в Самарканде Навои и в плену каких раздумий он жил в этом городе.

Приведем строки из поэмы «Стена Искандера» (впечатление от красоты Самарканда):

И когда Искандер этот край увидал,
Сад Ирама* узрел он и рай увидал.

Видел реку Кухак он и вспомнил о Ниле,—
Что там Нил! Вспомнил он о самом Сельсебиле,

И познал от творца он надежд благодать,
И решил он на Ниле Мысыр¹ основать,

И призвал он к себе мудрецов для бесед,
Чтобы место для града избрал их совет.

Есть вершина Кухак в той блаженной стране —
Словно перл-талисман во вселенской казне.

Камни там жемчугам и рубинам сродни,
Зелень роц там небесным глубинам сродни.

---

¹ Египет.

Под горою река протекает в долине,—
То же имя дано ей по этой причине.

И омыта вершина той влагой живой,—
Словно плачет влюбленный, склонясь головой.

Основал там он город, и взнесшихся стен
Не коснутся вовек ни забвенья, ни тлен.

Искандер Самаркандом тот город нарек,
И красой, словно рай, он возвышен и строг... (141—142).

Автор «Бабур-наме» сообщает: «В обитаемой человеком четверти земной поверхности мало городов столь же приятных, как Самарканд... Его называют: замкнутый, укрепленный город, потому что ни одному неприятелю не удалось одолеть его и захватить. Я приказал промерить шагами внутреннюю стену его крепости поверху. Вышло десять тысяч шестьсот шагов... Река Кухак течет к северу, между ней и Самаркандом расстояние около двух курухов*. Между этой рекой и Самаркандом находится холм, его называют Кухак... Земли до Бухары и Каракуля, около тридцати-сорока ягачей*, орошаются и возделываются благодаря реке Кухак. В столь значительной реке вовсе не остается воды сверх того, что расходуется на полив и строительство, так что в летнее время, три-четыре месяца, вода не достигает Бухары. Здесь хороши виноград, дыни, яблоки, гранаты, и вообще все плоды. Особенно же славятся два самаркандских плода: самаркандские яблоки и самаркандский (виноград) «сахиб». Зимы здесь очень холодные...

В окрестностях Самарканда много строений и садов Тимур-бека и Мирзы Улугбека. В самаркандском парке Тимур-бек воздвиг большой дворец в четыре яруса, называемый Кок-Сарай — весьма величественное, прославленное здание. А возле ворот Аханин, внутри расположенной рядом с ними крепости, он построил из камня соборную мечеть. Работы здесь выполняли по большей части каменотесы, доставленные из Индии. Стих из корана на переднем своде мечети: «И вот воздвигает Ибрахим основы...» (и далее до конца) выведен столь крупными буквами, что можно прочесть на расстоянии куруха. Это также очень высокое зда-

ние. К востоку от Самарканда (Тимур) заложил два сада, один поближе — Баги*-Болду, а другой подалее — Баги-Дилькушо. От этого сада и до ворот Фируза провел хиябан* и по обе стороны велел насадить тополя. В саду Дилькушо он также велел построить большой дворец, в нем изображены битвы Тимур-бека в Индии... Еще в южной части Самарканда, недалеко от крепости, сад Баги-Чинар. И еще, в нижней части Самарканда, — сады Баги-Шамал и Баги-Бихишт. Мухаммед Султан-мирза, сын Джахангир-мирзы и внук Тимур-бека, построил медресе во внешнем укреплении, за стеной. В нем находятся гробницы Тимур-бека и тех из его потомков, которые царствовали в Самарканде.

Из построек Улугбек-мирзы внутри самаркандской крепости — медресе и ханака*. Купол ханаки очень большой; указывают, что такого же большого купола нет нигде в мире. И еще неподалеку от этого медресе и ханаки он построил хорошую баню... Пожалуй, ни в Самарканде, ни в Хорасане другая подобная баня неизвестна. К югу от этого медресе он выстроил мечеть, ее называют «Резная мечеть». Потому ее называют резною, что ее украсили узорами «ислими» и «хитай» из обтесанных кусочков дерева; все ее стены и потолок (украшены) таким образом... Еще одно высокое строение (возведенное Улугбеком) — обсерватория у подножья холма Кухак, в ней составляются таблицы движения звезд. Здание имеет три яруса. Благодаря этой обсерватории Улугбек-мирза составил «Звездные таблицы Курагана», во всем мире теперь пользуются ими, а другие употребляют редко... Еще один сад (он) разбил у подножья холма Кухак на западной стороне, под названием Баги-Майдан. Посреди этого сада он воздвиг высокое здание, именуемое Чиль-Сутун¹, оно в два яруса, а все колонны — из камня...

В этом (другом) — И. С.) садике есть еще беседка, вся нижняя часть ее стен — из фарфора, ее называют Чинни²-хана; (фарфор) привезли из Китая, послав (туда) человека. Внутри самаркандской крепости есть еще одна старинная постройка, ее называют «Мечеть с эхом». Если под ее куполом топнуть ногой о землю,

¹ Сорок колонн.

² Фарфоровая, также: китайская.

то отовсюду из-под сводов доносится эхо. Это удивительное дело: никто не знает в чем здесь секрет... Самарканд на удивление благоустроенный город. Есть у него одна особенность, кроме него встречающаяся в немногих городах: для каждого промысла имеется особый базар, они не смешиваются, это прекрасный обычай. Есть там хорошие пекарни и харчевни. Лучшая в мире бумага вырабатывается в Самарканде... Еще один самаркандский товар — алый бархат, его вывозят в разные страны» (104—107). «Тимур-бек поручил управление Самаркандом Джахангир-мирзе. После смерти Джахангир-мирзы он передал его старшему сыну последнего, Мухаммед-султану Джахангиру. Шахрух-мирза всю область Мавераннахр отдал своему старшему сыну Улугбек-мирзе. Его сын Абдуллатиф-мирза отнял (ее) у Улугбек-мирзы. Ради сей быстротекущей жизни он сделался мучеником¹ столь ученого и престарелого отца своего... Однако же и сам он властвовал не более пяти-шести месяцев» (109).

В «Собрании избранных» читаем: «Абдуллатиф-мирза был человек желчный, мнительного нрава, буйный. Кроме того, у него также были редкостные пороки, но чтобы говорить о них, надо нарушить правила приличия. Ради преходящего мира он убил своего мудрого престарелого отца... Но все равно ему довелось пользоваться властью столько же, сколько Шируе...»² (172).

В следующих строках дастана «Фархад и Ширин» видно, сколь глубокий след в сознании поэта оставило его пребывание в Самарканде, знакомство с событиями истории этого города:

А хочешь солнцем стать — достойным будь
И, высь добра познав, спокойным будь.

Того, кому познание — горше мук,
Невеждою сочтут мужи наук...

Тогда ты — шах, когда ты мудр в делах,
И если мудр в делах, тогда ты — шах.

---

¹ То есть, убил, умертвил.

² Шируя тоже убил своего отца, властвовал недолго и погиб. (Здесь и далее мысли Навои об Абдуллатифе и Улугбеке основаны на воспоминаниях о том, что произошло до прибытия Навои в Самарканд. Алишер приехал в этот город 15—20 лет спустя после распри между Улугбеком и Абдуллатифом).

Владеет мудрым словом попугай —
Слывет меж птиц толковым попугай.

А вот павлина, что, красой криклив,
Красуется, корону нацепив,—

Хоть и венец ему чудесный дан,
Дурной считает птицей Индустан.

И диво ль, что, приняв павлиний вид,
Иной себя и шахом возомнит?

А если шах свет мудрости постиг,
То до скончанья мира он велик!

Свет мудрости был Искандеру дан,
И сколько он прошел морей и стран!

Немало видел мир таких владык,
А кто, как он, деяньями велик?

И за немалый срок двух тысяч лет
Сто тысяч мудрых славил этот свет.

Прославил род Тимура Улугбек:
Таких владык не ведал мир вовек.

Потомков рода сгнула чреда,
Людьми времен забытых навсегда,—

Лишь он постиг все таинства наук;
Пал перед ним во прах небесный круг.

Его чертеж небес и звезд расчет —
Сам небосвод, сошедший в мир с высот!

Пред ним наука неба пала ниц,
Он волей неба создал «Свод таблиц».

И до скончанья дней сынам времен
Да будет ведом звездных сил закон...

Прославивший науку человек.
На свете да прославится навек.

Да будет по делам тебе почет:
Все доброе себя переживет! (403—405).

Из книги Хондемира «Добрые нравы»: «Тому, кто владеет знанием и искусством, ясно: среди жемчужин в морях сотворения нет ничего драгоценнее, чем прекрасные и полезные знания и искусство... Поэтому отыскавший верную дорогу эмир (Навои) с начала раннего детского возраста и до конца своей жизни посвящает значительную часть достойного и полезного времени изучению наук и искусства... Свои юные годы — лучшую пору жизни — он провел в достохвальном городе Герате — месте, где много выдающихся ученых, средоточии почтенных мудрецов, за весьма упорным и старательным изучением различных книг.

Явившись в Самарканд к Ходже Фазлуллаху Абуллайси, который во время правления султана Саид-мирзы, то есть султана Абусаида, за высокую ученость и мудрость получил прозвище второго Абу Али Сина, он (Навои) взял себе худжру в ханаке сего почтенного. После общения в течение некоторого времени стал пользоваться (уроками Ходжи). Почтенный Ходжа постоянно восхвалял остроту дарования высокого святейшества (Навои) и отличал его среди прочих учеников...»

Из «Собрания избранных»: «Ходжа Фазлуллах Абуллайси... был учеником Саида Шарифа, и Саид собственноручно написал для него свидетельство на право преподавания наук. (Я) ничтожный два года брал у него уроки. Он был настолько внимателен ко мне, что называл меня сыном. Будучи учнейшим из ученых Самарканда, он был также склонен к стихам и муамма... Мавлана Улаи Шахи был мудрым человеком. За талант все считали его непревзойденным учителем. В (части составления) муамма жители Самарканда упоминали его в одном ряду с Мавлана Шарифиддином Йезди. Когда (я) низжайший пребывал в Самарканде, у него была сломана нога и он не вставал. Я отправился его проведать. Сидя перед ним, я сочинил и передал ему следующее муамма с отгадкой «Ула»¹:

Скорей твоим ногам от хвори бы избавиться,
И пусть твоим врагам печалей прибавится!

---

¹ Высота, высокая степень, также — слава (арабск.).

Когда (я) вышел, он справился обо (мне) презренном, кто я, и, узнав, сочинил муамма, отгадку которого представляло (мое) презренного имя; это муамма он с одним из своих учеников отправил ко мне домой; вот оно:

Твои глаза меня узрели, а я твоих не смог узреть.

О, если б не в мечтах — на деле видаться с тобою вперед! (32-33).

Ходжа Хурд — главный казий при самаркандском престоле и преподаватель в медресе Улугбекмирзы. Он облачен в блистательное одеяние учености и совершенства, мудрости и пронизательности... Также он украшен сокровищами подвижничества, благонравия и благочестия. И при всех этих занятиях и заботах он склонен к изящной словесности, подвизается в науке стихосложения и сочинительства, хронограмм и муамма... Ходжа Хованд — сын Ходжи Фазлуллаха Абуллайси. Мудрый и талантливый человек. У него склонность как к поэзии, так и к острословию» (157—158). «Мирза (Али) бек по гуманности и благонравию был единственным в царствах Хорасана и Самарканда. По таланту и уму, по удачливости во всех делах он был среди людей этих двух государств непревзойденным для своего времени. Его усидчивость, глубокомыслие в речах, одаренность и (прочие) качества — выше похвал...» (67).

Из приведенных отрывков ясно, что и в Самарканде Навои был занят как приумножением знаний, так и творческой деятельностью (при характеристике того или иного деятеля он особо отмечает не только его эрудированность, но также отношение к поэтическому творчеству). Навои знакомится с поэтами здравствующими, интересуется творчеством поэтов (например, Саккаки) и деятельностью любителей поэзии (как царевич Халил-султан) былых времен. По-видимому, Навои близко общался с людьми всех социальных слоев, потому что в книге «Собрание избранных», написанной почти тридцать лет спустя после того, как он учился в Самарканде, среди жителей этого города — представителей разного рода занятий (чиновники, ученые, ремесленники) часты имена одаренных людей, с которыми Навои встречался лично.

Именно в самаркандский период Навои, не взирая на молодость, в глазах авторитетных людей возвысился до степени учителя. Поэтому-то на склоне лет (в 1499 г.) он с гордостью напишет в трактате «Суждение о двух языках»: «Вот уже около тридцати или сорока лет, как в Хорасанском царстве,¹ которое, по мнению достойных, образованных мужей, есть великая страна, обширный край в целом мире, все сладкоречивые мужи поэзии, искусные сочинители этого царства заносят на листы слова всевозможного содержания и на разных языках пишут сочинения, представляя их на обсуждение (мне) смиренному, переправляют (мне) нижайшему, просят улучшить и поправить. И те тонкие замечания, кои я высказывал, они с готовностью принимали, а если некоторые отвергали, то, приводя доводы, обдумывали их и принимали позже, почитая себя благодарными и удовлетворенными.

И нередко случалось, что люди, глубоко понимающие смысл и проникающие до основы тонких разумений, затевая спор о стихах Анвари и Салмана, принимая сторону того или другого, если не могли убедить друг друга, то для суждения приходили ко (мне) сему нижайшему и принимали решение, какое бы (я) ни вынес. Такой способ часто применялся по отношению и к газелям Мир Шахи, Мавлана Катиби, и к маснави шейха Низами и Мир Хосрова Дехлеви» (126).

Еще выдержка из «Собрания избранных»: «Мавлана Саккаки — он из Мавераннахра. Жители Самарканда весьма уважают его и высоко ценят. Но когда (я) нижайший был в Самарканде, то сколько ни расспрашивал его почитателей относительно его творчества — ничего достойного их похвал отыскать не смог². Помимо всего, еще говорят, что он воровским манером присвоил все лучшие стихи (поэта) Мавлана Лутфи. В тех

---

¹ Здесь, конечно, имеются в виду также тесные связи Хорасана и Мавераннахра.

² Впоследствии Навои по-другому выразил свою оценку Саккаки и в «Суждении о двух языках» поместил его в ряд самых первых и самых лучших тюркских поэтов: «Когда же держава от правителей арабов и сартов перешла к тюркским ханам... появились поэты (писавшие) на тюркском языке... Поэты — такие, как Саккаки, Хайдар Хорезми, Атаи, Мукими, Якыни, Амири, Гадаи» (128).

местах порой встречаются такого рода беспримерные и непристойные преувеличения. Некоторые из тех, о ком я говорил, приписывают ему (Саккаки) и читают следующий матла:

Твой взор волшебной негою согрет,
Чудны твои ухватки да повадки, —
Таких, поди, и у павлина нет,
А что уж говорить о куропатке!

Его могила — в тех же местах» (64).

«Халил-султан — после событий, происшедших во времена его величества султана султанов (Тимура) царствовал в Самарканде. Острословы и поэты сходились у него на собраниях. Широко известно, что он сочинял стихи. Так что даже Ходжа Исмагуллах написал касыду, прославляющую его диван, но она не отыскалась...» (170—171). «Мавлана Юсуф тахаллусом себе сделал Бади¹. Он также из Андижана. Дружил с Мавлана Сафаи. Когда (я) нижайший отправился в Самарканд учиться, он приехал из Андижана и часто проводил время со (мною) недостойным. Вследствие его молодости в стихах у него попадались несовершенства, и я нижайший исправлял (их). Он был человек заносчивый, себялюбивый. Приехав в Хорасан, он приобрел много добродетелей и навыков. Кроме (меня) недостойного, никто не смел слова сказать о его стихах. Из-за его заносчивости весельчаки называли его Юсуф Сафаи²... Однако был он приятным собеседником, хорошо слагал стихи многих родов и знал аруз... Он оставил трактат о муамма, много трудился над ним... Мавлана Сафаи — андижанец. Он был склонен беседовать с красивыми юношами. По временам он создавал изящные произведения, которые по красоте соответствовали его дарованию» (59—60). «Мавлана Риязи — самаркандец. Человек высокомерный и повергающий в изумление. Весьма хорошо слагал газели. Был человеком многих достоинств и разнообразных добродетелей... был и каллиграфом, и поэтом, и мыслителем. В области наук ничто не осталось ему неизвестным. Тому

¹ Прелестный, изумительный (арабск.).

² От арабск. сафа — свет, блеск также радость, удовольствие.

свидетельство — его тахаллус¹; что бы он ни задумал, он высказывал, сочетал и (в конце концов) создавал хорошие произведения. Он не был лишен знаний в области музыки и музыкальной теории, астрологии, гадания и т. п. Следующий превосходный матла принадлежит ему:

Перл в ухе луноликой что звезда;
Ей ближе к солнцу любо быть всегда.

Здесь нужна иная связь между строками. (Я) недостойный сказал, что в таком виде будет лучше:

Перл в ухе луноликой что звезда:
Ей любо при луне светить всегда.

По совести ему следовало бы согласиться, но он стал возражать, и (я) нижайший умолк. Его друзья заспорили, но он все равно не принял. Скончался он в Самарканде» (59). «Мавлана Мир Карши жил в Самарканде, имел на базаре переплетную мастерскую, где собирались люди утонченного нрава, причем Мавлана считал себя их учителем. Он взял себе тахаллус Хатаи²» (57—58). «Мавлана Джавхари — также самаркандец. Он был управляющим мыловарней и у ее ворот, прямо посреди улицы, построил себе худжру. Знал аруз и написал поэму «Сиярун-наби» («Житие пророка»)... Мавлана Хавари — тоже самаркандец, был портным. Удачно импровизировал...» (58).

Из этих отрывков видно, что Алишер в молодости отличался простотой и скромностью, водил дружбу со всеми, начиная с правителя Самарканда и кончая портным, управляющим мыловарней.

При этом подобная скромность никогда не приводила в его натуре к принижению собственного человеческого достоинства, к потере уважения к себе. Алишера Навои отличала деликатность, щепетильность в лучшем смысле слова, ему была свойственна подлинно человеческая гордость. В приводимом ниже отрывке Бабур дает очень точное определение этому свойству характера Навои. Сам Навои в позднем дастане «Смя-

¹ Рязи — трудолюбивый, также: математический (арабск.).

² От арабск. хата — ошибка; заблуждение, грех.

тение праведных» создает образ юноши-студента, нищего, бездомного, и при этом гордого душою, одержимого стремлением к знаниям, презирающего тщету богатства и власти; без сомнения, в этом образе — много из того, что сам поэт пережил, выстрадал и передумал в самаркандский период жизни.

Приведем сперва выдержку из «Бабур-наме»: «Алишер-бек был известен щепетильностью нрава. Представляли, будто это его свойство порождено гордостью за свое могущество. Это не так: подобное качество у него врожденное. Таким же щепетильным он был и в Самарканде» (233).

В поэме Навои «Смятение праведных» читаем:

Доколе миру гнет вражды привычен,
Унижен умный, глупый возвеличен.

Покуда мир потопом гнета залит,
Плодовые деревья буря валит.

Где дурь в чести, ученым нет пощады:
Каменья — на горе, да в недрах — клады...

И горемыка, тянущийся к знаниям,
Уходит прочь, гонимый вдаль изгнанием.

Бредет печали полон и оборван,
Он — весь в заплатках, гол он и оборван.

К его ступням цепляются колючки,
К колючкам — прилепляются колючки.

Его чалмы смешнее нет на свете,
И вся одежда — в дырах, словно сети.

В те сети птицу счастья не заманишь:
Ведь зерна слез привадой класть не станешь!

Вся ноша его — книги да тетрадки,
Мечты о знаниях — все его достатки.

В высь знаний птицей взмыть — его забота:
Листки под мышкой — крылья для полета!

И, мучимый нуждою безысходной,
О пище тщетно думает голодной.

Как сломанный тростник, он высох телом,
Тоска мольбы — на лице почернелом..

И малым сыт, бредет он еле-еле,
Гоним мечтой достичь желанной цели.

Людей не счесть, а нет ему собрата,
Под отчий кров бедняге нет возврата.

Вот — улицы, тепло жилья людского,
Но нет скитальцу ни тепла, ни крова.

Огонь чужбины сердце жжет жестоко,
Душа страдальца горько одинока.

До вечера томится он без пищи,
А ночью — у стены его жилище.

И не согреться — холод все жесточе,
Он до рассвета не смыкает очи.

А утром — к медресе его дорога:
То там, то здесь погрееется немного.

Расскажет, как судьба его сурова,—
Ему в ответ — насмешки, злое слово.

Днем и покоя нет ему, и неги,
А ночью — и не думай о ночлеге!

Жить на чужбине — нет ли доли хуже,—
Беда из бед, лихой неволи хуже!

Сказать про все — увы, немеет слово,
Перу вовек не описать такого.

Живет он в муках — в лютом горе маясь,
Пятнадцать-десять лет от хвори маясь.

Ему и медресе — приют страданья,
С утра до ночи душу жгут страданья....

Но тайны всех писем ему доступны,
Науки все его уму доступны...

И странно, что невежды и громилы,
Чьи вид и суть до мерзости постылы,

Кто всех губить завел себе обычай,
Кто каждый волос мнит своей добычей,

Кто, всем нутром зловонный чад взвивая,
Лишь с виду — словно искра огневая,

Кто хуже пса своей природой гнойной,
Пред кем и пес — что человек достойный,—

Не странно ли, что с этой сутью гнусной,
И в подлостях и в низостях искусной,—

Велением небес они не тужат —
И войско им, и подданные служат...

Вот так — один высоким славен рвением,
Другой — пристрастен к подлым преступленьям.

И диво: этот пользуется славой,
Другой — унижен волею неправой.

Один живет властителем-эмиром,
Другой — рабом, униженным и сирым.

И тот, кто служит правдою и верой,—
С него ж берут и подать жесткой мерой!

И тот, кто сердцем ангелу подобен,
Унижен тем, кто, словно дьявол, злобен!...

Кто ж из них неуч, кто — наукой занят?
Тот не учен, кто злом себя тиранит!

Кто знания постигает ради власти,
Себе и всем несет одни напасти,

Кто сам учен, да злы его деянья,
Его «ученость» — верный знак незнанья (130—136).

Из книги «Возлюбленный сердец», «Расспрашивающий о том, чего не знает, — делается ученым, а кто стыдится расспрашивать — себе вредит. Понемногу

учась, мудрым станешь, из многих капель море появится. Ученья избегающий — лентяй, предлогом к этому двери отворяющий — негодай. Умен, кто, тяготы преодолев, наукою овладевает.

Бейт:

Кто знаниям чужд — в своем краю невеждою слывет.
Кто знаниям отдал жизнь свою — тому везде почет! (74).

Ученому следует знать положение и ценность науки своей, о камень жемчужину не ударять, чтоб ее испытать... Способного не воспитать — это несправедливо, невежду воспитывать — труд пустой... Пусть жемчуг и в грязь упадет, он цены не лишится; ракушку к короне пришей — бирюзою не станет, никто не забудет, что ценности нет у нее.

Кыта:

Когда девица внешностью дурна,
Ее не красят бусы-ожерелья,

Но пыл свечи, что жаром зажжена,
Дарует свет и самой темной келье. (71).

Лучше питаться похлебкой простой со спокойной душой, чем сладкой лепешкой, живя в беспокойстве и тяготах. Лучше в халате простом мирно сидеть на земле, чем в услуженье форсить в златотканом кафтане» (74).

Эти страницы, представляющие нам жизнь, состояние и мировоззрение Алишера Навои в ту пору, когда он учился в медресе, вероятно, следует завершить рассказом о том, как его с самого детства воспитывали в духе уважения и справедливости. Это — из книги Хондемира «Добрые нравы»: «В то время как город Самарканд от свечения лица прекрасного Амира (Навои) превратился в рай, Амир Низамиддин Шейх Ахмед Сухайли (известный поэт, впоследствии вместе с Навои состоял в Герате на государственной службе, поэтому Хондемир употребляет с его именем титул «эмир». (И. С.) написал касыду в честь султана Ахмеда и явился к сему высочеству (Навои), чтобы тот поправил ее. Тот внимательно прочел бейты касыды и сказал, что, ради связности речи, после бейта с име-

нем восхваляемого нужен еще один бейт. Почтенный Амир (Сухайли) тоже сказал: «И по моему мнению, это подошло бы; я надеюсь, что вы, проявив любезность, сочините этот бейт». Сие высочество (Навои) ответил: «Я об этом размышлю, вы тоже подумайте: Что само небо выводит из завесы?» В тот же миг оба они, положив перед собой перья, чернильницы и по листу бумаги, погрузились в море размышленья. Внезапно оба подняли головы, и каждый из них, написав по бейту, передал один другому. Случайно оба они сложили совершенно одинаковые бейты, которые не различались даже единою буквой. Вот этот бейт:

Где внешней молодости сад — там вечной истины ростки:
Там купы щедрых роз стоят, как кипарисы у реки (66—67).

Год 1466—1467-й. Абусаидом были преданы смерти два человека, которых Навои высоко ценил, — Лали и Ибн Лали (согласно «Воспоминаниям Давлат-шаха», это произошло в 871 году хиджры). Это событие, без сомнения, еще более углубившее в душе Навои ощущение попираемой справедливости, поэт отмечает в «Собрании избранных» с глубокой скорбью как величайшее несчастье: «Шах Бадахшан взял себе тахаллус Лали. Он был человек талантливый и благочестивый. Их семейство — из числа древних. Несколько тысяч лет, как управление царством Бадахшан от их семейства не переходило к другому семейству. Султан Абу-саид истребил их под корень, отнял владение и имущество... Шах пал жертвой от руки упомянутого властителя; говорят (его прах) — в мазаре Шейха Зайниддина. Ибн Лали — сын Шаха Лали. Был царевичем веселого нрава и одаренным. Много рассказывают о его проделках и озорстве... Он также был убит убийцами его отца» (43).

2. «...ТЕБЯ ЛЮБЛЮ Я, ЖИЗНЬ!»

Получили ли отражение в стихах Навои его настроения этой поры ученичества? К сожалению, первый поэтический диван из произведений Навои — тот, который был переписан рукой султана Али Мешхеди (и выправлен самим поэтом), включает лишь одни газели

и рубаи, не представляя жанров (маснави, тарджи-банд*), которые в гораздо большей степени отражают переживания самого Навои, факты его биографии. Все же и среди рубаи, вошедших в этот диван, некоторые представляются нам относящимися непосредственно к событиям жизни поэта; эти рубаи вошли также в книгу «Чудеса детства».

Мне ворон клювом больно ранит сердце,
Когтями рвет, терзает, тынет сердце.
Смотри-ка: кровь на перьях у зловерца,
А клюв и когти мне поганят сердце! (492).

Не про Абусаида ли сложено это четверостишие?

Еще одна газель из этого же собрания производит впечатление, что она создана именно в момент, когда Навои, высланный из Герата, прибыл в Самарканд:

Да, верным людям дарит рок мучений и невзгод немало,
Он на страданья их обрек — обид и мук им шлет немало!

Нещадны тяготы опал, и верных на земле не сыщешь:
Их прахом бедствий осыпал сей древний небосвод немало!

Лекарства от небесных бед не отыскал никто вовеки:
В ларце судьбы их нет как нет, и не смягчится гнет нима!ло!

Желанным перлом обладать мечтаешь — жизнь отдай и душу:
Мир ценит эту благодать и за нее берет немало!

За ближних жертвуя собой, как ждал я верности ответной!
Да буду я храним судьбой — мне стоил мой просчет немало!

О шах! мужей благой стези не устрашай мечом гонений,
Кровавой карой не грози — бездольных страх неймет нима!ло!

Освободи свой дух смелей из клетки суетных желаний:
Пленный страстью соловей грустит в плену тенет немало!

Мечтой о чаше райских благ не скинуть путы своелюбья,—
За чашу тлена жертвой ляг, она оков порвет немало!

О Навои, лелей мечту о кущах цветника иного,
Ведь от ворон в мирском саду и бедствий и забот немало! (356).

Во времена Навои в жанре газели — стихотворения о любви — выражали также и различные философские мысли о мире в целом. Приведенное стихотворение создано таким же способом: то есть выражает философские мысли при помощи средств и образов любовной лирики.

Следующее стихотворение (также из собрания «Чудеса детства») жанра таржибанд, позволяющего облачать в живописную форму идеи главным образом социально-философского содержания, тоже, по-видимому, отражает то положение, в каком Навои очутился в Самарканде, его настроения.

Как не любить мне радости вина,
Когда мне горем гибель суждена?

Взгляни на козни суеты мирской,—
От них душа смятением полна.

Нет солнца, ни крупички света нет,—
Трудись ли, думай — тщетно: жизнь темна!

Куда уйти, где обрести покой?—
Пристанища не дарят времена!

И путь познания мук не разрешит,
И благодать смиренья не нужна!

О, сколько я искал бесед с людьми,
Стремясь к той цели, что не всем видна! (462).

Навои, невзирая ни на что, остается жизнелюбом в самой высокой степени. Вот характерное четверостишие из того же собрания:

Сильней души моей тебя люблю я, жизнь,
Своей любви верней тебя люблю я, жизнь!
О, пусть не отыскать любви, сильнее этой,—
И все ж еще сильней тебя люблю я, жизнь! (489). /

Еще в одном четверостишии (оттуда же) поэт открыто называет тех, с кем ему не по пути:

Притворство — шейхам-пустомелям любо,
Ханжам — служить таким же целям любо!

Мне ж — тешить душу добрым хмелем люблю
И с тем дружить, с кем чашу делим, люблю!

Отношение Алишера Навои к природе и различным временам ее бытия также подтверждает его чрезвычайную силу любви к жизни. Письма Навои к друзьям, датируемые временем весны, лета, осени и зимы, о красотах природы, характерных для каждого из сезонов, могут дать ясное представление о том, какую жизнь вел поэт в юные годы. В этих письмах Навои предстает перед нами как человек, отнюдь не затворившийся в худжре своего медресе, отгородившийся от мира и от жизни простых людей, а наоборот — как сочетающий серьезное отношение к жизни, ученье и упражнение в своем искусстве, с умением веселиться:

И лекарь не сумел смягчить мне мук,
И шейх не смог осилить мой недуг.

Что ни свершу — напрасно: труд пустой,
А не расстаться с доброю мечтой!

Теснит меня беда со всех сторон,
И весь я этой мукой поглощен.

Иду испить вина — тоска томит,
Гляжу — мой кубок вдребезги разбит! (462).

Однако сколько бы тягот и горестей не обрушивалось на него, Навои ни в эту пору ученичества, ни впоследствии — никогда не предается отчаянью, безнадежности. В собрании «Чудеса детства» есть такое четверостишие:

Кто б ни был ты, но в мире бед и мук
Ты видишь только бедствия вокруг.
Кто человек — тот всем печалям друг,
А в мире скорбь — устойчивый недуг! (487).

В книгу «Письма» («Муншаат») Навои включил свои послания к разным людям, относящиеся к разным периодам времени, причем имена адресатов отбросил (или же в его время не было обычая называть адресата в самом письме); целью его было — не со-

брать все письма, а видимо, представить из многих своих писем тюркские «ниша» — то есть образцы эпистолярной и документальной литературы. Эти письма, преисполненные возвышенных чувств и мыслей, дают яркое представление о человеческом облике Навои, особенно о его любви к людям, его верности друзьям. Письма в сборнике расположены в хронологической последовательности (ее можно усмотреть в содержании писем, хотя они не датированы). Если принять это во внимание, то не останется сомнения: несколько писем в начале сборника (в том числе — о временах года) относятся к юным летам Навои — ко времени пребывания в Самарканде и ранее.

Вот первое письмо из этого труда Навои. «После изъявления целых гор пожеланий, в силу преданности громадной, будто гора Каф, заявляю: в это время года распространение мускусного аромата ветерками ранней весны поднимает до облаков обаянье тюльпана, а благоуханье весенней прохлады тревожит сумрачную натуру человека.

Рубан:

Пока весна цветет на сей планете,
И красота зеленых рощ — в расцвете,
И милость твоя всем дана на свете —
Пусть и для нас цветут красоты эти!» (87—88).

Второе письмо (описание лета):

«Рак¹ саламандрой стал от солнечного пыла,
Цветник вселенной вял — все жаром опалило.
Не выйти в тяжкий зной: горит огнем светило,—
О, где бы род людской прохлады осенила?»

...От воды морей тело мира в поту потопает, и от огня паров стрела воображения наземь упадает.

Маснави:

Взбивает жаркий воздух пену вод,
То там, то тут бурлит водоворот.

---

¹ Созвездие Рак (Саратан) в древней астрономии символизирует лето.

От гор прохлады ждешь, но их валы —
Как будто груды спекшейся золы.

От жара солнца звезды прочь ушли
И, тая в небыль, ищут сень земли.

Бежит в пустыне смерч, не чуя ног:
Горячий прах ему ступни обжег!

И небо, все прожженное насквозь,
Палящею зарею занялось.

Каждый радующий сердце ветерок — от жара неба (стал) сожигающим все живое самумом, и каждый журчащий ручеек от силы зноя — кипящим варевом.

Стихи:

Ты скажешь: небо охладила стужа,
И небо опустилось вниз, недужа,—
Нет, видно, стужа — с солнцем заодно,
Уж если все вокруг обожжено!

Выйдешь из дому — (получишь) от огненного дыханья воздуха удар, ногу поставишь за порог — (ощутишь) тяжесть от раскаленной земли. В особенности же из-за того, что нутро сего немощного несколько дней сгорало в пламени вина, след этого пламени все еще воспламеняет организм... Так как пламень вина охватил мою плоть, а дым его, да и огонь, взметнулись выше моей головы... я совершаю бестактность, направляя сие восторженное письмо. Да будет нрав (моих) собеседников постоянным, точно алиф на странице здоровья, и натура друзей — прямой, будто кипарис в розарии невредимости, аминь, о господь мира!» (89—90).

Письмо третье — описание осени.

«Маснави:

Осенние листья красуются на ветке,—
Не так ли красятся увядшие кокетки?

Рубаи:

Осенней красотой расцвечен сад,
И всюду листья желтые летят.
Шафраном обернулся изумруд —
Голубизну небес сменил закат.

Но причинами того, что непостоянный небосвод не свободен от способности переливаться и изменяться, а меняющая краски, искусная на обманы жизнь не лишена двуличия и коварства, неизменно по одной из этих причин цветник ковра времен изукрашен разноцветными цветами и еще по одной из этих причин ковер цветника времен от многокрасочных листьев принял вид кумача. И однако едва каждый цветок весеннего расцвета, что подобен цветку солнца, появляется на стебле небосвода, в итоге осень обращается в желтизну заходящего солнца, и каждый цветок юности, что, подобно цветам звезд, раскрывается на стебле небес, наконец утопает в желтизне раннего утра.

Маснави:

Весной старайся радостью цвести —
Весельем, словно роза, расцвети.
И листопад осенний в радость дан:
Не унывай и продавай шафран!

...Кое-где на деревьях остаются желтые листья карагача, похожие на искры из дыма, что разносит ветер, и соломенного цвета листья красной вербы, являя признак того, что по алым чертам рассыпается желтизна...

Маснави:

Когда, желтея, меркнут небеса,
И красит рощи желтая краса,
Увидишь желтизну — не говори,
Что это — тленье, — это свет зарни!
Окрасит воды золотом рассвет,
Мечом луча прочертит желтый след,
Запламенеет искрами листва,
Как блески золотого вещества,
И даже воронье на желтизне —
Что точки на тюльпанах по весне!
И осень кистью красит гущу крон,
И каждый лист как будто золочен.

Все золотит умелая рука —
Без краски не оставит ни листка!

Такая пора, что никак не клонит смеяться; такое время, что никак человеку не подает знак, чтобы оно подходило для удовольствий. Как бы там ни было, да будет вечным это наслаждение, пьяное от желтого вина в одеянье золотом, словно солнце в зените, и вследствие жара опьянения похожее на осень, однако же солнцеликое! И если от осеннего ветра время надежд цветника станет осыпать листья, и тот, кто из-за опадения листьев бытия в розарии хирмана встретился с осенним ветром¹, будет помянут глотком вина — пусть совершенство (помянувшего) не будет даже на крупцу меньше, чем у солнца, и если каплей развеселят (его) — пусть красота (развеселившегося) даже на искру не уменьшится против светильника.

Пусть роза твоя вечно красной будет,
Весну твою пусть осень не остудит*.

Четвертое письмо из собрания «Письма» — описание зимы:

«Молитва моя, чтобы в сердце зимы зима была согревающей сердце², и каприз мой, чтобы именно зимой зима была, подобно солнцу, приятной душе.

И в каждом угле — жаркий свет коралла,
А в ярких искрах звезды светят ало.

После сей молитвы заявление таково: нет лучше того, чтобы какое угодно время использовалось друзьями, подходящими друг другу, для общения, и любая пора — задушевными собеседниками для устройства попойки. Пусть добрые приятели видятся, а для чужих дверь худжры да будет закрыта.

Бейт:

С друзьями пир веселый зададим,
И вход заказан будет всем чужим.

---

¹ Здесь Навои подразумевает себя.

² В оригинале — игра слов, неясная по смыслу.

И эта судьба никогда не бывает столь возможной, и эта цель никогда не бывает столь желанной, кроме как зимой. Особенно вечерами, когда разум и дух отлетают из-за суровости холода... Под куполом неба собрания звезд таятся в одеянье темной ночи, в клетке мира пери солнца закуталась в меховую шубу пепельного цвета, в белом доме, подобном небесной клетке, собрались члены содружества, так что в небесной клетке виночерпием, подобным созвездию Сурайя, чтобы некоторые друзья возжелали вина, был сложен следующий бейт.

Бейт:

О кравчий, стынут чувства, ум продрог, —
А в стужу греет хмель — багряный сок!

И виночерпиям некоторые музыканты и чтецы, чтобы попросить вина, пропели следующий стих.

Бейт:

Когда погибелью грозят и стужа и мороз,
Вина — осилить зимний яд — ты, кравчий, мне б поднес!

Полыханье пылающих углей — в точности рудник рубинов, и сцепление долек граната — в точности ярко-красный яхонт.

Маснави:

Зимой вино с огнем добры равно:
Вино что пламя, пламя что вино!

Хмельным теплом струится жар огня,
А хмель пылает, жар в себе храня.

Пылает пламя жаркое в вине,
Жаркое поспекает на огне.

От полыханья хмеля светел взгляд,
Огнем весь дом расцвечен, словно сад.

И светел пир от радости вина,
А за порогом — ночь черным-черна.

Из черной тучи белый снег летит:
Весь мир во мраке белизной покрыт!

Итак, возможность разделения такова, что ей нет меры, а мера соединения такова, что возможность для нее имеется. Положение следующее:

Все сути обретают явь, которым предуказан рок,—
Хоть сотни тысяч их представь, а нет тебя — что в них за прок?

Обещанье солнца тотчас исчезло, подобно приворотной траве, то есть скрылось в глубь земли, подобно солнцу в полночь. В этой разлуке с огненным рубином что за жар в пламени цвета рубина, и на этом хирмане солнцеподобного чела что за сиянье пламени светильника и что за светильники глаз, отверстых, словно у юноши! Каждое колебанье тени — сердцу огонь, и каждый шорох шагов — терзанье душе. Когда от не встречающего сочувствия страстного ожидания душа приближается к устам¹, и воля терпенья заранее безвольно удаляется. Эти разрозненные речи начертаны и эти растрепанные фразы пришли к упорядоченью. Если бы те, чьи жизни черны как ночь, а голоса подобны пронизывающему ветру, придя со скоростью черной стужи, изъявили склонность к беседе, то — как будто солнце взошло бы в полночь и розы распустились в разгар зимы.

Рубай:

Доколе время зим разгулом хлада будет,
А нам в ночных пирах дана отрада будет,
И, охмелев, душа веселью рада будет,—
О, пусть таких даров тебе награда будет!*

3. АБУСАИД И ХУСЕЙН БАЙКАРА

В то время, когда Навои жил в основном в Самарканде, в Герате престол занимал султан Абусаид.

Эпоха правления Абусаида вошла в историю Хорасана и Мавераннахра как одна из самых темных страниц, как эпоха, когда гнет резко усилился, а в культурной жизни начался упадок. Вспомним следующие справедливые слова прославленного востоковеда В. В. Бартольда в его классическом труде «Улугбек и его время»: «...Царствование Абусаида, в противопо-

¹ То есть готова покинуть тело.

ложность царствованию Улугбека, было временем господства враждебных культуре дервишей. Абусаид вступил в Самарканд мстителем не за Улугбека, а за Абдуллатифа... Сорокалетнее господство Улугбека сменилось тоже сорокалетним господством представителя ордена накшбендиев, Ходжи Ахрара, вызванного Абусаидом из Ташкента. Ревнитель шариата и суфизма, Ходжа Ахрар был типичным «ишаном», едва ли не первым из туркестанских суфиев, к которому было применено это слово. Как признают и панегиристы ишана, ему была чужда книжная наука...»¹.

В произведениях Навои мы встречаем не много слов, прямо очерняющих Абусаида. Причину этого понять нетрудно: согласно общим моральным принципам эпохи даже высказывать неодобрительные мысли о Тимуровом потомстве считалось грехом, и Навои следовал этому неписаному правилу. А что подобное правило было господствующим в умах людей того времени, можно понять из некоторых высказываний самого поэта. К примеру, когда Навои вынужден повести речь об Абдуллатифе, решившемся на такое злодеяние, как убийство собственного отца — Улугбека, он указывает, что этот царевич имел множество пороков, однако, полагая, что упоминать о них было бы «нескромностью», не считает возможным открыто говорить о порочности и бесчестных поступках Абдуллатифа.

Отрицательное отношение к Абусаиду выражено в произведениях Навои, но в завуалированной форме.

Во-первых, Абусаид не включен в «Собрание избранных» — книгу, где вкратце охарактеризован каждый, кто имел хоть какое-то отношение к науке, искусству либо им покровительствовал, причем царевичам из числа тимуридов здесь посвящен специальный «маджлис». Разумеется, не случайно и то, что Абусаид упомянут исключительно в связи с другими поэтами (например, в качестве убийцы кабульцев Лали и Ибн Лали), что, несомненно, свидетельствует об отрицательном отношении поэта к Абусаиду. Сам Навои не включение кого-либо в «Собрание избранных» считал

---

¹ В. В. Бартольд. Соч., т. II., ч. 2-я. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964, с. 166 — 167.

признаком своего отрицательного отношения к этому человеку: в письме к одному из своих современников он указывает причину, почему тот не вошел в «Собрание избранных»: «Жизнь твоя свернула на искажение добра, и чистота нравов твоих обернулась нечистотой... и потому имя твое выведено из плеяды совершенных и одаренных мужей в книге «Мажалисун-нафаис» («Письма», 153—155). Невключение даже имени Абу-саида, правившего Мавераннахром и Хорасаном около двадцати лет (Абусаид правил в Самарканде с 1451-го, в Герате — с 1457 года), в «Собрание избранных» является крайне отрицательной — хотя и в завуалированной форме — оценкой личности этого властителя Алишером Навои. В дастане «Стена Искандера» имеется специальная глава, посвященная выяснению причин того, что Абусаид потерпел поражение в войне 1469 года. Сама по себе эта глава — отрицательная характеристика Абусаида. В предшествующей и последующей главах Навои специально говорит о том, какими заповедями должен руководствоваться властитель и сколь важны его собственные, личные качества. Хотя в данных главах, «обрамляющих» ту главу, где говорится об Абусаиде, имя этого государя не упоминается и речь идет даже не вообще о плохих государях, а о том, каков должен быть государь хороший, — у человека, прочитавшего все три главы подряд, возникает уверенность, что во всех трех Навои в качестве отрицательного прототипа имел в виду Абусаида. Вот один из характерных отрывков — назидание шаху, возглавляющему войско (под заглавием «Правила о том, как управлять по-царски»):

Тот, кто хочет быть шахом, возглавившим рать,
Должен все о ней ведать, все нужное знать.

Точно ведать он должен, что воинам надо,
И какая кому подобает награда.

За великое дело — почет и хвала,
А за малое дело — и слава мала.

А о тех, кто по храбрости — среднего чина,
Есть присловье, что «лучше всего — середина»...

Говорят, люди все — близнецы, ну а все ж
Этот — славен и смел, а другой — нехорош...

Воск свечи и сәсулька по таянью схожи,
Но прохладе с гореньем равняться негоже.

Если сахар размолот, он — словно бы соль,
Только сахар и соль различать соизволь!

Хумаюн* гложет падаль — таков уж обычай,
Но не счесть от ворон его славных отличий.

Шаху следует умным и знающим быть, —
Светом знания, все освещающим, быть,

Чтобы медную вещь не почесть золотою,
А светило небесное — сковородою!

А тому, кто от мудрых деяний далек,
Лучше знанья до срока прикапливать впрок. (97—100).

И завершает это рассуждение Навои грозным предостережением неразумному властителю:

Ну, а если правителю в помощь даны
Мудрецы, что и гордость и слава страны,

Должен он содержать их в заботе и коле,
Чтобы тернии бедствий их честь не кололи.

Не одних только избранных нужно ласкать, —
Все должны быть довольны — простые и знать,

Если подданным плохо и все их тревожит,
Против вражеской силы и ум не поможет.

Как обрушить на недруга кару и месть,
Если недругов в собственном стане не счесть?

Не венчать тому шаху победою бранн,
Чей народ ищет правды во вражеском стане!

Хоть и долгие годы покорен народ,
А когда-нибудь час искупленья придет! (100—101).

Навои переходит к анализу причин, вызвавших поражение Абусаида в войне 1469 года. В развер-

нотом прозаическом заглавии к главе, посвященной Абусаиду (как во всех подобных заглавиях в произведениях Навои), выражена основная мысль автора: «Султан Абусаид Кураган. Повествуется о том, как он, правильно разрешив запутанные вопросы, завоевал много стран, и мечом, губящим надежды, внес смятение во многие края, но его войны из-за того, что не были (им) довольны, подняли мятеж, и он очутился в опасности среди врагов, так что они мечом мести срубили ему гордую главу»¹.

Отметив, что главная причина поражения Абусаида — недовольство его воинов, Навои затем, начиная еще одну главу после той, о которой говорилось выше, приводит вопрос Искандера к Арасту (Аристотелю) и ответ великого философа. Вопрос — о личных качествах властителя. Искандер спрашивает: каждый властитель знает, что долго править он может, только если народ пребывает в покое и довольстве, но почему же он сворачивает с пути добрых деяний, начинает проявлять дурной нрав и становится причиной собственного падения («покоряется тому, кого сам покорил»)? В дастане это выражено так: «Вопрос Искандера к Арасту вот на какую тему: почему умный, напрягая мысль и сорвав маску с прекрасного лица дела (т. е. постигнув суть дела), после этого от встречи с ним не достигает желаемого. И его ответ:

И промолвил мудрец, все обдумав глубоко:
«В этой мудрости тонкая есть подоплека.

Если море познания постичь до глубин,
На вопрос этот будет ответ не один.

Вот один из них: взять человеческий разум —
Тут дурное и доброе видятся разом.

Для хорошего цель — не содеять вреда,
Он о пользе и благе радуется всегда.

Но свершить это благо — нелегкое дело.
Только к легкому все устремляются смело.

---

¹ На специальной главе об Абусаиде в дастане «Стена Искандера» мы подробно остановимся позже, при освещении вопроса о том, как Хусейн Байкара взшел на престол.

Если силы твои своеволие ведет,
Невеликую пользу получит народ.

И еще: что — кому отпускает природа,
У любого призванье — особого рода» (105—106).

Таким образом, Навои утверждает: чтобы править страной, властитель должен обладать высокими личными качествами, врожденными добродетелями.

Нет сомнения, что эти слова Навои, сказанные им не только в связи с вопросом о качествах властителя и управления страной вообще, но также в связи с поражением в бою, решающим для Абусаида, свидетельствуют, что Абусаид не обладал такими врожденными достоинствами.

В то время как Хорасаном и Мавераннахром правил Абусаид — угнетатель, интриган, хитрец, лишенный каких-либо культурных устремлений, — другие тимуриды продолжали борьбу за престол. Среди них выделялся Хусейн-мирза Байкара; чем дальше, тем больше он завоевывал симпатии народа.

Захириддин Мухаммед Бабур сообщает в «Бабурнаме»: «Султан Хусейн-мирза был властителем, знающим дело и опытным» (91). «Султан Хусейн-мирза был великий повелитель, много видевший, обладавший богатым опытом, старый годами» (141). «Его (султана Хусейн-мирзы) рождение и дети: во времена Шахрух-мирзы, он родился в Герате в 842 году¹. Султан Хусейн-мирза — сын Мансура, сына Байкары, сына Умар-шейха, сына эмира Тимура. Мансур-мирза и Байкара-мирза не были государями. Матерью (Хусейна) была Фируза-бегим. Потомок Тимур-бека султан Хусейн-мирза был также внуком Мираншах-мирзы. Султан Хусейн-мирза был природный государь, по праву со стороны обоих (родителей)» (221). «Он был храбрый и мужественный человек. Не однажды сам рубил мечом, даже в каждой битве рубил мечом. Среди потомков Тимур-бека не известен ни один, кто рубил бы мечом, как султан Хусейн-мирза... Его походы и сражения: однажды, скитаясь и домогаясь престола², он вплавь переправился через реку Гурган и основательно разбил

¹ В 1439 году европейского летосчисления.

² В тексте буквально: «в период казакования» т. е. пребывания как бы в положении казака — бегдого, изгоя.

дружину узбеков. В другой раз султан Абусаид-мирза послал вперед три тысячи человек под водительством Мухаммеда Али-бахши. Султан Хусейн-мирза с шестьюдесятью воинами наткнулся на них и наголову разгромил. Это одно из славных и выдающихся дел султана Хусейн-мирзы. Еще раз он под Астрабадом сразился с султаном Махмуд-мирзой. И еще раз (тоже) под Астрабадом, он схватился с согдийцем Саидом, сыном Хусейн-туркмена, и победил (его)...» (222—223). «Из эмиров Султана Хусейн-мирзы... был еще Музаффар-барлас. В дни скитаний Мирзы и борьбы за власть он (Музаффар) находился при нем. Не знаю, какие качества его понравились Мирзе, что он возвел его высокое достоинство. Значение его достигло такой степени, что Султан Хусейн-мирза в период своих скитаний заключил с ним следующее условие: во всякой области, которой они овладеют, четыре из шести (территории) будет принадлежать Мирзе, а две из шести — ему (Музаффару). Это удивительное условие. Когда бывало пристойным делать человека низкого происхождения соучастником власти государя? Такое условие невозможно даже с младшим братом, с сыном — как же оно возможно с беком?» (232).

В седьмой тетради труда Мирхонда «Сады наслаждения»¹ сказано: «Победоносный хакан (султан Хусейн Байкара) и со стороны отца, и со стороны матери — потомок династии счастливых султанов. Когда Хусейн Байкара достиг семилетнего возраста, в 849 году хиджры скончался его отец Султан Гыясиддин Мансур. До четырнадцати лет Хусейн воспитывался своей матерью Фирузой-бегим, а затем, по просьбе и совету матери, служил при дворе Абулькасыма Бабура. Когда султан Абусаид заключил под Самаркандом мир с Абулькасымом Бабуром², султан Хусейн, приняв во

¹ Из сочинения Мирхонда мы заимствуем только факты: полные же титулы Хусейна Байкары и других исторических личностей, восхваления в их честь, вычурные выражения, применяемые ради украшения стиля повествования, — опускаем, поскольку они мешают пониманию основных фактов.

² Мирхонд указывает, что это произошло в 868 году хиджры. Здесь у него, по-видимому, ошибка. Ибо в это время Абулькасым Бабур уже умер (должно быть, в действительности упоминаемое Мирхондом событие имело место в 858 году — 1454 году европейского летосчисления).

внимание свое близкое родство, проявил склонность к султану Абусаиду и, расставшись с Абулькасым-мирзой, направился в Самарканд. Абусаид хорошо принял его, уверовал в него. Однако, когда султан Увайс поднял мятеж и совершил нападение, Абусаид отвратил свое доверие также и от Хусейна Байкары и заточил его в темницу вместе с тринадцатью другими подозревавшимися царевичами. Когда весть об этом достигла жившей в столице (в Герате) Фирузы-бегим, она поспешно прибыла в Самарканд и вызволила сына.

Хусейн Байкара направился в Хорасан и, «с быстротою проследовав стоянки и расстояния», приехал в Мерв, на службу к султану Санджару — врагу Абусаида. Султан Санджар, оценив способности Хусейн-мирзы, приблизил его к себе и сделал своим зятем, отдав за него дочь Бека — Султан-бегим (Бадиуззаман, первый сын Хусейна, рожден от этой жены). Некоторое время султан Санджар и Хусейн Байкара жили в согласии, будто отец и сын. Однако и между ними вспыхнула распря. Хусейн Байкара стремился стать независимым властителем, «так, чтобы не влечь нашу благодарности кому-то, достичь господства вследствие независимости, зенита на троне судьбы». Когда султан Санджар, оставив Хусейна в Мерве наместником, отправился в Мешхед сражаться против врагов, султан Хусейн завладел его престолом (это произошло в 861 году хиджры¹), однако сторонники Санджара, когда Хусейн отправился на охоту, составили заговор с целью убить его и затворили городские ворота. Один бек, осведомленный об этом, донес Хусейну Байкаре об обстановке в городе и намереньях сторонников Санджара. Хусейн попытался вернуть себе город, однако, после того как вокруг не осталось людей, кроме двадцати пяти воинов, он, под ударами возвратившихся из похода войск Санджара и уступая мольбам самых верных своих сторонников, был вынужден оставить поле битвы и удалиться.

Снова началась пора скитаний Хусейна, жизнь его проходила по большей части в степи Бабаканбар. Позже, настигаемый вновь посланными войсками султана Санджара, он обретался в пустыне между Хивой и Мер-

---

¹ В 1457 году.

вом, «благословенные ноги обернув подолом терпения, против несправедливости времен исполнил зарок неколебимости и выносливости».

В конце концов Хусейн Байкара одержал в окрестностях Джурджана крупную победу над своими противниками, «и эта победа была вступлением к тому, что вся страна сделалась открытой для победоносного хакана, произошло это в 862 году хиджры¹, в месяце раджаба*, и его величество прошел от Абиверда до Насаба, богатства этой страны разделяя между своими эмирами и воинами». Теперь вокруг Хусейна Байкары собралось довольно много крупных военачальников, включая также предводителей войска, бежавших от султана Санджара. Хусейн направил к Санджару посла с предложением помириться и установить отношения «на правах отца и сына», по Санджар заточил посла в темницу и отправил против Хусейна войско. Хусейн снова был вынужден удалиться от Мерва. Но к нему присоединялись новые и новые военачальники. «В это время от Джурджана прибыл род Джалаир, кроме того, еще около тысячи каких-то всадников, они были удостоены чести повиноваться».

Хусейн Байкара замыслил овладеть Астрабадом, поскольку среди местных эмиров вспыхнула острая междоусобица. По пути к Астрабаду к нему присоединились Мухаммед Худадад и ещё несколько военачальников, «и всякий день с разных сторон и концов на службу к нему прибыли домогающиеся многого и отличающиеся рвением воины. В Астрабаде против Хусейна Байкары выступил Хусейн Садлу с большим войском. В месяце зульхиджжа* 862 года, в воскресенье первого десятидневья, между обоими войсками произошло сражение. Хусейн Байкара лично вышел на поле битвы, и, когда вражеские силы ударили в центр его войска, «сам победоносный хакан вырвался вперед и из родника своего сверкающего меча напоил шерботом смерти одного из их богатырей, и еще один из них кинулся вперед и из той же чаши отпил вина нежеланного». В этой битве войско туркмен, возглавляемое Хусейном Садлу, было разгромлено и бежало. Войско Хусейна Байкары устремилось в погоню, Хусейна Сад-

---

¹ В 1458 году,

лу схватили и умертвили. Хусейн Байкара приостановил резню и позволил туркменам возвратиться к себе на родину.

Хусейн Байкара завладел Астрабадом и в этом городе взшел на престол. Когда его эмиры посоветовали хутбу на празднике хайт прочесть на имя султана Абусаида, властителя Хорасана, то есть что имеется необходимость объявить о своей покорности, повиновению Абусаиду, Хусейн Байкара к этому не склонился и повелел читать хутбу на свое имя. Распорядившись на золотых монетах чеканить изображение не Абусаида, а свое, Хусейн еще раз подтвердил свою независимость от Герата. «После сего времени росток вражды между султаном Абусаидом и победоносным хаканом пробился на почве противоречия, и день ото дня сие древо, получая уход и заботу от полива садовником судьбы, достигло степени совершенства» (6—22).

В то время, когда его друг неустанно сражался, терпел поражения, временами даже оказывался заточенным в темницу (как, например, в Самарканде) и настойчиво пробивался к престолу, Алишер Навои тоже не сидел сложа руки. Сохранившиеся факты и документы, хотя и немногие, свидетельствуют, что Навои был заинтересован в карьере Хусейна Байкары и стремился помочь успеху друга. Хондемир сообщает («Добрые нравы»):

«Во время правления султана Саид-мирзы — султана Абусаида войска султана Сахибкырана (Хусейна Байкары), по потребностям поры и времени, совершали набеги на окраинах вилайета Хорасан. Однажды два человека из них попались эмиру Ахмед-хаджи (одному из эмиров Абусаида). И он, не долго думая, распорядился убить обоих, а головы отправить правителю Самарканда султану Ахмед-мирзе (сыну Абусаида). Близкий друг его величества султана (Хусейна) державный и высокий, его светлость (Навои) в это время находился в ставке Хаджи-Ахмеда. Узнав о таком распоряжении, он (Навои) сжалился над обоими пленниками и дал совет: «Этих пленников следует отправить к султану Ахмед-мирзе живыми, он от них сам непосредственно узнает, в каком положении Мирза султан Хусейн, и распорядится по своему усмотрению». Эмиру Ахмед-хаджи этот совет пришелся по нраву. Он

радостно приветствовал его высокую светлость и захваченных отправил к своему государю. Султан Ахмед-мирза, узнав от них о положении султана Сахибкырана, отправил затем их в заточение. Некоторое время спустя он освободил обоих несчастных и отправил в распоряжение врно распоряджающегося Амира» (50). «Однажды несколько амиров султана (Абу) саида взяли в окрестностях Джахджаха пленников из (войска) султана Сахибкырана после одного из сражений и разделили меж собой, чтобы умертвить и головы отправить своему государю.

Близкий друг его величества султана, державный и высокий, его светлость (Навои) пребывал в стане воинов вместе с Амиром Мирза-беком султаном Хасаном Арханги-оглы. Коротко говоря, двоих пленников привели к Амиру Хасану, но самого эмира (которому достались пленники), там не было. В том месте пребывали его светлость вместе с Мирза-беком Хасаном. Вестовой привел тех двух человек и сказал: «Сейчас убейте обоих, а головы отправьте». Высоконравственный Амир, увидев это, изменился в лице и говорит Мирза-беку: «В таком-то месте поля битвы я видел убитого человека. Вручите палачу одну-две монеты, пусть принесет голову того человека, направьте ее вместо (головы) одного из пленников». И Мирза-бек дал такое распоряжение; так его высокая светлость вызволил одного. И задумался, каким способом вызволить другого. В это время внезапно явился вестовой, сообщил: «Не убивайте и другого пленника, отыскалась еще одна голова». И в соответствии с этим, отправив головы с поля сражения, освободили обоих пленников» (50).

Весьма ценно одно из писем, вошедшее в собрание «Муншаат» («Письма»). На основании этого письма можно сделать вывод: оно написано в связи с тем, что Хусейн был в Самарканде заточен Абусайдом в темницу и впоследствии освобожден стараниями матери.

«Сейчас, когда по велению синего круга небес и волнзъявлению низкого небосклона возрастающее день ото дня счастье его величества и его царственная особа встретила такое горе и такое несчастье,— по этой причине ужас объял состояние сего немощного (Навои), и по этому поводу глубокая скорбь охватила настрое-

ние сего смятенного, так что может ли его перо выразить хоть крупицу этого и способен ли его язык высказать хотя бы частицу этого? Однако едва он воспринял весть о том, что тот избавился благополучием бога всевышнего от тех бед и благоденствием от тех несчастий — он (также) отрешился и освободился от тех своих тягот и горестей.

Когда случаются подобные события, то и у желающих добра, заботливых рабов есть право высказывать слова попрека и намека оттого, что у них слишком сердце горит и душа не терпит. Однако неизбежно, чтобы из подобных событий благословенному разуму его величества явилось настолько внимания, и предостережения, и жизненного опыта; всегда желаю, чтобы вы возвращались в кругу дел ваших; человек не свободен от обычая, даже забытого, а подобное (забвение) не дает много результата, кроме того, что устремления человека остаются неведомы, а дело — сделанным лишь наполовину, и чтобы поняли: во всех деяниях, свершившихся волею бога всевышнего, повинны вы сами...

Когда султанам от вас часто происходят поражения... не склоняйте разума к мысли о том, чтобы все разрешить. Достигнув в делах правления степени, поражающей разум людей, прочно затворив все возможные бреши рассудка¹, не уклоняйтесь от вступления на широкий путь риска.

Пусть каждое утро, пока всадники солнца под защитой войска Хотана, наведя мост поперек реки восхода, отражает полчища тьмы, пусть каждый день, выйдя из рва и разметав рассеянное войско темной ночи, будто гиацинтовые локоны красавицы, завоеует крепость небосвода. И пусть бог всевышний ради шаха этих прекраснеликих, солнцеподобных всадников размечает дотла гнет вражеского войска; и, в добром расположении духа, точно предрассветный ветер, наведет через реку мост осторожности, взметнет к небу землю (из-под ног) немощного врага и наделит его победой и захватом крепости страны и царства» (98—99).

Судя по тому, что говорится в этом письме, Навои

---

¹ То есть, когда рассудок не сможет найти никакого средства.

был послан Хусейном Байкарой в Хорасан (по-видимому, из Герата) с каким-то важным поручением. Навои не смог его исполнить, но не говорит о судьбе этого поручения, завершает свое письмо пожеланиями здоровья, успеха и счастья повелителю, просит прочесть прилагаемые стихи. Цитируем по сборнику «Письма»:

«Заявление следующее: По некоторым советам... сего ничтожного (Навои) направили в Хорасанский вилайет. Надежда моя на милость бога всевышнего состояла в следующем. Пусть в зеркале благословенного сердца его царственного величества всегда сверкает счастливый лик его и пред его священным разумом все намеренья отворяют лик свой. Но пожелание мое следующее: чтобы без опасенья скорее представить вашей особе сии разрозненные стихотворенья, чтобы, невзирая на их несовершенство, вы над ними задумались.

Маснави:

Свет золота в казне отменно жгуч,
А неказист в замке железный ключ.

Когда к заветной цели дух влечем,
Свет истины да служит нам ключом.

Рабу ли, венценосцу — все равно
Открыть замок одним ключом дано.

Еще вот что. Из-за того что цветок намеренья раскрылся в цветнике желания слишком поздно, бутон сердца не подобает ранить терниями вины. Что делать, пока ветер помощи не подует с луга судьбы и не повернет холодный ветер тягот в сторону весны увеселений — нет возможности раскрыться цветку намеренья. А если так, нет пользы спешить и не будет результата от такого неподобающего дела, как сердечная обида.

Маснави:

Пусть соловей стократ искусен в пенье,
А розе до весны не знать цветенья.

И если все во мрак ночной одето,
Велишь ли дню начаться до рассвета?

В этом отношении я преклоняюсь перед способ-

ностями его величества, но все-таки не будет лишним сказать следующее:

Маснави:

Я начал речь с молитвенного зова,
Молитвой же и кончить должен слово.

Внемли же: если шах таит стремленье
Весь мир земной держать в повиновенье,

Да будет друг он трудностям несметным
И лишь тогда спознается с заветным!¹ (99—100).

В этом письме содержится упоминание еще об одном примечательном явлении: Хусейн Байкара, в периоды ли скитаний в борьбе за престол или во время военных походов, не оставлял занятия поэзией. Это подтверждается еще одним фактом, который зафиксирован Алишером Навои в «Собрании избранных»: «Мавлана Наими¹... у него был дар к сложению тюркских стихов. Он бывал при дворе султана Сахибкырана (Хусейна Байкары). Поскольку он обладал способностями, преданно и искренне служил султану, он удостоился многих милостей. В конце концов он был возведен на высокую должность садра. Следующий матла принадлежит ему:

С тех пор как столько красоты явилось в мир из небыли,
Созданы, дивные как ты, творимы богом не были!

Он был ранен во время скитаний его величества и покинул мир» (26—27).

4. ПЕРВЫЙ ДИВАН

Судя по его собственным словам, Алишер Навои долго не мог приняться за составление собрания своих стихов — дивана. Даже когда другие составляли диван из его произведений, у него не доходили до этого руки.

Из подобных, составленных не самим Алишером, диванов нам до сих пор известен один «Диван Навои», составленный в 870 (1465—1466) году знаменитым каллиграфом Султаном Али Мешхеди².

¹ В некоторых копиях рукописи: Якыни.

² Этот поэтический диван хранится в Ленинграде, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина под шифром Вост.— № 564. Среди исследователей творчества Навои он так и именуется «Первый диван».

В связи с тем, что в диван вошли произведения Навои, созданные до 1466 года, дату составления этого дивана можно считать выясненной (он составлен во всяком случае раньше этой даты). Диван, составленный Султаном Али Мешхеди, дает известное представление о творчестве и о биографии поэта в годы отрочества и юности. Разумеется, этот диван не в состоянии дать представление обо всем творчестве Навои в указанный период; он лишь собрание избранных произведений и при отборе стихотворений важную роль сыграл вкус тех, кто отбирал и переписывал вошедшие сюда произведения (в частности, Султана Али) или же тех, кто оплатил расходы, приобрел книгу. Несмотря на это, диван все же дает представление о чувствах и мыслях Навои, о направлении его творчества.

Произведения, вошедшие в этот диван, были полностью включены Алишером Навои в обширный поэтический диван «Сокровищница мыслей», составленный им почти двадцать пять лет спустя.

В диван, составленный Султаном Али, включены и газели и рубаи поэта. В ранний период своего творчества Навои много внимания уделял этим двум жанрам и достиг в них художественного совершенства.

Прежде всего мы считаем необходимым полностью привести две газели, которые пользуются большой известностью и в наши дни. Их удивительную художественную силу народ признает и теперь, пять столетий спустя после их появления.

Газель первая:

Увидев чудный образ твой, томим любовью страстной стал я,
Душою связанным с тобой, наверно, в день злосчастный стал я!

О, сколько я твердил тайком: «Мне б от тебя отвадить сердце!»—
Но день за днем сильнее влеком к тебе, моей прекрасной, стал я!

«О, будь верна!»— я пал пред ней,— она ж, меня вконец измучив,
Сказала: «Жертвой будь моей!»— и жертвою безгласной стал я.

Ты говоришь мне: «Кто ж, любя, таким безумьем прегрешает?»—
На все готов я за тебя: твоим — о, дар напрасный!— стал я.

О сердце, что мне твой совет! Покинь меня, ступай скитаться:
Ты претерпело сотни бед — сто первой сам, несчастный, стал я!

Живой водою я владел, и кубок Джама был со мною,—
О кравчий, нищенский удел терпеть, на все согласный, стал я.

И не исходит стон немой, о Навои, из струн печальных,
Мой стон немой — совсем не мой: рабом тоски всечасной стал я!

Такое же жизнелюбие, верность своему чувству при
высоком умении найти для этих эмоций поэтическое
выражение характерно и для второй из донины зна-
менитых газелей Навои:

Ты прийти ко мне сулила — ложен был обет, увы,
До утра стонал уныло — нет мне сна и нет, увы!

На дорогу я, унылый, выходил томиться-ждать —
И следа нет моей милой, в сердце — горя след, увы!

Не пришла, нарушив слово, лунною красой светясь,
Не пришла под сень покровы моих темных бед, увы!

В одиночестве угрюмом, как безумный, я рыдал —
Не нашлось людей, чьим глумом не был я задет, увы!

Не губи меня упреком — что, мол, плача, слезы льешь?—
Дан кровавых слез потокам только красный цвет, увы!

Что друзьям в моей доле,— льнуть к любимой норовят,—
Все идут по доброй воле лишь за ней вослед, увы!

Навои, вином шипучим дом души возвесели:
Дом лишь тот бедой не мучим, что вином согрет, увы! (129б, 130а).

Обращенность к «посюстороннему» миру, к жизни,
воспевание чувств, мыслей и чаяний земного человека,
жизнелюбие, восхищение красотой человека, опре-
деляющие содержание и дух первого поэтического ди-
вана, впоследствии станут главными особенностями
всей лирики, всего творчества Навои. И поэтому пер-
вый диван, подобный частице фундамента всего твор-
чества Навои, приобретает характер отчетливого и весь-
ма важного документа.

Своим подлинно мирским содержанием газели Навои шли вразрез с догмами религии. Из этого, разумеется, не следует делать вывод, что Навои был атеистом. Диван, составленный султаном Али, открывается традиционным стихотворением, прославляющим бога.

Однако газель — это жанр, не только воспевающий земную любовь. Великие поэты, такие как Навои, выражали в газели и свои взгляды на важные социальные проблемы эпохи. Подобные газели встречаются и в первом диване Навои, (должно быть, у Навои газелей такого рода было больше, и, конечно, Султан Али для составляемого им дивана отобрал лишь некоторые из них). Вот газель философского содержания (даже, можно сказать, актуально-поэтического):

Бездольный в рубище одет, и люб простой наряд ему,
А шитый золотом — о, нет! — не подойдет халат ему.)

В этих строках Навои делает темой своей газели проблему «нищий и шах» (или «дервиш и шах»). По мысли Навои, бедняк, «бездольный», удовлетворен своей бедностью и не нуждается в роскоши.

Эту свою главную мысль поэт заставляет, что называется, широко расправить крылья, истолковывая ее в последующих двенадцати бейтах:

Кто в отрешенье пал во прах и головой на камень лег,
Что ложе в золотых шатрах и мишура палат ему?

Значит, по мысли поэта, «отрешенье» от богатств, близость к природе делает человека чуждым стремлению к роскоши.

Далее Навои приковывает внимание читателя к различию между «шахом и дервишем», в образной форме доказывает всестороннее превосходство «дервиша» (нищего, бедняка) над шахом, вообще власть имущим и даже превосходство первого над последним в силе (см. четвертый из приводимых ниже бейтов).

Шах жаждет миром овладеть — дервиш бежит от мира прочь.
Что шах дервишу? Сам заметь: о, нет, он — не собрат ему!

От сути шахских дел-тревог дервиш заботой далек:
В величье власти что за прок, и будет ли он рад ему?

Прах отрешенья бедняку любезней шахского добра:
Свой век во прахе, не в шелку, влечить — сей жребий свят ему!

Шах двинет рать со всех сторон, а бедняков не утрашит,
Но и один бедняцкий стон опасностью чреват ему!

От века шах — в плену тревог: как преисподней избежать?
Дервиш и раем пренебрег — не страшен даже ад ему!

Как и в других своих произведениях проблему «шах и нищий» («дервиш и шах») Навои разрешает в духе социального мира, призывая представителей этих двух социальных групп, в обществе противостоящих одна другой, к сотрудничеству. Обе они, по мнению поэта, как бы дополняют одна другую, взаимно сообщаются:

Величью шаха дарят свет скитальцы праведной стези:
Они как солнечный рассвет, и просветляют взгляд ему!

И пусть навечно шаху дан его высокий жребий,— все ж
Дервишем стать, забыв свой сан,— превыше нет награды ему!

Политическая актуальность этого стихотворения — употребляя терминологию нашего времени — еще и в том, что здесь Навои ведет речь не о властителях вообще, а о конкретном человеке, которого он убеждает стать скромнее, наподобие «нищего», благосклоннее к беднякам. Газель обращена к тому, кто именуется шах Гази (шах Победитель). А одним из государей, удостоенных этого титула, был Хусейн Байкара. (В точности не установлено, получил он этот титул после овладения престолом Герата или обладал им уже в то время, когда был правителем Астрабада). Приняв это во внимание, можно предположить, что газель и обращена непосредственно к Хусейну Байкаре. По словам Навои, Хусейн Байкара, и только он, уже достиг такой степени совершенства, что может сравняться с «дервишем»:

Хоть нет в умах других владык таких стремлений, шах Гази
Благих высот уже достиг, и люб такой уклад ему.

Порой в дервише шаха зришь, а в шахе суть дервиша есть,—
«Ты видом — шах, душой — дервиш»,— так люди говорят ему!

Идея союза «шаха» и «дервиша» — кардинальная идея творчества Навои — с особенной яркостью выражена в заключительных строках газели:

Шах и дервиш откуда есть, да чтут они завет творца:
Служить дервишам — шаху честь, они ж — верны стократ ему!

Не от гордыни не умолк и нижег речи Навои:
Лишь милость шаха и свой долг так говорить велят ему! (26,3а).

Тематика сорока одного рубаи, вошедших в диван, составленный Султаном Али, охватывает все стороны проблемы — воззрения на жизнь и на отношения между людьми. Поэт размышляет о назначении человека:

Провидцем тайн сокрытых сил быть должен человек,
Всеумудрым знатоком светил быть должен человек,

Таящим страсть и жаркий пыл быть должен человек, —
Таким, чтоб одержимым слыл, быть должен человек! (143а).

Поэт идет к «магамам», то есть к виноторговцам, любит юношей-кравчим. Это равносильно отречению от веры:

Сегодня я у магов был — проведаль их притон я,
Там юный кравчий так красив, что был им восхищен я.
И честь и веру позабыл, безверием смущен я,
И стал за все мои грехи позорищем времен я! (142б).

Под впечатлением испытанного чувства поэт обращается к «рискованным» образам:

Не устрашай меня, отшельник, адом
И к райским не заманивай уладам.
Мне всюду рай, где я с любимой рядом,
С тобой — и рай исполнен адским смрадом! (139б).

В человеке Навои ищет прежде всего красоту:

Нет, от чела, что с ангельским не схоже,
Речь не немеет, взор — не слепнет тоже.
Не взглянешь и не влюбишься. О боже,
И мне влюбляться в ту красу негоже! (142а).

Юного Алишера в среде людей сильней всего радует дружба. Сам поэт умеет преданно дружить:

О, за письмо твое я жизнь отдать бы смог:
Душой постигнув суть давно желанных строк,
Я в бурном море слез барахтался и плыл,
Как смоченный водой исписанный листок! (1386).

Все содержание первого дивана, составленного Султаном Али Мешхеда, убеждает, что в то время Навои уже пользовался широкой известностью в области газели и рубаи. Сам Навои позже, в своей «Пятернице», тоже вспоминает, что впервые стяжал себе славу именно газелями, причем выражает недовольство своими стихами, созданными в юные годы:

О, счастлив был я радостной мечтою,
Но, видно, я той радости не стою...

Стихи мне стали горькой карой, право:
Всесветная о них гремела слава...

Себя ж корил я тем, что сделал мало,
И недовольство ум мой донимало.

Куда коня ни гнал я по просторам,
Разбег мечты всегда мне был укором! (89).

5. ХУСЕЙН БАЙКАРА — ВЛАСТИТЕЛЬ, НАВОИ — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Год 873 (1469-й). Султан Абусаид, ведя войну с правителями Ирака, погиб в Карабахе.

Из дастана Навои «Стена Искандера» («Повествование о султани Абусаиде Курагане...»):

Если подданным плохо, и все их тревожит,
Против вражеской силы и ум не поможет.

Как обрушить на недруга кару и месть,
Если недругов в собственном стане не счесть?

Не венчать тому шаху победою брани,
Чей народ ищет правды во вражеском стане.

Хоть и долгие годы покорен народ,
А когда-нибудь час искупленья придет!

Жил-был шах, чью премудрость опишешь едва ли,
Кураган ему прозвище звучное дали.

Хорасаном и Мавераннахром владел он,
И забрал под правленье великий удел он.

Власть его от Хорезма была до Кермана,
От Кашгара он властвовал до Исфагана.

Цвел весенними кущами Забулистан,
Стал садами цветущими Кабулистан.

Даровал свою власть он бескрайним пределам,
Был властителем он и премудрым и смелым.

И, размыслив, взлелеял он умысел — впредь
Всеми странами мира земного владеть.

Видно, мудрым советам не внял его разум,
Как на Рум и Тебриз двинул войско он разом.

Провиденье радело немало ему,
Но один недостаток послало ему.

Он казну умножать одержим был расчетом,
А народ обижал притесненьем и гнетом.

И богатству душа его рада была,
А в войсках и в народе досада росла.

А когда он в те страны повел свою рать,
Для отпора и там стали войско собирать.

Опасаясь ущерба обширным владеньям,
Враг решил смело действовать встречным вторженьем.

И затеялись битвы — страшнее их нет,
И сражения шли много зим, много лет.

И в войсках, возмущенных лихим произволом,
Лишь пора подоспела лишеньям тяжелым,

Суматоха смятенья повсюду пошла —
Одолела их сила нежданного зла.

Стали воинны прочь разбегаться помногу
И бежали во вражеский стан на подмогу.

И властитель всесветный от этих измен
Претерпел унижение и вражеский плен.

И несчастному небо немилость явило —
Закатилось светившее с неба светило.

И жестокую кару судил ему враг;
Обагрился рубиновой кровью тесак.

О владыке, чья воля народ угнетала,
В покаянии пользы не будет нимало.

Если шах войску чужд и от войска далек,
Разве будет от воли властителя прок?

Роза сорвана — сохнет она омертвело,
Сердце — мертвое, если изъято из тела.

Шаху — с войском в единстве величье дано,
Войску — с шахом всегда нужно быть заодно.

Словно двое влюбленных, чьи думы едины,
Жить в согласье с народом должны властелины.

Овладеть целым миром — задача трудна,
Но согласным усилиям подвластна она (100—104).

В «Бабур-наме» говорится, что султан Хусейн «во время событий в Ираке (где вел военные действия Абусаид,— И. С.) прибыл в Хорасан. В это время Камбар Али-бек, правитель Гиссара, по приказу султана Абусаид-мирзы, возглавив войска Хиндустана, отправился в Ирак, чтобы присоединиться к (Абусаид-) мирзе. Достигнув Хорасана, он присоединился к Султану Махмуд-мирзе. Услышав о (приближении) султана Хусейн-мирзы, жители Хорасана восстали и выгнали из Хорасана султана Махмуд-мирзу» (82).

Из седьмой тетради «Садов наслаждения» Мирхонда: «Султан Хусейн-мирза еще в детском возрасте жил мечтою о владычестве над миром и «не ставил ни во что блистательных султанов и величественных хаканов». Когда он взял Астрабад и там взошел на пре-

стол, он не слушал (ничьих) советов, совершал походы и вел битвы против султана Абусаида. В 873 году хиджры¹ стало известно, что весть о гибели Абусаид-султана истинна. Султан Хусейн-мирза овладел Гератом. В пятницу первого десятидневья месяц руза* того же года хутба в Герате была прочитана на имя Хусейн-мирзы. С восшествием на престол Хусейн-мирзы и благодаря его энергии «огонь смут и раздоров, пылавший на окраинах области Герата, наел на себя одеянье успокоения» (4). «В то время, когда в Карабахе прервалась жизнь Султана Абусаид-мирзы Курагана, среди потомков Тимура Курагана не осталось никого, кроме высокопоставленного хакана Абульгази Сульана Хусейн-Бахадура, кто мог бы занять место вышеупомянутого...» (44). Далее следует повествование о том, как великий эмир, одаренный распорядительностью, Амир Алишер из ставки султана Ахмед-мирзы прибыл на придворную службу к хакану-миродержцу (Хусейну Байкаре). Амир Алишер... отправившись в подобный рау Самарканд, жил в ханаке Ходжи Джалилидина Фазлуллаха Абуллаиси, большую часть времени расхаживал на внимательное чтение книг, иногда навещал Амира Дервиша Мухаммед-тархана и Амира-хаджи, которые были правителями Мавераннахра. В те дни, когда Мирза султан Ахмед (правитель Мавераннахра), узнав, что победоносный хакан (Хусейн Байкара) выступил в поход на Хорасан,—перешел реку Аму; Амир Алишер также вознамерился идти с войском; затем, когда оказалось, что случившееся с Абусаидом — истина и его победоносный хакан одержал в Герате победу, он, получив дозволение султана Ахмеда, поспешил в сторону Герата. И в праздник руза соизволил вступить на благословенную службу к обладающему способностью приближать хакану... И был удостоен и безграничных любезностей и милостей его величества и вследствие возвышенности духа... в день хаита на царственном пиру прочел «Касыду хилалия» («Оду новолунию»). День ото дня влияние и мощь добродетельного амира на службе у него счастливого государя стали возрастать, и дело дошло до того, что его безошибочному разумению было поручено разрешение всех важных дел тех людей, что относятся к тюркам и

¹ В 1468—1469 году европейского летосчисления.

таджикам, удовлетворение всех ближних и дальних надобностей этих людей» (47—49).

Из сочинения Хондемира «Добрые нравы»: «После того как султан Абусаид ушел из сей обители, полной хлопот¹, на престоле Герата Сахибкыран (Хусейн Байкара) водрузил власть и знамя судьбы; и сей центр орбиты добродетели и совершенства (Навои) направил свои благословенные шаги в тот достохвальный град. Здесь он был возведен в высший ранг, ему была поручена должность наместника счастливого государя, и он взял на себя обязанность руководить правительственными чиновниками, разрешать вопросы всего народа и власти, приводить в порядок дела царства и населения, давать устроение состоянию религии и государства, и вместе с этим тратил все свое время на то, чтобы упорядочить изложение в книгах, исследовать и подтверждать доводами их содержание, разрешать (спорные) вопросы, открывать тайны наук, усваиваемых на слух, и отыскивать точки изящества в науках, постигаемых разумом. Всегда, то ли в странствиях, то ли пребывая в городе, он пользовался (сочинениями) высокочтимого Мавлана Фасихиддина Мухаммеда Низами.

Кому на троне властвовать пристало,
Тому твоих достоинств будет мало!

...Мудрые мужи во всякое время находили место в его высоком собрании, щедро пользовались сокровенными скрижалями его безупречного нрава. Прославленные мужи добродетели всегда, восседая на его благословенном, прелестном паласе, слушали и использовали его речи — драгоценные камни» (27—28).

Хотя Хусейн Байкара водворил в государстве относительное спокойствие, из среды тимуридов выходили претенденты на престол, совершавшие нападения на Герат. Из их числа одним из самых сильных соперников Хусейна Байкары был Ядгар Мухаммед (правнук Шахруха).

В 874 (1469—1470) году притязания Ядгара Мухаммеда на престол сделались серьезными и султан

---

¹ То есть, погиб.

Хусейн Байкара двинул против него войско. В этом походе Навои был вместе с Хусейном. В сочинении Хомдемира «Добрые нравы» сказано: «В начале 874 года мирза Ядгар Мухаммед Хасан-бек вознамерился с помощью туркмен захватить Хорасан. Султан же Сахибкыран послал против врага группу эмиров и войско, сам тоже отправился вместе с ними. Когда отмеченные победоносностью знамена проходили через Мешхед, среди предводителей войска то и дело слышались вести о приближении врага. Поэтому победно-знаменный государь приказал с быстротой двигаться в сторону противника. Однако же он, чтобы выяснить счастливый час, распорядился вызвать звездочета. В это время обладатель высокого чина и близкий друг его величества султана (Навои) обратился к нему со словами, что, дескать, сейчас, бесполезно вызывать звездочета и выяснять, добрый момент или недобрый. Ибо, подходящий момент или нет, затягивать дело невозможно и нужно действовать быстро. Его величество Сахибкыран согласился с мнением мироукрашающей особы и устремился на врага. После того как прошли немного, сделалось ясно, что момент исключительно благоприятен для замысла тех, кто устремился вперед... В местности Чиноран оба войска столкнулись, ветер победы и преодоления подул на знамена высокостепенного Сахибкырана. А Ядгар Мухаммед вместе с туркменами потерпел решительное поражение» (24—25).

Год 1470-й, март. Судя по свидетельству Абураззак Самарканди («Два счастливых начинания» — «Матлаус-садайн», лист 315), Хусейн Байкара повел войско против Ядгара Мухаммеда, весной того года поднявшего мятеж в Астрабаде. В это же время население Герата восстало против гнета столичных эмиров. Хусейн направил в Герат Алишера Навои. Поэт с мимбара* самой крупной мечети прочел призывающий к порядку и водворяющий справедливость фирман (указ) Хусейна и тем умиротворил восставший народ.

В этот год в семейной жизни Хусейна Байкары также произошла перемена: в те дни, когда он овладел престолом после Абусаида, для того, видимо, чтобы успокоить родственников Абусаида, Хусейн женился на дочери последнего Шахрибану-бегим. Поведя в тот раз войско против Ядгара Мухаммеда, Хусейн, сог-

ласно обычаю пожелал, чтобы Шахрибану верхом на коне отправилась в поход с ним вместе. В «Бабур-наме» сказано: «В битве при Чекмане, когда все жены и наложницы Мирзы (Хусейна Байкары) выйдя из паланкинов, сели на коней, она (Шахрибану) не вышла, полагаясь на своего младшего брата (Ядгара Мухаммеда). Об этом донесли Мирзе (Хусейну), и он по сей причине, оставив Шахрибану-бегим, взял ее младшую сестру Паянда Султан-бегим» (231).

Год 875-й (1470), апрель. Теперь уже Паянда Султан-бегим помогает Ядгару, не оставившему помыслов о престоле. В хронике «Сады наслаждения» сказано: «В то время как Абульгази султан Хусейн выступил к горной крепости Нарра, Ядгар Мухаммед-мирза пребывал в области Тус; но его сестра Паянда Султан-бегим вошла в город из окрестностей крепости Герат, закрепила город за своим братом и повелела, чтобы при радостных звуках барабанов в шестую пятницу месяца мухаррама* 875 года хиджры хутба была прочитана на имя Ядгара Мухаммеда» (66—67).

Из сочинения Навои «История властителей Аджам» («Тарихи мульки Аджам»): «Когда его величество (Хусейн Байкара) занял престол Хорасана, все царство еще не успокоилось. Ядгар Мухаммед-мирза, наследник царства, с сильным войском выступил против его величества. Из-за того, что некоторые малоумные, изменив, перебежали на его сторону, народ заколебался — дескать, не сможем найти снаряжения для войны; его величество, покинув державу, с немногими людьми удалился прочь» (219).

Должно быть, Навои, не был в числе этих «немногих людей» — повествование ведется тоном человека, не участвовавшего в этом бегстве. Однако два письма Навои (в сборнике «Письма») ярко отражают то, что Навои верил в возвращение Хусейна Байкары на престол и связывал с этим большие надежды. Навои сравнивает Хусейна с морем и солнцем: подобно тому как море превращает каплю воды в жемчужину, и цветок пробуждается от шипов солнца, так и Хусейн, по мысли поэта, заставит расцвести его дарование. Иначе говоря, все свои человеческие и творческие надежды Навои прочно связывает с возвращением Хусейна Байкары на престол. Скорбное и в то же время утешающее

содержание этих писем порождает уверенность, что они были написаны именно в тот период скитаний и злключений Хусейна, после того как он оставил престол. Должно быть, Навои с сожалением осознавал, что немедленно он ничем не в состоянии помочь Хусейну; он посылает ему свои новые стихи и пытается утешить друга приглашением внимательно их прочитать.

Выдержка из первого письма:

«Соловей, чье подобное бутону сердце изранено шипами разлуки с розой,— может ли он выводить напев голосом повествователя дастанов; и попугай, кому на зеркало хирмана тайных помыслов прах безнадежности наложил пятно,— что может высказать сладкоречивым пером?

Однако, соединив правило «кто повинуется — того извиняют» со слезами, вызываемыми дымом и жаром огня, изъявляя жжение сердца с истечением слез, составилось несколько разрозненных бейтов. Надежда на то, что внимательное их чтение послужит сердцу причиной веселья и наслаждения, их созерцание станет для глаза источником непорочности и света» (107).

Из второго письма: «Луч прямого пути, дарующий сиянье светильнику намеренья да осветит эпоху вашей единственности и да падет на заблудшее, потрясенное бытие подобного мне злосчастливого! И дарующая луч солнцу намеренья милость бога да украсит черную-пречерную ночь вашего зеркала и частица света от него да падет на (мое) сего нижайшего темное-претемное зеркало души!

Рубаи:

Лучи его красы да возблестят,
Да озарят они весь мир стократ!
Владеньям вашим да не знать преград,
А нас да осенит ваш светлый взгляд!

Желание (наше) таково: да возгорится в священном сердце вашем светильник желанья из мира победы, чтобы вокруг той обители мира вился, будто мотылек, сей злосчастный! И цель (наша) такова: в Ираме сердца вашего от ветерка добродетели да распухнет цветок радости, чтобы вокруг того цветника сей потрясен-

мый бедняк вился подобно соловью! И чтобы от лучей того светильника заискрились его глаза, а от аромата, той розы насладилось его обонянье!

Маснави:

Под солнцем камню гор дано сверкнуть рубином,
Из капли сделать перл дано морским глубинам.

Всех капель меньше я и мельче всех камней,
Ты — ярче всех светил и глубже всех морей!

И если солнца свет блеск дарит самоцветам,
А в море зреет перл, блестя жемчужным светом,

Да будет жив мой труд величием твоим,
И милостью твоей да буду я храним!» (107—108).

Позже Навои отправился следом за далеко ушедшим войском Хусейна Байкары и присоединился к нему. Хондемир сообщает («Добрые нравы»):

«В то время, когда Мирза Ядгар Мухаммед захватил престол Герата, султан Сахибкыран, волею судеб, направился к Меймене и Фарьябу. Однажды в сем вилайете он тайно вызвал в некое место распорядительного путеказующего эмира (Навои) и, советуясь с ним, сказал так:

— По слухам, туркмены в столице — Герате водрузили знамя угнетения и беззакония. А Ядгар Мухаммед, в безмятежности и неведении, возжег светильник беспечного удовольствия. Поэтому я полагаю, если вы сочтете подходящим, давайте пошлем туда войско, все требуемое подготовим заранее и вызволим бедняков — заложников бога-творца — из когтей гнета и мученья.

Его высокое степенство (Навои) согласился с этой мыслью, постарался, сколь возможно, уяснить ее скрытый смысл и выразил языком, дарующим воодушевление:

— Было б лучше, если эта речь не была мне высказана.

Султан Сахибкыран спросил:

— Какова причина такого преувеличения и утверждения по сему поводу?

Высокостепенный эмир ответил так:

— Весьма важно держать эту речь в тайне. Ибо всякий день группы наших людей перебегают на сторону Ядгара Мухаммеда, они не смогли бы найти (ему) более драгоценного дара, чем донести об этом. Не трудно предположить, что, узнав о нашем замысле, Ядгар сразу примет меры предосторожности, а возможно, и направит в нашу сторону войско» (25—26).

Из «Бабур-наме»: «Султан Хусейн-мирза.. снова овладев престолом, сразился под Чинораном с Ядгаром Мухаммед-мирзой и победил. В другой раз, нацелившись на мост Сарипуль через Мургаб, он прибыл (в Герат), когда Ядгар Мухаммед-мирза возлежал во (дворце) Баги-Заган, предаваясь возлияниям, и захватил его. Благодаря этому пленению он умиротворил Хорасан...» (233).

Это деяние Хусейна Байкары Навои уподобил героическим подвигам иранского шаха Бахрама Гура. В «Истории властителей Аджама» говорится: «Когда Бахрам, сын Язиджурда, после своего отца воссел на трон властвования, он выправил неустроенность (эпохи) отца и вместо его гнета установил справедливость... Но (затем) Бахрам, пройдя Азербайджан, Гурджистан* и Кипчакскую степь, захватил Хорезм, на реке Джурджан внезапно напал на хакана, с малым числом людей разгромил трехтысячное войско, захватил хакана и собственноручно отсек ему голову. То есть, сотворил такое дело, какого не сотворил прежде него ни один властитель, да и после него не удавалось ни одному человеку. Между тем Абульгази султан Хусейн Бахадур-хан, волею аллаха ставший властителем, удостоился того, что совершил подобного рода дело. Вкратце его содержание следующее. Когда враг, захватив престол, овладел царством и спокойно принялся неисчислимы богатства расточать своим воинам, стоны и жалобы народа достигли слуха его величества (Хусейна Байкары). И в сознание сего ничтожного (Навои) пришло следующее: в то утро, когда произошло то самое событие, оно всячески было обдуманно: не набралось и сотни людей, которые при сем оказались...» (218—220).

«Бабур-наме»¹ сообщает: «Из эмиров султана Ху-

¹ Из воспоминаний Бабура, относящихся ко времени после смерти Хусейна Байкары.

сейн-мирзы... был еще некий Мир Али-мирахур¹. Это тот, который послал человека к султану Хусейн-мирзе, повел его против Ядгара Мухамед-мирзы и того захватили во время сна» (237). «Султан Хусейн-мирза подобным же образом взял Герат, захватив (врага) врасплох². Однако любому понимающему дело человеку ясно, справедливому очевидно, что между этими деяниями есть большое различие. Во-первых, султан Хусейн-мирза был великий повелитель, обладавший богатым опытом, старый годами. Во-вторых, противником его был Ядгар Мухаммед Насыр-мирза, неопытный юноша семнадцати-восемнадцати лет. В-третьих, среди его врагов пребывал человек, знавший (их) дела и обстоятельства — Мир Али-мирахур, который послал к мирзе (султану Хусейну) людей и привел (его войско) на неприятеля врасплох. В-четвертых, его враг находился не в крепости, а во (дворце) Баги-Заган. Когда султан Хусейн-мирза захватил (Герат), Ядгар Мухаммед-мирза и его приближенные до того были увлечены винопитием, что у дверей Ядгара Мухаммед-мирзы стояли в ту ночь всего три человека, они тоже были пьяные. В-пятых, он (Хусейн) в тот раз напал врасплох и (потому) захватил (город)» (141).

В результате этого события престол Хорасана упрочился во власти одного человека и в стране наступил мир. (Вспомним выражение Бабура: «Султан Хусейн-мирза.. благодаря этому... умиротворил Хорасан»). Навои дал совет Хусейну. В сочинении Хондемира «Добрые нравы» написано: «Коротко говоря, после сих слов (Навои Хусейну, о необходимости хранить в тайне замысел немедленного выступления на Герат, — И. С.) Сахибкыран с поспешностью выступил в направлении Герата. По совету высокостепенного Амира, эту тайну никому не раскрывали, пока не достигли Лангари-Букана³, а когда достигли сей стоянки, то поведали другим эмирам и чиновникам, причем все они выразили радость. Однако многие придерживались того

¹ Конюший.

² Эти слова — также воспоминания Бабура. В 906 году хиджры (1500—1501) он захватил Самарканд и это событие сравнивает с тем, как в 1470 году султан Хусейн во второй раз отнял Герат у Ядгар-мирзы.

³ Лангари-Букан — постоянный двор неподалеку от Герата.

мнения, что следует войти в Баги-Заган в то время, когда пред дверью султанов нет никого, то есть в полдень, так, чтобы довести до конца дело сей враждующей стороны, покуда та (другая) сторона о нем не догадалась. Распорядительный эмир не одобрил такое намеренье и сказал: самое лучшее нам войти в сад ночью, ибо если (войдем) в дневное время, то не далеко до того, как бы люди Ядгара Мухаммеда не проведали о нашем нападении, с поспешностью не изготовились и как бы мы не выпустили из рук сие дело. Весьма далеко до предположения, чтобы враг, ночью проведав о наших действиях, смог собрать силы. Во вторых, если наш замысел не удастся, то когда пред глазами человека завеса тьмы, будет возможность нам оттянуть свои силы в сторону. Итак, дневное время в этом положении не подходит.

Сахибкыран принял это предложение. В Баги-Заган вошли ночью. Меры чистого сердцем Амира оказались весьма успешными; как сказано в сочинении «Извлечение известий» («Хуласатул-ахбар») Мирза Ядгар Мухаммед был схвачен и совершил странствие в потусторонний мир» (25—26).

Из сочинения Хондемира' «Извлечение известий»: «Султан Хусейн-мирза, безостановочно миновав много переходов, совершил привал в Баги-Рабате и близ полудня следующих суток выступил к Герату дорогой на Лангари-Бабахакки. Когда он достиг мазара Имама Фахра Рази, поступило известие, что посланные вперед эмиры «прорубили, словно здание вражьей державы» главные ворота Герата. Тогда Хусейн Байкара во главе восьмидесяти всадников, точно высокопарящий сокол, двинулся из Баги-Загана и не отпускал узды своего коня до самого Баги-Шамала, где находилась опочивальня Мирзы Ядгара Мухаммеда. Здесь Хусейн повелел разведать, кто в помещении. Амир Алишер велел своему приближенному воину эмиру Баба-Али проникнуть внутрь. Тот вошел, вернулся и сообщил, что никого нет. Хусейн приказал оцепить дворец, взойти наверх, однако никто не отозвался на сей призыв, ибо всех придавили страх и опасенье. Наконец Амир Алишер, испросив повеленья хакана, поручил своего коня эмиру Баба-Али, сам же, выставив меч словно пику, начал неведомым путем взбираться на-

верх. Победоносный хакан (Хусейн) с той же задачей вслед ему направил эмира Кулали. В это время Исмаил Фарраш, взяв две связки свечей, вошел в сад, поджег свечи, и, осветив дорогу, направился во дворец. У людей появилась отвага, они (тоже) кинулись во дворец. Пеший воин Хаджи Али, следуя за Амиром Алишером, наткнулся на спящего Ядгара и схватил его. Подоспевший следом эмир Кулали отобрал царевича у Хаджи Али и потом, вернувшись тем путем, который был проторен Алишером, передал Ядгара в руки повелителя. Приняв во внимание, что Ядгар-мирза — прирожденный царевич, султан Хусейн намеревался оставить его в живых¹; однако высокие эмиры, сознавая, что жизнь Ядгара означает смерть для них, на это не согласились. Ядгар Мухаммед был убит, наутро был также казнен Амир Али Джалаир — опора всех его деяний» (70—75).

После победы над Ядгаром Мухаммедом в государстве Хусейна Байкары в основном утвердился мир. Последовавшие за этим внутренние войны уже не представляли серьезной опасности, не наносили сокрушительного урона как Хусейну, так и стране.

Однако же конец распрям никак не наступал. В «Бабур-наме» говорится, что султан Хусейн-мирза «после того как снова овладел престолом, сразился под Чекманом, в окрестностях Шабургана и Андхуда, с султаном Махмуд-мирзой и вышел победителем. В другой раз Абубекр-мирза, соединившись с пришедшими из Ирака туркменами каракуйлуком, разбил Улугбек-мирзу² в Такане и Хумаре, захватил Кабул. Позарившись на Ирак, он оставил Кабул и, перейдя Хайбер, окрестности Хушаба и Мултана, вышел на Сиви, уйдя оттуда, взял Керман, а когда без остановок вторгся в Хорасан — султан Хусейн-мирза быстро выдвинулся вперед и взял его в плен. В другой раз у моста Пули-

---

¹ Родословная Ядгара (по данным Мирхонда и Хондемира): «Мирза Ядгар Мухаммед, сын Мирзы Султана Мухаммеда, сына Мирзы Байсунгура, сына Шахруха, сына Эмира Тимура Курагана... Его тетка Паянда Султан-бегим... была властительница разумная и благонравная, она в совершенстве руководила воспитанием сына своего брата» («Сады наслаждения», тетрадь, 7-я, с.31)

² Это — сын Абдусаида, а не внук Тимура, правитель и ученый.

Чирак он разбил одного из своих сыновей Бадиуззаман-мирзу, а под Халва-Чешме он победил двух сыновей — Абулмухсин-мирзу и Капак-мирзу. В другой раз он повел войско на Кундуз, осадил, но взят не смог и возвратился. А еще он однажды осадил и Гиссар, но тоже не смог взять и вернулся. Еще как-то раз он вторгся во владения Зуннуна. Правитель Буста отдал ему Буст, кроме этого он (Хусейн) ничего сделать не смог. Буст он также оставил и возвратился. Столь отважный и великий государь, как султан Хусейн-мирза, в эти два-три похода не проявил решимости, подобающей властителю, возвращался, ничего не доведя до конца. В другой раз он на летовке Нишин вступил в бой со своим сыном Бадиуззаман-мирзой, пришедшим вместе с Шах-беком, сыном Зуннуна, и разбил его...

У Мирзы (Хусейна) было четырнадцать тысяч отборных воинов и сорок тысяч воинов, отбывающих повинность. А работы (их) в силу повинности — заполнять рвы, копать колодцы, прокладывать дороги, также сопровождать должностных лиц...

Владение султана Хусейн-мирзы называлось Хорасаном. К востоку от него — Балх, к западу — Бистам и Дамган, к северу — Хорезм, к югу — Кандагар и Систан» (223—224).

Когда султан Хусейн оказывался вынужденным, оставив мирную жизнь, вести войска против тимуридов, притязавших на престол, Навои лично участвовал во многих из таких походов или же оставался в Герате, чтобы оберегать престол и заниматься делами правления. В военных походах Навои участвовал главным образом с той целью, чтобы добиваться примирения противников.

Особенно много времени и дипломатического мастерства затрачивал он на то, чтобы добиваться мира между отцом и царевичами, вроде Бадиуззамана, неоднократно поднимавшими мятежи против отца. Хусейн Байкара также в любом деликатном случае спешил воспользоваться усилиями своего друга.

В первом приводимом ниже письме, Навои в ответ на письмо от одного царевича выражает свою радость и желание встретиться. Судя по содержанию письма, царевич склонялся на предложение провести поход совместно с отцом Хусейном Байкарой. Царевич при-

звал Алишера Навои к себе. Это весьма радовало Навои. Второе письмо, адресованное Бадиуззаману, полно упреков царевичу, оспаривавшему у отца власть в государстве, наставлений ему, а также тревоги за судьбу страны.

Письмо Навои (из «Писем»):

Рубаи:

О сердце, весть о розе дай — когда ко мне она придет,
Когда в цветник моей души цветущая весна придет,

Когда она, звездой горя и мне душой верна, придет,—
Когда же та, чей светлый лик — как яркая луна, придет?

Рубаи:

Услышу радостную весть, что занялась заря свиданья,
И отступают на закат разлуки темные страданья,

И я светило счастья жду, и в сердце — трепет ожиданья!
А если солнце не взойдет, как пережить мои терзанья?

Рубаи:

Да, так — конец ко мне приспел, спешил он, видно, издалече,
Принес он добрую мне весть о скорой и счастливой встрече.

Хранит желанное письмо творцом дарованные речи:
Я Джебранлу* рад душой — творца всевышнего предтеча.

Что это было за послание, снизошедшее из чертога, высокого как небо... и что это был за лист, спустившийся из дворца, посрамляющего небеса!..

...Нижайшее заявление мое следующее. В письме — знаке приязни — написано, что есть намерение отправиться на любезный прием к Мирзе (султану Хусейну) и решено осуществить это намерение. Нет сомнения: такая служба сообразно советам мира сего и потустороннего, достойна и приличествует от такого сына, как вы, такому отцу, как Мирза. Да будет воля аллаха, чтобы в каждом походе страна оказывалась покоренной и при каждой атаке (вражьей) войско терпело поражение!.. Было написано, чтобы, придя к рекам Пандждех и Меручак, вы были удостоены счастливого приема. Где бы сие послание (вас) ни застало,

распорядитесь, чтобы было направлено дружественное послание, где указаны стоянки (от того места) и до Пандждеха и Меручака, а также день, когда вы достигнете этих рек. Так чтобы (я) сей раб предстал к (вашему) любезному приему в том месте, которое безошибочно указано. Сим нижайшим посланием откровенно выражается, что (мы) в томительном ожидании осуществления надежд...» (122—123).

Письмо Навои царевичу Бадиуззаману (тот же сборник):

«Пророк.. повелел: согласие бога всевышнего равно согласию отца, и гнев бога всевышнего — все равно что гнев отца. Значит, если человек получил согласие отца, он получил и согласие бога всевышнего, если же он привлек гнев отца, то встретит и гнев бога всевышнего. После этого как же человек удалится от согласия отца, шаг ступит прочь от него? И вот слово великих людей: «Отец твой — творец твой». Потому он — пособник тому, чтобы бог всевышний сотворил тебя из небытия, и даритель восхождения тебя от детства к возмужанию. И мудрец Сулейман*... сказал: «Отец великий воспитатель, а мать — деятельница законного пропитания». И (Адиб)¹ Ахмед... сказал:

Рубаи:

Отец ошибся — в том худого нет:
Тебе его оплошность — не во вред.
Простишь ошибку — пользу обретешь:
Творец тебя спасет от сотни бед!

...Вывод из сих вступлений таков. (Я) сей раб постоянно высказываю вам слова пожелания удачи, и желая вам насладиться счастливой жизнью, возношу молитвы. И о каждом неподобающем деле, которое я увижу с вашей стороны, я заявляю и представляю вам также в виде назидательных повествований в моих писаниях.²

В нынешнее время от вас дошел слух о некоторых делах, так что показалось необходимым заявить вам,

¹ Букв. арабск. «учитель», «писатель».

² В «Пятерице» Навои есть глава, посвященная Бадиуззаману. Судя по этому, цитируемое письмо было написано, видимо, после 1485 года.

что умножились случаи пренебрежения интересами высокочтимого Мирзы (Хусейна Байкары).

Первое: доходы вилайета вы, не посоветовавшись, взяли своею волей, а это незаконно. В течение трех-четырех дней никто не явился от вас: если бы вы сделали намек, то отказа не было бы.

Еще одно. Вы написали: «Не направляйте никого в Астрабад, ибо я не отдам (город)»¹. Об этом же вы могли бы написать помягче. Далее, вы написали: «Я присоединил Ирак». По воле аллаха, пусть Ирак перейдет (вам) в руки. Но то, что прежде того вы хотя бы в одном-двух словах не посоветовались с Мирзой, не обратились к нему, — такое деянье не было бы удивительным со стороны чужого, с вашей же стороны оно удивительно.

Еще следующее. От вас поступил документ, и на тамге* не обозначено имя Мирзы. Как же подобное пристало такому, как вы, умному, добродетельному молодому человеку, благочестивому мусульманину? Если б ошибку совершил писец или еще кто-нибудь, то почему же вы рассылаете документы, не просмотрев лично.

Есть различие между отношением отца к сыну и сына к отцу.

Вы не таковы, как Бабур-мирза, один из сыновей Байсунгур-мирзы, чтобы не видеть многих милостей. И не таковы, как Абдуллатиф-мирза или Хасанали, один из сыновей Джахан-шаха. Бог свидетель моим словам. Во многих наших деяньях (я) сей низайший участвовал, обо многих я осведомлен. Вы — постоянно один из благороднейших среди потомков благородных, любимый Мирзою, свет очей его. Вы сами знаете: никто, кроме (меня) сего низайшего, не знает того, что таится в сердце Мирзы относительно вас. Готов поклясться именем бога, это мне так же ясно, как сие послание.

Итак, вам отдали Астрабад, придали вам верных

---

¹ Из-за Астрабада между Хусейном и его сыном Баднуззаманом не однажды вспыхивали раздоры. Взойдя на престол, Хусейн сразу же передал Астрабадский вилайет Баднуззаману, который посему впоследствии решился противиться передаче этой области другим царевичам.

слуг и направили, и весть об этом прибыла из Ирака, и снова замышляется помощь (вам). Сыновья благородных, беки, приближенные (государя) и прочие так взирают на вас: если вы завоюете Иракский вилайет, то ваша верность и служба (султану Хусейну) еще более возрастут. Пока же нет нигде ничего подобного такому деянию — и это позор для вас.

Тимур-бек для Мирзы — четвертое колено. В хутбе Мирзы в соборной мечети каждую пятницу возносится молитва в честь имени и славы бека. В этом отношении какая же разница в молитве с Мирзой? Вы в документах опускаете благословенное имя Мирзы. Это дело неладное, пусть вы покорите страны дальше Ирака — Мекку, даже Магриб. Если вы полагаете, что Мирза слаб, (то не забывайте, что) всевышний бог всемогущ. Но не допускайте этого (неуважения к отцу). Для потомка необходимо проявлять верность — дай-ка, мол, я отыщу случай услужить отцу, когда он ослаб.

Во имя аллаха, драгоценная голова Мирзы и ваша драгоценная голова дней за двадцать до написания сего послания каждый день с утра до полудня, с полудня до вечера свершили столько дел, что это надоело стольким диванам*, писарям, бахши и парваначи*, и они от них освободились при помощи множества хитростей. Об этом осведомлен потомок (?) Мавлана Дервиш Мухаммед.

Обладатель державы (Хусейн Байкара) без всякого умысла проник в речи его раба (Навои), желающего султанам счастья и пекущегося о них. Вы сами знаете, какого рода слова (я) сей раб без стеснения высказываю в присутствии Мирзы. Таким же обычаем совершается это и в вашем присутствии. Да будет долгой ваша жизнь! — но редко да случится так, чтобы вы отвергли слова сего раба (мои). А теперь, когда сожигается душа сего раба, да не сгорит подол кого-либо другого! Выражено некоторое количество слов, в надежде, что они будут приняты. А если не будут приняты — я, сей раб, свалил с себя слова, которые следовало высказать. Всевышний бог свидетель: это послание — не по велению Мирзы, он даже не осведомлен о нем. Пусть вам не придет на ум, что оно написано по приказу. Ибо я обязан высказывать доброжелательные

слова и в вашем присутствии. С таким свидетельством послание завершено» (125—129).¹

6. СПОДВИЖНИКИ. НОВЫЙ ГЕРАТ

После устранения Ядгара Мухаммеда, одного из опаснейших соперников, султан Хусейн Байкара усердно принялся за укрепление своего господства и за благоустройство страны, в первую очередь Герата. Выражаясь словами Бабура, эпоха Хусейна Байкары была замечательной эпохой, когда люди «одаренные и беспримерные» наполняли в особенности Герат. Каждый занимавшийся каким-нибудь делом стремился достичь в нем совершенства, добиться на избранном поприще наилучших результатов. Во время правления Хусейна, «его щедротами и милостями», красота и великолепие Герата возросли в десять, а то и в двадцать раз против прежнего.²

Хотя Бабур особо указывает на «щедроты и милости» султана, наряду с этим он отмечает, что в Герате был человек исключительно энергичный, авторитетный и прославленный — Алишер Навои. По мнению Бабура, больше не было человека, так же, как Алишер, готового заботиться о «людях одаренных и искусных», так же, как он, оказывать им помощь. Любопытно, что если в Герате кто-нибудь измышлял, изобретал что-либо выдающееся, в это новшество тотчас посвящали Навои, потому что сам он ввел в обиход много весьма хорошего и полезного. По этому поводу в то время распространялись курьезные анекдоты. Так, однажды у Навои болело ухо, которое он повязал

---

¹ Судя по событиям, о которых говорится в этом письме, оно было написано в 90-е годы XV века. Несмотря на это, мы привели его в данной главе: в задачу книги не входит располагать политические события эпохи царствования Хусейна Байкары в хронологическом порядке. Содержание же этого письма Навои соответствует духу писем той эпохи. Вместе с тем приведенное письмо — документ, прекрасно характеризующий Навои как человека.

² Слова Бабура о Герате мы ниже приводим полностью. Разумеется слова Бабура о «возрастании» «красоты и великолепия» Герата содержат гиперболу и нет основания толковать их в том смысле, что Герат и вся страна были благоустроены, не стало гнета и классовых различий.

платком. И вот гератские дамы принялись, подражая ему, точно таким же способом повязывать платок; это называлось «нози Алишери»¹

Такого рода факты, в том числе шутки и шуточные рассказы — свидетельство высокого положения Навои, его авторитета.

Во всех своих начинаниях Алишер Навои пользовался поддержкой Хусейна Байкары и сам от всей души восхвалял добрые деянья своего друга. Сосредоточение в одном месте всех серьезных политических и культурных сил, отведение представителям каждого из народов (племен, родов) соответствующего места при царском дворе, образование особых диванов и «айванов»* по делам тюркских и не тюркских — «сартовских» — племен, приближение ко двору людей высокородных и отважных — все это, по мнению Навои, свидетельствовало о мудрости и проницательности Хусейна, давало ему основание наделять эпоху правления этого государя самыми возвышенными эпитетами.

Поначалу сам Навои старался держаться в стороне от государственных дел. Ибо считал себя чуждым той среде, которая окружала Хусейна Байкару. Это происходило либо от его врожденной скромности, либо от того, что он и в самом деле не чувствовал склонности к политической карьере. Кроме того, на какое-то время в сердце Навои появляется чувство безразличия к миру, ощущение некоего духовного спада... Он мечтает удалиться от мирских дел, ступить на «стезю одиночества», то есть проводить жизнь только в молитвах и соблудении религиозных треб, «вкусая горести того, потустороннего, мира». Вот строки из его сочинения «Вакфия»: «В это благословенное время, в эту счастливую эпоху, когда сей великолепный, расточающий драгоценные камни, милость своей сени простер над головами людей... от самых высоких постов и до мельчайших из самых малых надобностей, сделались нужны и необходимы люди способные, чтобы заседать и решать все дела» (159). Далее Навои перечисляет некоторые из государственных должностей, затем называет роды и племена, представители которых, согласно традиции, а также заслугам, занимали то или иное

---

¹ То есть кокетство, изящество по способу Алишера.

положение при дворе властителя. Свою мысль он затем выражает стихами:

Маснави:

Лишь одному дано сидеть на троне —
Блестать красой величия в короне.

Один — хранитель тюркского айвана,
Другой — правитель сартского дивана.*

Один законно правит мощной дланью,
Другой — правитель только по названью.

Один — корыстной жадностью влеком,
Другой — стремится к цели мотыльком.

Один — глава лишь нескольких дружин,
Другой — несметных ратей властелин.

Один — живет в довольстве даругой,*
Дозор на рубежах несет другой.

Один взывает подати неправо.
Другой блюдет во всем закон и право.

Кто — славен, кто — не славен положеньем, —
Всем воздано по силам и стремленьям (159).

Продолжаем цитировать «Вакфию»: «Поскольку предки сего низайшего (Навои) состояли на службе у дедов и прадедов его величества, так что каждый из них был драгоценным камнем в руднике властвования и львом в лесу мужества, — они сделались осчастливлены высоким положением, удостоены крупных постов. Однако же (я) сей бедняк, из-за того, что не соизмерял мои способности ни с какою службой, по причине того не полагая мои силы достаточными) для преодоления каких-либо трудностей, затворил пред лицом своим дверь всех надежд и захлопнул на пути моем врата всех намерений. Мечта моя вот в чем. Поскольку вероломство мира и благочестие людей мира ясны, а бесчестие коварной старухи мира и невечность дарующей душе силу возлюбленной очевидны —

Есть высший дар — нести лишенный кладь
И путь уединения избрать,

Прах благости ресницами мести,
Слезами орошать свои пути,

Довольствоваться малым, не роптать
И рубище почесть за благодать.

Ни неба мне, ни солнца в мире нет,—
Дырявый кров — и небо мне и свет...

И если, от сует найдя покой,
Не пью я чашу гордости мирской,

И если, в отрешенье тих и сир,
Сберу пожитки я в загробный мир,

И смерть велит отдать мне жизнь свою,—
С готовностью я крикну: «Отдаю!» (159—162).

Однако Хусейн Байкара посоветовал Навои не вступать на этот путь. Расточая поэту самые горячие восхваления, он призывает его приложить силы на поприще служения государству, при этом указывает, что настало благоприятное время и для творчества. Мысль султана, от его имени, Навои передает стихами, предваряя их следующими словами (из «Вакфии»): «...Внезапно же от цветника владычества долетел ветерок благосклонности, из обиталища наместничества приспел письмоносец наставления на путь истины, вручил мне державную грамоту, содержание коей было следующее:

Ты — блещущий над миром небосвод!
Нет, солнце ты его благих высот.

Творений, коим ты даруешь свет,
Меркурий не создаст и за сто лет.

Богатство перлов, созданных тобой,
Все людям ты раздал — бери любой!

В садах, где буйно мысль твоя цветет,
Сбирал обильно розы весь народ.

Но вот скажи: какой корыстный прок
В саду стихов себе обрести ты смог?

Стихи твои, чей сладок людям звук,
Тебе дарили только участь мук.

Себе — кровь сердца, людям — хмель услад,
И — не добро в ответ, а боль утрат!

Ты людям щедро перлы раздавал,
А от людей не видел и похвал!

Теперь пришла пора благих времен,
И небом добрый знак тебе явлен.

Отныне над вселенной — наша власть,
И твердь небес на милость нам сдалась.

Литаврам неба — солнцу и луне
Дано восславить нас по всей стране.

И нашим солнцем в мире свет зажжен,
И всюду правды властвует закон...

Дал кравчий чашу счастья и услад, —
Забудь страданья, их отравный яд.

Приспел указ: тебе для блага дел
Сановный пост даруется в удел.

Доколе море милости бурлит,
Да будешь ты волной к высотам взмыт,

Да вступишь в высь, где властвует луна,
В скрижали солнца впишешь письмена.

И солнце даст своею красотой
Твоим страницам отблеск золотой.

Заблещут в бейтах солнца самоцвет,
Сиянье звезд и золото планет.

За каждый стих, дарящий сто отрад,
Возвыщен нами будешь ты стократ.

В уединенье времени не трать:
Довольно розу стоном иссушать!

А понял мою волю — вмиг явись,
И быстрый миг еще быстрее приблизь!

Вдувай к услугам пыл души скорей,
Служенья пояс повяжи скорей...

Я поданным своим быть другом рад,
Помочь и сам я их услугам рад.

Хотя и немыслимое, невозможное дело, чтобы реке была польза от силы всего лишь одной капли, а целью белоручки — крупица высокого положения, все же я не предал забвенью обычай самоотверженно служить на той службе, которая по силам сему больному (мне) на том любезном приеме, для которого бог дарует выдержку сему надломленному (мне), и я не счел возможным жить беззаботно, избрать легкий путь» (162—164).

Год 1470-й. Алишер Навои назначается на пост хранителя печати при дворе Хусейна Байкары. Историк Мирхонд пишет в своем труде «Сады наслаждения»: «В начале восхода зари властвования и миродержавия его величество (Хусейн) поручил эмиру Алишеру хранить большую печать; сей эмир некоторое время состоял в должности хранителя печати, и уровень службы поднял выше небес... Дело поднялось на столь высокую ступень, что его воле было поручено править дела по разрешению важных вопросов всех тюрок и таджиков, по удовлетворению важных потребностей всех ближних и дальних» (89).

Сам Навои, излагая в сочинении «Вакфия», в чем именно состояла его служба при дворе Хусейна Байкары, очень часто формулирует, какими правилами он в своей деятельности руководствовался: ... Я, немощный бедняк, с разрешением запутанных вопросов ума и указанием пути благочестия, на службе у его величества считал для себя обязательным нескольких родов деяния, от коих происходит польза в (сем) мире и истекает спасение в мире потустороннем; и (я) устанавливал для себя нескольких родов дела, кои стали бы поводом для молитвы людской и причиной для одоб-

рения божеского. И по милости бога все эти дела оказались удавшимися.

Первое. Изъяв, даже выбросив из страны сердца помысли о ком бы то ни было, кроме его величества, я дождем чистосердечия из облака преданности и верности омывал сию страну от праха чего-либо иного и в этом тронном чертоге утверждал помысел о государе на престоле властвования...

Рубаи:

Кто у любви к избраннику во власти,
Тот связан с милым другом нитью страсти.
Помыслить об измене? Прочь напасти,—
Не то душа расколется на части!

И еще следующее... Вокруг священного розария его страны, под защитой луга — цветника его владений, относительно того, чего не следовало видеть, глаза мои делались слепыми подобно глазам нарцисса; его не следовало слышать — уши мои делались глухими подобно ушам фиалки; чего не следовало трогать — руки мои делались парализными подобно рукам чинара; куда не следовало ступать — ноги мои делались хромыми подобно ногам кипариса; чего не следовало говорить, в особенности, когда подобному бутону сердцу моему поверяли сокровенную тайну, которая сходна с пыльцою цветка, — чтобы избежать разглашения, делался язык мой немым подобно языку ириса.

Рубаи:

Кто службой шаху добывает хлеб,
Он может быть и хром, и глух, и слеп.
Но тайну скрыть и быть немым, что склеп,—
Труднейшая из всех земных судеб.

И еще следующее. При исполнении службы его величеству ничто не выглядело как приносящее добро и выгоду (мне) самому, но особенно по божьему установлению, еще — ради его (султана Хусейна) благословенного помышления, еще — ради блага мусульман:

Рубаи:

Доколе жадная корысть истреблена не будет,
Доколе власть дурных страстей погребена не будет,

Доколе злота темных сил изведена не будет,
Дотоле радостью людей цвести страна не будет!

Еще следующее... Вследствие высокого почтения (ко мне) и крайней предусмотрительности он (падишах) дал такое повеленье. Если, упаси бог, от смятения людей, в небе благородного времени тучи гнета скроют лик солнца справедливости, тогда чтобы (я) сей раб поспешил с острым заявлением, покуда холодный ветер восклицаний раскаянья не прогонит из мира эти облака... Слава аллаху, подобного рода явления, такого вида дела (обычно) не происходили; но если происходили — я не преступил этого повеленья (падишаха) и, не боясь привлечь внимание к себе, выносил подобные дела на рассмотрение.

Рубай:

Благое ли, дурное молвлю слово,
Ясна ли моя речь иль бестолкова,
А шах призвал — и я во власти зова.
Непонятым остаться — ох, не ново!

Еще вот что. Страны никогда не бывают избавлены от таких явлений, как озабоченность своею судьбой угнетенности — от урагана гнета, претерпение вреда хирману спокойствия — от пламени насилия. У каждого угнетателя, словно у мучителя-барса в горах притеснения, из каждого пятнышка устремлен глаз, чтобы высмотреть, где пребывает газель угнетенного спокойствия; из каждой лапы — столько наготове когтей гнета, чтобы схватить побольше добычи; из каждого зуба выступает отравленное лезвие, чтобы можно было отнять у нее жизнь, так, чтобы конечностями и внутренностями этой газели наполнить сосуд повелевающий души и умерить хищный аппетит. И сие вступление — аллегория о положении угнетателя и угнетенного, повествование об отношениях между притеснителем и домогающимся правосудия.

Доколе хватало моей власти, я вырывал острие гнета и отмщения и повергал на милость ранам угнетенного. А где моей власти недоставало, заявлял его величеству...

Рубаи:

Я шахской справедливости чертог
И укреплял и строил, сколько мог:
Уж раз создатель свет свечи возжег,
Лететь на пламя должен мотылек!

Еще было вот что... Немного отыщется людей, которые бы не имели дело с сим немощным (со мной). За эти дела я вознаграждения в виде mzды не требовал; хотя мздоимцев и вознаграждают — я сего не принимал.

Рубаи:

Хоть за людей я пострадал немало,
Не их вина, что mzды мне не бывало.
Давали, только брать-то не пристало:
С казной они не связаны нимало! (165—168).

Государственная деятельность Навои, в ходе которой он придерживался вышеизложенных твердых принципов, благодаря своему положению и авторитету взysкивая с угнетателей в пользу угнетенных, снискала со стороны передовых людей своего времени самые горячие восхваления и получила наивысшую оценку. Принимая во внимание, что в имени Навои — Алишер — дважды употреблено слово «лев»¹, Абдурахман Джамии, давая оценку Навои в качестве государственного деятеля, использовал игру слов и говорил, что среди придворных из окружения Хусейна Байкары — «дважды лев». Об этом сам Навои с гордостью вспоминает в поэме «Пятерница изумленных»: «В конце дастана «Юсуф и Зулейха» из книги «Хафт авран» («Семь планет»), который иначе называется «Ашик ва Магшук» («Влюбленный и Возлюбленная») и не имеет себе равного так же, как краса Юсуфа и любовь Зулейхи он (Джамии) как государь, ладом своей молитвы, провозглашает такого рода любовь к подданному (Навои):

Маснави:

Да славен шах, со слугами единый,
Когда они и он — породы львиной!

¹ Али (по-арабски) и шер (по-персидски) — лев.

И да венчает славою молва
Того, чья суть — двойные знаки льва!

Всем храбрецам смириться повелев,
Страшит он чащи мира — дважды лев!

Один — твердыни брал, всей силой грянув,
Другой — всей силой лап терзал куланов.

Раскрыл я тайну этих двух имен, —
Не каждый этим знаньем умудрен.

И, если б я в суть тайны не проник,
Таил бы ту жемчужину тайник.

Стихом и волосок дано рассечь —
Из волоконцев тонко выплесть речь.

Да, сеть кудрей для сердца — что силок,
А стих — сердечных радостей залог.

Где плен — там и любовь в силки взята,
А от стихов — огнем цветут уста.

О плене вспомнишь — и дыханья нет,
И навсегда затмится яркий свет.

Туда, где человечности чертог,
Заветная дорога — мерный слог.

Пока нам жизнь даруют времена,
Лишь у негодных счастьем жизнь полна.

И пусть душа к добру себя влечет,
Себе мирских не требуя щедрот.

Молитвою Джами кончает речь,
Чтоб упование в сердце уберечь». (49—50).

Из сочинения Хондемира «Добрые нравы»: «После того как бразды правления перешли во властные руки султана Сахибкырана, вследствие того, что предки сего, являющегося источником лучей, указующих путь истины и наставляющих на стезю подвижнического благочестия (Навои), и близкие этого справедливого государя

были заодно, его светлость был приглашен пред источающий беспредельную благосклонность взор его (султана). И хотя стоящий на пути истины Амир (Навои), будучи склонным обратиться на поприще благородных размышлений, раздумья и жизни тленной, всячески стремился уклониться от подобных стремлений, султан Сахибкыран употребил настоятельные понуждения... Наконец солнце небосвода величия (Навои), руководствуясь выражением: «Справедливость на час полезнее молитв на протяжении шестидесяти лет»... украсил опору правления своими благословенными шагами...» (42—43). «Однажды в благословенный разум султана Сахибкырана пришла мысль заняться благоустройством Хорезмского вилайета и он дал неукоснительное повеление о том, чтобы переселить в Хорезм три тысячи жителей Хорасана с тем, чтобы, придя туда и обосновавшись, они занялись строительством и земледельческим трудом. Алишер (Навои)... сжалившись над долею народа, заявил шаху: хотя от сего произойдет устройство полезной исламу страны его высокого величества и положение значительной массы населения улучшится — все же из-за разлучения с привычною родиной мусульманам будут причинены большие тяготы. (Да и) неизвестно, последует ли устройство вилайета с приходом и водворением этой общины (переселенцев). Надежда на милость государя такова, что лучше бы отказаться от сего дела...

В первый раз Сахибкыран не внял этим словам слухом согласия. И хотя сострадательный Амир девять раз подтвердил (свое мнение) об этом, результата не было никакого. Однако же, отважившись еще раз, он заявил: «На основе вашего указа, вами самим данного мне, буде какое дело выйдет несообразным, я обладаю правом сказать (о нем) до десяти раз. По вопросу о переселении людей в Хорезм я обращался девять раз, и результата это не дало... Однако же о том, чтобы это отменить, я утрудил вашу главу и в десятый раз, но мое пожелание не смогло получить подобающий ответ. Теперь же я питаю надежду, что с повторением моей просьбы еще раз она будет принята».

Справедливый государь в ответ сказал: «Мне ведомо, что в этом деле вы решительно отстаиваете пользу державы. Однако еще до того, как стал заниматься

рассвет нашего владычества, мы вознамерились ревностно приняться за благоустройство сией страны¹, и потому от этого дела не отступимся. Теперь, если вы сочтете приемлемым, я повелел четыре шестых (две трети) от трех тысяч хозяйств оставить, а две шестых (одну треть) отправить» (51).

Одна из причин того, что Навои при дворе Хусейна Байкары имел такое влияние и право (в частности, редкостное право десятикратно заявлять протест самому султану), заключается в следующем: вокруг царского двора образовалась группа одаренных интеллигентных людей, которую можно обозначить как «партию Навои». Наиболее яркой фигурой этой группы, без сомнения, был учитель Навои, друг, заменивший ему отца, великий персидско-таджикский поэт и мыслитель Абдурахман Джами. Сам Хусейн Байкара, с гордостью отмечая, что во время его правления в Герате собралось множество поэтов, людей умственного труда, выделяет из всех Джами и Навои, говорит о них особо, выражает свою радость по поводу того, что является современником этих двух великих людей и возносит благодарение богу, их сотворившему. В его «Рисаля» читаем: «... Бог единосущий и всевышний во время правления сего немощного раба (Хусейна) нескольких людей одарил проявлением блеска, и в собрании сего ничтожного без них дешево стоили все наличные развлечения. Так что от их присутствия сия эпоха превосходит все времена и эта пора— совершеннее всех эпох. И эти дела дают основу для изъявления множества похвал (богу), от них немеет красноречивый язык и делается немощным, ломается язык пера. Величие же и совершенство из всех, чистота жемчуга в реке совершенств, сияющее солнце на небосводе святости — это обладатель устава сокровищ поэзии, его святейшество шейх-уль-ислам... Мавлана Абдурахман Джами... Поднявшийся из слоя рабов до высокого положения кукельташа, с пути услужения возвысившийся до ядра собеседников (государя); подобный священному голубю, доверенный слуга в уединении дворцовой

---

¹ До того, как завладеть Гератом, Хусейн Байкара был некоторое время правителем Хорезма.

завесы и особый, тайный, ночной собеседник, подобный винной чаше, богатырь в изъяснении истинных речей, то есть Мир Алишер... который прославлен под тахаллусом Навои... Появление подобных удивительных творений и редкостных поэтов в сей державе, их присутствие в этом государстве... есть также причина многих благодарений (богу)» (10—13).

Из «Собрания избранных»: «Саид Хасан Ардашер... Среди тюрок и сартов (я) презренный не вижу человека более совершенного, чем он... Султаны изъявляли желание воспитываться у него, но он держался от них подале, а султан Сахибкыран (Хусейн Байкара) вежливостью и чрезмерной милостью привлек его к делам государства и оказал (ему) высокое попечение» (68).

Из книги «Добрые нравы»: «В эпоху, когда впервые засияла заря владычества султана Сахибкырана, царственному Амиру (Навои) в правительственном диване был предложен пост хранителя печати. Поскольку у его светлости не было склонности к этой должности, он обратился к государю: «Сейчас я считаюсь одним из числа помощников и ближайших наперсников государя, не исполняю официальных обязанностей и (однако) занимаю положение выше этих эмиров. Если же я приму правительственную должность, то, возможно, барласы, благодаря тому что исполняют должность сановников «тюря», окажутся выше меня; таким образом это нынешнее мое положение будет понижено. Я надеюсь, если меня избавят от обязанности прикладывать печать, я таким образом эту же службу и повинность буду спокойно исполнять (по доброй воле)». Дружелюбный Сахибкыран дал ответ: «Невозможно, чтобы ваш высокоодаренный стан был лишен красоты облаченья сановника. То, что вы говорите, будто, приняв эту должность, вы займете положение ниже барласских эмиров, — тоже неверно. Ибо я повелел, чтобы никто не стоял выше вас, исключая султана Бадиуззамана. Что же касается Амира Музаффара Барласа, который домогается дружбы и близости с вами, то если хотите, вы сможете разрешать ему прикладывать печать прежде вас, если не хотите — тоже воля ваша». Короче, его высокое степенство (Навои) принял предложение государя и однажды, вместе с Амиром Саидом Хасаном Ардашером, облачившись в джубба и кулахи-

наврузи¹, занялись прикладыванием печати. Все полагали, что распорядительный Амир (Навои) будет ставить свою печать выше всех прочих. Однако в тот же день, согласно установлению, в добрый час его степенству принесли царский указ для скрепления печатью. И его степенство переправил указ. Амиру Саиду Хасану: пусть, мол, он первым поставит печать. Но Саид Хасан, проявив почтение, возвратил указ. Тогда его степенство, в силу скромности приложил печать на такое место, что приложить ниже никто не смог бы» (54).

Из «Собрания избранных»: «Пахлаван Мухаммед... обладатель многих достоинств, особенно искусен в борьбе, так что неизвестно был ли когда-нибудь в этом искусстве столь же одаренный и способный человек. Причем в сравнении с прочими его способностями это — самое незначительное. В музыке и музыкальной теории он не имеет в наше время себе подобных. Его совершенства очевиднее солнца, и нет нужды их восхвалять... Следующий матла принадлежит Пахлавану; когда он его прочел, государь дал в награду тысячу золотых:

«Мне мир любви к тебе, — сказал я, — приносит только муки
бед», —

«Он отвечал мне, усмехаясь: «Когда есть мир, беды уж нет!»

Ныне предводитель нижайших (дервишей) и познавших путь истины (суфиев) — Пахлаван» (118—119). «Ахмед Хаджи-бек... уже около тридцати лет он самостоятельно исполняет должность правителя и является ревностным наместником государя, при этом никто не может сказать о нем что-либо неприятное, чтобы он явился причиной недовольства...» (156). «Амир Шейхим Сухейли... один из видных людей Хорасанского царства... Ныне уже более двадцати лет он состоит на службе у султана Сахибкырана, занимая важные посты и высокие должности... (71). «Амир Махмуд Барлас — не взирая на свое высокое положение и весьма большой авторитет, человек, подобный дервищу, мирской, беспечный. Он сочинил в стихах «Дахнаме» («Десятерицу»). По натуре он великодушен, обладает высоким дарованием. Он был правителем в

¹ Длинный расшитый халат и «новогодний колпак» — облачение высших сановников при дворе.

Кермане и с тех пор состоит на службе государя, прикладывая печать в диване» (158). «Ходжа Афзал — из высшего сословия Керманского царства. Одаренный и благонравный, сдержанный и уравновешанный. Люди, причастные в наше время к сочинительству, все единодушны во мнении, что он среди современников не имеет себе равных в делопроизводстве, счетоводстве, вычислении, умножении и делении. Около пятнадцати лет¹ при правлении его величества султана Сахибкырана в его ведении находился диван везиров» (162—163). «Ходжа Абдуллах Садр — сын Ходжи Мухаммеда Марвариды, который долгое время был хранителем печати в диване везиров. А затем он (Мухаммед по своему волеизъявлению устранился и возжелал жизни тихой и уединенной. Не многим из этого сословия станет доступным то же, что ему. Сам он (Абдуллах) занялся науками в своем раннем возрасте. Сделался неподражаемым в знании ритма и музыки, а также в искусстве каллиграфии. Неизвестно, играл ли еще кто-нибудь на кануне* так же, как он. На службе у государя он возвысился до степени садра... Мавлана Фасихиддин — из числа внуков Мавлана Низамиддина из Герата; их так и называют: Низами; в Хорасане нет людей более знатных, чем они. В возрасте около двадцати лет он в совершенстве овладел науками. И теперь, уже почти тридцать лет, занимается преподаванием. Нет такой науки, которую бы он не преподавал. И по каждой преподаваемой им науке у него много полезных сочинений и комментариев, которые используются учеными. У него также достаточно ума и щедрости (духа) для столь многочисленных и разнообразных занятий... Он одарен многими добрыми свойствами и достохвальными качествами. И хотя он является столь совершенным, он снисходил до беседы (со мной) сим ничтожным, удостаивал (меня) своей благородной беседы как в пути, так и пребывая в покое» (144—146).

Год 1472-й. Мирхонд и Хондемир повествуют («Сады наслаждения», том VII): «Его величество (Хусейн Байкара) поручил Амиру Алишеру хранение большой

¹ Во всех случаях, когда мы приводим данные из «Собрания избранных», следует помнить, что этот труд был написан в 1491 (896) году, то есть 21—22 года спустя после того, как Хусейн Байкара окончательно утвердился на престоле.

печати, а сей Амир некоторое время пребывал в должности хранителя печати. (Радость) чиновников достигла небес. А спустя некоторое время он подал прошение, желая освободиться от этого поста, и чтобы хранителем печати стал Амир Ахмед Сухейли. Победоносный хакан (Хусейн Байкара) принял это прошение и в месяце шабан 876 хиджры¹ выразил желание, чтобы досточтимый Амир (Навои) был возведен в ранг эмира. Амир Алишер поначалу уклонился от приятия сего указа, но потом, оказав почтение сердцу хозяина, стал обладателем этого ранга... В то время как Амир Алишер в ранге эмира заседал в диване, Амир Саид Хасан Ардашер также был возведен в этот ранг. В тот же год Ходжа Низамульмульк также вступил в должность везира в диване. В конце того же года Ходжа Мадждиддин Мухаммед был назначен на должность парваначи, стал прикладывать печать к государственным документам и когда падишах восседает в диване, писать все его указы... Этот Ходжа Мадждиддин во время правления султана Абусаида был сотоварищем Мавлана Низамиддина Абдулхака в судебной канцелярии государя. Когда началось правление победоносного хакана (Хусейна Байкары), он (Мадждиддин) служил в качестве везира при Мирза Кичике (Малом, т. е. сыне Хусейна Байкары), причем проявил выдающиеся способности, так что государь вытребовал его у наследника и назначил на упомянутую должность². В результате и благодаря тому, что Амир Алишер сделался эмиром, а Ходжа Мадждиддин Мухаммед — наместником падишаха, правление падишаха получило развитие, дела управления государством приобрели цветущий вид» (89—91).

Каким же человеком был сам Хусейн Байкара, первый из сподвижников Навои? В «Бабур-наме» об этом читаем: «Султан Хусейн-мирза был природный государь, по праву со стороны обоих (родителей)... Его наружность и внешние качества: он был коренастый, сложенный как лев, с раскосыми глазами. Тонкий ниже пояса. Он прожил долгую жизнь, стал седоборо-

¹ В 1471—1472 году европейского летосчисления.

² Позже Ходжа Мадждиддин выступал против Навои и сторонников последнего.

дым, но несмотря на это одевался в шелка приятного красного и зеленого цвета. Носил черную мерлушковую шапку или колпак. Иногда в дни праздника хант* он ходил на молитву в небольшом совершенно плоском тюбране, кое-как намотанном в три оборота, с воткнутым в него пером цапли...

Его свойства и повадки: впервые заняв престол, он задумал было в хутбе поминать двенадцать имамов. Алишер-бек и еще кое-кто удерживали его. Впоследствии все его поступки были сообразны установлениям сунны и общины. Вследствие болезни суставов он (Хусейн) не мог совершать молитвы, поста он также не соблюдал. Это был человек сладкоречивый, веселого нрава, который проявлялся как немного вспыльчивый, но отходчивый; его речи были подобны его нраву. В некоторых делах он весьма тщательно соблюдал установления шариата. Как-то раз один из его сыновей убил человека, за что был им выдан кровникам — родственникам пострадавшего, и предан суду.

В первые шесть-семь лет после занятия престола он воздерживался от питья. Впоследствии предался винопитию. Около сорока лет он был государем в Хорасане, и не было дня, чтобы он не пил после полуденной молитвы. Однако же утром он никогда этого не делал. Его сыновья, все воины и горожане, были такими же — неумеренно предавались увеселениям и распутству.

Он был храбрый и мужественный человек... У него был дар стихосложения, он даже составил диван. Он писал стихи по-тюркски, тахаллус его был Хусейни. Некоторые его стихи недурны, однако диван Мирзы весь выдержан в одном размере. По летам и могуществу это был великий государь, однако он, подобно мальчику, содержал боевых баранов и голубей, гонял голубей и даже стравливал петухов» (221—223).

Продолжаем цитирование из «Бабур-наме»: «Время султана Хусейн-мирзы — удивительное время. Город Герат был при нем особенно полон учеными и бесподобными людьми. Каждый, занятый каким-либо делом, обладал целью и желанием довести это дело до совершенства. Одним из них был Мавлана Абдурахман Джами. В то время не было человека, столь же, как он, сведущего в науках явных и сокровенных. Стихи его

известны. Достоинства Муллы (Джами) выше того, чтобы нужно было их восхвалять... Еще был шейх-уль-ислам Сайфиддин Ахмед... Человек весьма образованный. Он хорошо знал арабскую словесность и науки, основанные на преданиях (о пророке Мухаммеде). Еще был Мавлана Шейх Хусейн... Он хорошо знал философские и рациональные науки, а также богословие. Его отличительная особенность — с тонкостью вести беседу, в немногих словах выражая много мыслей. Еще был Муллазаде¹ — сын Муллы Османа... Его называли «Муллай мадарзад»², потому что во времена Улугбек-мирзы, четырнадцати лет от роду, он преподавал науки. Когда он, уйдя из Самарканда, совершил поломничество к Каабе и прибыл в Герат, султан Хусейн-мирза удержал его запретом.³ Он был исключительно образованный человек, подобного ему в образованности не было в те времена. Говорят, что он достиг степени иджтихада*, однако в этом качестве он не выступал. Передают из уст в уста, будто он сказал: «Если человек что-либо услышал, как он после может (об этом) забыть?» У него была сильная память... Еще был Мир Муртаз, он хорошо знал философию и прикладные науки... Был большой любитель шахматной игры — до такой степени, что если встречал двух других любителей, то с одним играл в шахматы, а другого держал за полу, чтобы не уходил...» (239—240). «Еще был Мир Аттауллах Мешхеда. Он хорошо знал арабскую словесность... И в области стихосложения он написал трактат под названием «Бадоиус-санаи» («Изыщества искусств»), хорошо написал...» (241).⁴

«Хотя каллиграфов (при дворе султана Хусейна) было множество, в писании насталиком* из всех превзошел Султан Али Мешхеда. Он переписывал толстые фолианты для Мирзы (султана Хусейна) и для Алишер-бека. Ежедневно писал по тридцать бейтов для Мирзы и по двадцать — для Алишер-бека.

Из числа художников был Бехзад, он очень тонко

¹ То есть сын муллы.

² Букв. арабско-персид. «Мулла — сын матери».

³ То есть оставил в Герате, запретив возвращаться в Самарканд.

⁴ После этого Бабур перечисляет наиболее крупных поэтов, живших в Герате в эпоху Хусейна Байкары. Эти сведения мы здесь опускаем и приводим в главе «Новая литературная среда».

выполнял работу живописца... Еще был Шах Музаффар, он с изяществом делал изображения...

Из музыкантов никто так не играл на кануне, как Ходжа Абдаллах Марвари... Еще был Кул Мухаммед Уди, он также хорошо играл на гиджаке, натянув на гиджак три струны. Из музыкантов и исполнителей никто не сочинил столь же много хороших мелодий... Еще был Шейхи Наи, он тоже хорошо играл на уде и гиджаке. С двенадцати-тринадцати лет он прекрасно играл на них...

Еще был Шахкули Гиджаки. Родом он из Ирака. Прибыв в Хорасан, он стал упражняться в игре на инструментах и достиг успехов. Он сочинил много накшей, пешравов и (других музыкальных) произведений. Еще был Хусейн Уди. Он играл на уде, проделывая разные ухищрения — (например), оставив на уде одну струну, играл на ней... Из числа сочинителей музыки был Гулам Шади... У него есть хорошие савты и превосходные накши*. В то время не было человека, который сочинил бы столько же накшей и савтов...Еще был Мир Азу, он не играл, а был сочинителем, хотя он сочинил немного произведений, среди них есть интересные вещи. Сочинителем (музыки) был и Биннаи, у него есть хорошие савты и накши.

Еще одним из бесподобных людей того времени был Пахлаван Мухаммед Гусаид. Он был выдающимся борцом, а также слагал стихи, сочинял савты и накши. У него есть хороший накш в ладу чаргах*. Это был человек, приятный в беседе. Весьма удивительно сочетание таких качеств с ремеслом борца» (244—245).

В том, что в Герате собралось такое множество талантливых людей, громадная роль, без сомнения, принадлежит Алишеру Навои. Помимо того, что фигура Навои была сама по себе лучшим украшением Герата, являясь как бы магнитом, стягивающим в столицу культурные силы, он здесь способствовал расцвету дарования сотен способных людей. Снова обратимся к «Бабур-наме»: «Когда Мир Алишер Навои прибыл в Самарканд из Герата, он состоял при Ахмеде Хаджибеке. После того как султан Хусейн-мирза стал государем, он (Алишер) приехал в Герат и встретил весьма высокое почтение» (77). «Алишер-бек был человек бесподобный. С тех пор как на тюркском языке слагают

стихи, никто не слагал их так же много и хорошо, как он. Он сложил шесть книг маснави: пять — в ответ на «Хамсу» («Пятерицу») (Низами) и еще одну — в ответ на Мантыкут-тайр» («Речи птиц» Аттара), под названием «Лисанут тайр» («Язык птиц»). Составил он также четыре дивана газелей: «Гараибус-сыгар» («Чудеса детства»), «Наводируш-шабоб» («Редкости юности»), «Бадоеул-васат» («Диковины среднего возраста») и «Фабаидул-кибар» («Полезные советы старости»). Есть у него также хорошие рубаи. И еще есть некоторые произведения, ниже и слабее по сравнению с упомянутыми. В их числе письма, которые он собрал, следуя примеру Мавлана Абдурахмана Джами. Получился сборник писем, которые он писал кому-либо по какому-либо поводу. Еще он написал книгу о стихосложении «Мезанул-авзан» («Весы стихотворных размеров»), заслуживающую многих замечаний: (определяя) размер двадцати четырех рубаи, он допустил ошибку в четырех размерах. В некоторых других метрах он также ошибся, — да будет это известно каждому, кто занимается поэзией. Он также составил персидский диван. Когда писал по-персидски, он употреблял тахаллус. Некоторые стихи (персидского дивана) неплохи, но в большинстве они слабы, стоят низко. В музыке он также сочинял хорошие вещи, у него есть хорошие накши и пешравы.

Неизвестно, появлялся ли еще когда-нибудь такой же пособник и покровитель людей науки и искусства, как Алишер-бек. Устад* Кулмухаммед, Шейхи Наи, а также Хусейн Уди, великие искусники в игре на инструментах, добились такого успеха и славы благодаря опеке и поддержке Бека (Алишера), Устад Бехзад и Шах Музаффар также сделали столь прославленными и известными в искусстве рисования благодаря заботам и стараниям Бека (Алишера)» (233).

Еще одно произведение может оказать большую помощь, чтобы в полном объеме представить жизнь и труды Навои в эпоху правления Хусейна Байкары. Это — составленное самим Навои собрание писем к нему от современников. Собрание это, зафиксировавшее автографы очень многих современников Навои, сохранилось до наших дней. Сам поэт наименовал его «Собрание писем» («Мажмуаи маросалат»).

В письме, которое под номером 86¹ входит в «Собрание писем», Абдурахман Джами поздравляет Алишера с назначением на высокий пост и просит его не отвергать это назначение, чтобы, находясь вблизи от государя, оказывать помощь народу. А в письме под номером 75 Джами порицает обложение жителей Герата и окрестностей высоким налогом и просит Навои содействовать снижению этого налога. В письме № 175 Джами ходатайствует о том, чтобы избавить народ от притеснений некоего маклера по имени Канбар Али. Еще в одном письме Джами сообщает о своем отъезде в Ташкент к Ходже Ахрару и прощается с Навои. В письме к Навои от этого религиозного деятеля сообщается о том, что известный астроном Али Кушчи направляется в Малую Азию, и содержится просьба оказать ему помощь. В другом письме Ходжа Ахрар выражает Навои благодарность за помощь астроному и просит помочь направить туда же — в Малую Азию — семью Али Кушчи. Еще одно письмо является свидетельством того, сколь значительным и высоким был авторитет Навои при дворе властителя: Ходжа Ахрар — один из влиятельнейших духовных владык того времени — пользуется посредничеством Навои, чтобы высказать свои мысли Хусейну Байкаре; в письме Ходжи к одному гератскому жителю говорится следующее: «...Явившись к мавлана Мир Алишеру, вы доведите эти соображения до его благословенного разума и выскажите просьбу, дабы он то, что следует, не опуская ни единой мысли, с божьего одобрения, довел до его величества государя»². В письме № 186 Джами ходатайствует об освобождении некоего Бадриддина, заточенного в связи с мятежом, имевшим место в Самарканде, причем указывает, что к этому ходатайству

---

¹ Номера присвоены переписчиками, которые копировали это «Собрание» уже в наше время. В разных списках номера писем различаются.

² Письма Ходжи Ахрара, содержащиеся в вышеуказанном «Собрании писем» Навои, свидетельствуют о том, что традиционная сугубо отрицательная характеристика деятельности Ходжи Ахрара, утвердившаяся в исторической литературе, нуждается в некотором уточнении. Забота Ходжи Ахрара о таком крупном ученом и сотруднике Улугбека по науке как Али Кушчи, а также глубоко уважительное отношение Навои к Ходже Ахрару — факты, достойные изучения.

присоединяются влиятельные люди того времени. В письме № 184 Джами говорит о том, что если Ходжа Абдурахман останется на службе вместо своего отца, то, возможно, по отношению к окрестным дехканам водворится справедливость и появятся возможности для народа заниматься мирным трудом. В письме № 187 Джами сообщает, что начальник городских стражников Пахлаван Шамс испытывает отвращение к своей должности и просит его освободить от нее, «дабы сей человек снискал себе пропитание каким-либо дозволенным занятием».

Из «Собрания» явствует, что Джами отправлял Навои выдержки из своих новых сочинений, причем высказывал в них соображения о том, какими качествами должен обладать человек, управляющий государством.

В стихотворении, которое начинается следующим бейтом:

Ну что ж, что хороши узоры в покоях шаха на ковре,
Не то же ль на лохмотьях наших: на них узор — дыра к дыре! —

Джами призывает Навои: «Не гордись покоем судьбы, обретенным в сие время. Следом за этою судьбой возможна пощечина несчастья».

В известных нам сочинениях Навои не встречается указаний на то, что он в период своей политической карьеры был участником сношений Хорасана с другими странами, ближними и дальними соседними государствами. Однако здесь весьма полезно отметить факт, выясненный русскими историками. В 1490 году из Хорасана, от султана Хусейна Байкары, в Москву прибыл посол с предложением заключить договор «о дружбе и любви»¹. Высокая оценка, данная русским воинам, их отваге, содержащаяся в поэме «Стена Искандера» (написанной лет за пять до прибытия русского посла, дает основания предполагать, что поэт участвовал в отправке этого посольства:

А на левом крыле были русы — их рать
Коням неба суровою силой под стать.

---

¹ См.: «Всемирная история» в десяти томах, том 3-й. М., 1957, с.794.

И в кольчуги и в латы одеты они,
Их тяжелые пики — дубинам сродни.

Каждый конь их попоной покрыт броневой,
И любая попона — что щит броневой.

И на всех островерхие шлемы горят,
И в пучках желтых перьев все шлемы подряд,

С виду хмуры, что совы полночной поры,
Злы с врагами они, а с друзьями добры.

Сотни тысяч их было — в несметном числе
Их ряды стали строем на левом крыле (79).

Проф. А. Хайитметов в цитированной нами выше рецензии на первое издание «Книги признаний Навои» на узбекском языке приводит следующий замечательный факт о сношениях с другими странами в период, когда Навои служил при дворе Хусейна Байкары: «...В поэме «Ветерки любви» мы под заглавием «Раздача даров Рума, или растаскивание почетного ковра-дорожки», можем прочесть следующее кыта:

Среди даров из Рума — френгской* дани
Была кайсаром* прислана парча.
И — диво: налетели мусульмане
На этот дар, что френги, сгоряча.

Из него следует, что послы Рума, то есть, очевидно, Священной Римской (Германской) империи, доставили во дворец Хусейна драгоценные дары, и султан роздал их своим приближенным. В этом приеме Навои также участвовал и под впечатлением виденного написал приведенное кыта»¹.

Год 881 (1476-й). Алишер Навои подает в отставку, и его освобождают от должности эмира. В сочинении «Добрые нравы» говорится, что Навои после того, как сделался эмиром, «приложив целебный пластырь к ранам израненного времени, болезням полного страданий мира даровал исцеленье при помощи шербета справедливости. А несколько лет спустя, употребив высказы-

¹ Шарк Юлдузи, 1970, № 12, с.203.

вание: «Если вы правите в народе, то правьте по справедливости», — и, вспомнив смысл бейта:

Оставь чины — к чему личина?
Чин самый лучший — быть без чина!

подал в отставку с поста эмира. Султан Сахибкыран, также поставив сердечное желание его светлости выше стремления своего благословенного сердца, в данном отношении присоединился к его (Навои) мнению» (43).

Из «Пятерицы изумленных» Навои: «Когда они (Абдурахман Джамии), возвратившись из странствий в Мекку, прибыли в город (Герат), государь (Хусейн Байкара), сообразно потребностям времени, отправился в поход на Балх... В это же время¹ (я) бедняк, ощутив отвращение к придворной службе, оставил свой пост, огорчив (этим других) чиновников. Они (Джамии) тоном укора и назидания спросили:

— Слышно о некоем деле, какова его причина?

(Я) ничтожный сказал:

— Мне сделалось в тягость беседовать с людьми, пребывать с ними. Такова причина того дела.

Они сказали:

— Кого ты счел людьми? Нам тоже покажи их.

Я опасался, что они запретят мне (оставлять службу). (Но) из сего ответа я понял: их благословенному разуму это дело не показалось неподобающим. Мысли мои пришли в порядок» (18—19).

---

¹ В 1476 году.

ОСЕНЬ ВРЕМЕН, ПОРА ОПАДАНИЯ ЛИСТЬЕВ В САДУ ЖИЗНИ

И ДНИ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА, КОТОРЫЕ
МОЖНО СОПОСТАВИТЬ С ГОДАМИ ОТ ТРИДЦАТИ
ПЯТИ ДО Сорока ПЯТИ, ЭТО — ОСЕНЬ ВРЕМЕН,
ПОРА ОПАДАНИЯ ЛИСТЬЕВ В САДУ ЖИЗНИ
(Навои. Сокровищница мыслей. Вступление).

Свой средний возраст, уподобляемый им осени — тому из четырех времен года, когда опадают листья, то есть время жизни от тридцати пяти до сорока пяти лет, Алишер Навои проводит в кипучей практической и творческой деятельности и завершает его созданием грандиозной эпопеи — «Пятерицы».

1. НАВОИ-СТРОИТЕЛЬ

Как нам стало известно из приведенной выше беседы Навои с Джами, причиной ухода поэта с официальной службы — с поста эмира — при дворе Хусейна Байкары было то, что ему сделались отвратительны отношения с людьми придворного круга. Однако это свидетельство Навои, видимо, не исчерпывает всех причин того, что он удалился от двора. Есть основание предполагать, что главной причиной было желание поэта осуществить свои широкие творческие замыслы, в том числе мечту всей своей жизни — создание «Пятерицы».

Однако Навои не сразу смог достичь осуществления этого замысла. Ибо он был поглощен делом «строительства полезных зданий» — полезных для общества (медресе, лечебниц, ханака и т. п.), а также проведения арыков и каналов, рытьем колодцев, насаждением садов. В своем сочинении «Вакфия» Навои пишет, что в 881 году хиджры (1476—1477 гг.), то есть в год, когда он ушел с придворной службы, султан Хусейн пожаловал ему «землю, чтобы возвести дворец и двор», причем воздвигнутый на этой земле дворец называет первым из построенных им зданий. По-видимому, свою деятельность строителя он начал именно с этого двор-

ца, поскольку нигде не указывает, какие здания были им возведены прежде того.

Как утверждает Бабур («Бабур-наме», 233), «пожалуй, не многим удалось построить столько же полезных зданий, сколько построил он (Алишер)».

Таким образом, в соответствии с законами феодальной эпохи Хусейн Байкара, видимо, пожаловал Навои — чиновнику высокого ранга, близко стоящему ко двору, — значительные надель земли и воды, так что по возвращении из Самарканда тот превратился в крупного собственника.

Однако этой собственностью (главным богатством того времени — землей и водой) Навои пользовался также в духе высочайшей гуманности. Вот что он сам сообщает по данному поводу в книге «Вакфия»: «...Для того, чтобы земля и вода, пожалованные указом его величества (Хусейна) и в связи с приглашением к нему, не остались сухими, я занялся земледелием. Поскольку в этом моем занятии соблюдались требования шариата и не были забыты веления совести, милостью бога был собран богатый урожай, получено много доходов. Из всего этого, удовлетворившись для моего собственного потребления тем, что нужно любому простому человеку для существования, то есть на одежду для жаркого и холодного времени, а также на соответствующее этому пропитание, часть из оставшегося я, ради совета и услужения государю, израсходовал на приближенных к нему слуг, на тех, кто с ними связан, а также на нужды войска; другую часть я предоставил в распоряжение достойных мужей... творящих молитвы ради прочности его (государя) державы, возносящих моления богу за продолжение его царствования. И еще часть, которая превысила все расходы на пропитание и все предложения, истратил на постройку зданий, полезных людям» (169).

Перечень зданий, которые построил Навои до 886 (1481—1482) года, приведен в сочинении «Вакфия»: дворец и сад возле палат Маргани; большое медресе Ихласия, а напротив него ханака Халасия; довольно много келий (худжра) для учащихся и преподавателей медресе; лавки; сады. По словам Навои (в той же «Вакфии»), Хусейн Байкара любил посещать дворец возле палат Маргани, присутствовать в собраниях и

увеселениях, которые поэт устраивал, поскольку «воздух сего места по своей способности радовать сердце подобен воздуху рая и ветерок животворностью своей напоминает зефир райской обители».

В «Воспоминаниях» Давлат-шаха читаем: «Сей великий Амир (Навои) — покровитель всей державы, оплот народа. Великий государь (Хусейн Байкара) пользуется его благостными советами, носители чинов и мужи степеней были рады и удовлетворены благородными беседами с ним... Они испрашивают его исходящих с пути истины мнений о том, как, если кто чем владеет, израсходовать излишки дохода на добрые и безгрешные дела. Самую пречистую долю своего мирского достояния он израсходовал на то, чтобы в стране воздвигнуть медресе, мечети, рабаты* и тому подобные полезные заведения, а также лечебницы. Доходы от его вакфов превышали 500 туманов¹. Несколько вновь построенных им зданий находятся в Герате. Таковы — соборная мечеть на берегу арыка Инджиль, ханака, лечебница (за пределами Герата): Рабати-Ишк, Рабати-Санг, здание над гробницей Шейха Фаридиддина Аттара; Рабати-Яздбад находится в одном из селений в окрестностях Нишапура; источник Гуласт, один из знаменитых источников Хорасана, — в верхней части вилайета Тус; вода этого источника подведена к Мешхеду, причем этого не мог сделать ни один государь, длина же арыка около десяти ташей*... И другие постройки и полезные дела, о которых нет возможности говорить распространенно, выше всякого счета и счисления» (263).

Из сочинения Хондемира «Добрые нравы»: «Часто происходило также следующее. Когда чиновники дивана его величества Сахибкырана собирались, ради некоторых важных расходов, обложить народ тяжкими податями, то, чтобы не отягощать народ и чтобы подобное дело не нарушило порядка в государстве, он (Навои) сам уплачивал эти подати. Из числа подобных случаев — то, что известно пишущему эти строки, — в начале 906 года хиджры² султан Сахибкыран удостоил посещением Мазандеран. На имя возглавляющего

¹ Пять миллионов золотых.

² В 1500 году.

правление господина Амира Мубаризиддина Мухаммеда Вали-бека поступил указ: на покрытие необходимых расходов взysать с населения Герата и окрестностей города и доставить сто тысяч динаров-кепаки*. Сей господин (Вали-бек) из этой подати наметил пятьдесят тысяч динаров взysать с земледельцев и скотоводов окрестностей города, а остальные — с жителей Герата, считая по домохозяевам. Однако ни к одному делу он (Вали-бек) не приступал без совещания и обмена мнениями с державным Амиром (Навои). Вызвав одного из помощников его высокой светлости, он направил свое мнение сему лицу (Навои). Его высокая светлость изрек: «Я не считаю сообразным благополучию высокостепенного Сахибкырана в нынешнее время облагать народ неуместными податями», — и сразу же внес упомянутую подать из собственных денег. Народ же, вознося молитвы за его высокую светлость, выражал ему несчетные благодарения» (60).

Из Бабур-наме: «От Мирзы (Хусейна Байкары) он (Алишер) ничего не брал, но, наоборот (каждый) год приносил ему в дар большие деньги» (233).

Из «Истории Рашида» («Тарихи Рашиди») Мирзы Хайдара: «Ежедневный доход Алишер-бека составлял восемнадцать тысяч динаров «шахрухи», и все средства он расходовал на дела благотворительные» (121).

Еще из книги «Добрые нравы»¹: «Сей муж — кыбла* — подобного рода деятелей рассмотрения и уверения (Навои) старался делать все, что в его силах, ради того, чтобы повысить степень и поднять положение прославившихся во время правления Сахибкырана ученых, а также достойных уважения людей искусства. Для того чтобы учащиеся медресе спокойно и без помех усваивали науки, он назначал им пособия, строил медресе и ханаки... На берегу канала Инджиль было воздвигнуто до предела изукрашенное медресе Ихласия, и ныне, в 906 году хиджры, четверо из виднейших мудрецов гордятся тем, что обеспечены преподаванием в сем благословенном месте, а из доходов вакфа (этого медресе) получают полный пай и солидную долю. Их имена: Амир Бурханиддин Атауллах Нишапури, Казы

---

¹ Написана в 906 (1500—1501) году.

Ихтияриддин Хасан Турбати, Амир Муртаз, Мавлана Фасихиддин Мухаммед Низами.

Ханака Ихласия... построена чрезвычайно красивой и привлекательной. В сем месте также преподают трое крупных ученых: Амир Джамалиддин Аталлах Асили, Амир Садриддин Ибрахим Мешхеда, Ходжа Имамиддин Абдулазиз Абхари.

Шифания... ныне там занимается преподаванием медицинской науки Мавлана Гыясиддин Мухаммед, сын Мавлана Джалалиддина.

Медресе Низамия находится посреди Герата, в нем в упомянутое время... были заняты преподаванием Амир Бурханиддин и Мавлана Каримиддин Дашт-баязи.

Медресе Хосровия — построено в Мерве.

Да не останется скрытым в памяти мудрых мужей: достоинство и полезность вышеназванных строений столь прославлены во всем мире, что большего не вмещает разум. В особенности учащиеся, которые на протяжении двадцати лет со времени сооружения медресе Ихласия и ханаки Халасия до наших дней со всех сторон и уголков мира тысячами прибывали в эти два благославенных места, будучи в течение короткого срока приобщены к усвоению наук и знаний, возвратились к себе на родину с рукоплесканиями и восхвалениями. Многие из сих множеств ныне гордятся степенью преподавателей медресе в Герате. Имена некоторых из них записаны в конце сочинения (Хондемира) «Хуласатул-ахбар» («Извлечение из известий») (28—29).

Хондемир далее (45—46) приводит названия еще 52-х рабатов, двадцати водоемов, шестнадцати мостов и плотин, девяти бань и множества мечетей, также сооруженных Алишером Навои.

Здания, построенные Алишером Навои в Герате, занимают почетное место в ряду зданий эпохи тимуридов. Вот что рассказывает в «Бабур-наме» султан Бабур¹, по-

¹ Бабур состоял в переписке с Алишером. Завоевав в 906 (1500—1501) году во второй раз Самарканд, Бабур записал в своем сочинении «Бабур-наме»: «Когда я в этот раз вторично овладел Самаркандом, Алишер-бек был еще жив. Однажды ко мне даже пришло от него письмо. Я также адресовал ему письмо, на обороте начертал (сочиненный мною) тюркский бейт и отправил. Раньше, чем прибыл ответ, начались раздоры и смуты» (142).

сетивший Герат через пять лет после смерти Навои¹, через год после смерти Хусейна Байкары, в качестве гостя сыновей последнего: «К тому же в обитаемой человеком четверти земной поверхности нет (больше) такого города, как Герат, и во времена султана Хусейн-мирзы, вследствие его правления и стараний, Герат сделался в десять, а то и в двадцать раз красивей и великолепней. (Мне) очень хотелось его увидеть. По этим причинам мы приняли предложение остаться (в Герате)... Бадиуззаман-мирза и Музаффар-мирза направились в Герат, дня через два-три я тоже вступил в Герат через Чиль Духтаран и Таш-Рабат...

В медресе султана Хусейн-мирзы собрались все знатные госпожи: Паянда Султан-бегим, моя тетка Хадича-бегим, Афак-бегим², а также дочери султана Абу-саид-мирзы. Все госпожи находились возле могилы Мирзы (Хусейна Байкары), куда я пошел и увидел их... Сперва мне отвели помещение в Баги-Нав. Поутру я отправился в Баги-Нав и расположился там. Проведя в Баги-Нав одну ночь я не счел это место подходящим, и мне отвели дом Алишер-бека. До отъезда из Герата я жил в доме Алишер-бека. Каждые два-три дня в саду Баги-Джаханара я представлялся Бадиуззаман-мирзе. Несколько дней спустя (меня) пригласили в дом Музаффар-мирзы. Музаффар-мирза жил в саду Баги-сафид, там же находилась Хадича-бегим. Джахангир-мирза пошел со мной. После того как убрали плов (и прочее угощение), предложенное (госпожой) Хадича-бегим, Музаффар-мирза³ повел нас в здание, воздвигнутое (Абуль-касымом) Бабур-мирзой, называемое Тарабхана... Эта Тарабхана расположена посреди садика... Каждая стена этого помещения украшена картинами. Это здание построил (Абулькасым) Бабур-мирза, однако картины велел нарисовать Абусаид-мирза, на них изображены его походы и битвы» (252). «За двадцать дней, проведенных в Герате, я ежедневно верхом на коне объезжал места, (дотоле) мною не виденные... За эти двадцать дней из знаменитых мест посещения не осталось ни одного, достойного обозрения, кроме хана-

¹ То есть, в 1506 г.

² Вдовы Хусейна Байкары.

³ После смерти Хусейна Байкары его сыновья Бадиуззаман и Музаффар-мирза стали править на паритетных началах.

ки султана Хусейн-мирзы. То были: Газургах, небольшой сад Алишер-бека, бумажная мельница, Тахти-Астана, Пули-Ках, Кахдистан Баги-Назаргах, Нематабад¹, хиябан Гадургах, усыпальница султана Ахмед-мирзы, Тахти-Сафар, Тахти-Навои, Тахти-Баргар, Тахти-Хаджибек, мазары и усыпальницы Шейхи Бахауддина Умара, Шейхи Зайниддина и Мавлана Абдурахмана Джами, намазгахи* Мухтар, Хаузи-махиян*, Саки Салман, Биллури — первоначально, должно быть (называвшийся) Абдулвалид. (Еще) медресе и усыпальницы Мирзы (Хусейна Байкары) и Имам Факра, (находящиеся) в Баги-Хиябан, медресе и гробницы Гавхаршад-бегим, соборная мечеть, Баги-Заган, Баги-Нав и Баги-Зубейда, а также Ак-Сарай, построенный султаном Абусаид-мирзой за Иракскими воротами; еще Пурам и Суфай-Тирандазан, Чаргаланг, Мирвахид, Пули-Малан, Ходжа-Так, Баги-Сафид, Тараб-хана, Баги-Джаханара, Дворец (Кушк), Мукавви-хана, Савсани-хана, двенадцать башен крепостной стены, большой хауз в северной стороне сада Джаханара, четыре здания по четырем сторонам сада, а также пять ворот крепости: Малик, Иракские ворота, Фирузабад, Хуш, Кипчакские ворота; еще базары Малик и Чарсу, медресе Шейх-уль-ислама, Соборную мечеть Царей, Баги-Шахр, медресе Бадиуззаман-мирзы на берегу канала Инжилъ, дом, называемый Унсия, где жил Алишер-бек, его усыпальница и соборная мечеть, называемая Кудсия. Построенные им медресе и ханака, именуемые Халасия и Ихласия, его (т.е. построенные им) баня и лечебница, называемые Сафания и Шифания. Все это я посетил в то время...» (254—255).

2. НАВОИ У СЕБЯ ДОМА

В «Бабур-наме» говорится: «Алишер-бек... (свой путь в мире прошел одиноко и в уединении, без сына и дочери, без жены и семейства)» (233).

¹ В своем сочинении «Вакфия» Навои говорит, что кварталу отстроенных им домов дали наименование «Нематабад» (букв. арабск.-перс. «Благоград»):

Там возвели дворцы домов-громзд.

И зажили безбедно стар и млад.

Богач, бедняк — любой был блугу рад,

И месту дали имя «Благоград» (171) .

Почему Навои не женился? Это осталось тайной для его современников и не нашло объяснения и в наши дни. Однако современникам было ясно: это не являлось следствием каких-либо недостатков самого Навои. Васифи рассказывает в своем сочинении «Удивительные события»: «Алишер не был женат. Причины сего интересовали всех людей его времени. Султан Хусейн-мирза причиною того, что Алишер не женится, считал его «чистоту нрава», отсутствие у него стремления утолить чувственное вожделение, то есть его чрезвычайно высокий нравственный уровень, то, что он целиком предался наукам и поэзии. Что же касается Хадичи-бегим, любимой жены султана, то она причину сего истолковывала по-другому. Чтобы установить истину, она прислала в дом к Алишеру Навои одну из своих невольниц Давлатбахт, весьма красивую. Под всяческими предлогами она осталась на ночь у него в доме и ночью вошла к Алишеру... Наутро Давлатбахт возвратилась к Хадиче-бегим очень довольная и поведала все как было. В итоге мнение султана Хусейн-мирзы получило подтверждение, уважение же к Алишеру со стороны Хадичи-бегим возросло стократ» (172—173).

Мирза Хайдар пишет в «Истории Рашида»: «У Мир Алишера не было иных недостатков, кроме тонкости натуры и склонности слишком быстро обижаться» (121).

То, что Навои не женился, не доказывает, что ему не было свойственно чувство любви. Наоборот, Навои прямо говорит о своей пылкой влюбленности. Обосновывая причину, побудившую его написать дастан «Фархад и Ширин», он повествует о своей глубокой любви к некоей женщине, добавляя, что из-за этой любви язык его нем, бессилён поведать о свойствах возлюбленной и что при посредстве дастана он намерен рассказать ей о своем состоянии. Вот соответствующие строки из этого произведения:

Еще причина: жар любви меня
Спалил жестокой силою огня.

Язык мой нем, я сил не соберу,
Рассказ о том доверю я перу.

В моей душе печальной столько мук,
Что гнет любви затмил мне все вокруг.

Любовь к моей избраннице тяжка:
Горою сыплет камни бед тоска,

Сжигаемый огнем, я изнемог,
Кромешный дым весь мир мне заволок!

Не ангелом я насмерть поражен:
За светлым ликом прятался дракон.

Любовь меня, как молния, сожгла,
И пал я жертвой огненного зла!¹ (14—15).

Судя по высказыванию Навои, его возлюбленная беспечна и непостоянна. (Является это поэтическим преувеличением или истиной — выяснить трудно). Далее он говорит, что она пренебрегает тем, кто ей предан, зато лик ее «светочем горит» в кругу чужих:

Безумье гонит душу в степь невзгод,
И — что ни миг — весь мир бедой встает.

И недоступен мне любимый друг,
И нет покоя от огня разлук.

Смертельны горе, тяготы утрат,
Но гнет любви сильнее во сто крат.

Безжалостный, бездушный нрав ей дан:
За преданность награда — лишь обман...

Кому дана павлинья красота,
Тому злосчастный филин² — не чета!..

Мои друзья — тьма бед и мрак обид,
А лик любимой — светочем горит (15—16).

Приблизительно через пятнадцать лет после создания дастана «Фархад и Ширин» Навои еще в одном

¹ В этих строках поэт говорит о том, что лишен возможности встретиться со своею возлюбленной.

² С филином (совой) поэт сравнивает свою жестокою возлюбленную.

произведении вспоминает о своей любви. В дастане «Язык птиц»¹, изображая любовь мифического шейха Саъаана (мусульманского священослужителя) к христианской девушке, Навои говорит, что его любовь к некоей женщине пламенней, чем любовь шейха, и завершает повествование строками, в которых выражает надежду рассказать о своей любви:

Шейх, сраженный безумной, великой любовью,
Посрамлен был всесветно столь дикой любовью!

А потом, как и я, присмиренный навек,
На чужие сердца не ходил он в набег.

Говорят, у меня, бед не больше бывало,—
Да, не больше, а все же их было немало!

Эй, постой, Навои, прекращай эти речи,
О любви не суди — забредешь ты далече.

Если срок хоть и малый, а будет мне дан,
О любви моей тоже сложу я дастан.

И судящий всегда обо всем справедливо
Сам увидит, верна моя речь или лжива (102).

Навои скончался, не успев дописать этот дастан.

В своей рецензии на первое издание «Книги признаний Навои» (Шарк Юлдузи, 1970, № 12, с. 201—204) проф. А. Хайитметов высказывает следующую мысль по поводу любви Навои: «Последние разыскания показывают, что он (то есть Навои, — *И. С.*) был влюблен в некую девушку, остающуюся для нас неизвестной. Она также относилась к нему хорошо, высказывала благорасположение. К несчастью, эта девушка скоро умерла, причем смерть настигла ее вдали от Навои. Только после этого горестного события Навои понял, что его любовь к ней была безграничной и беспримерной. Огонь этой любви не погасал у него в душе до конца жизни. Поэтому он остался верен своей первой любви

---

¹ О чем см. у нас главу «Три завещания».

и не женился. Его газель, начинающаяся строками:

Было время — и я был с любимой моею,—
Хоть и мало любимый, я счастлив был с нею...—

может до известной степени служить подтверждением нашего мнения. В ее финале такой бейт:

Да и разве не благо, что роком убит я?—
Загорелось затмить мое солнце злодею!

Следующее рубаи, написанное, по-видимому, в связи с получением известия о кончине этой девушки... также весьма характерно:

Моя луна закрылась темной тучей,
Сокрыт землею черной светоч жгучий.

Настичь бы небо карой неминучей,—
Как солнце не затмит мой стон горячий.

О любви Навои имеется несколько произведений в фольклоре узбеков и туркмен. В них в качестве возлюбленной Навои изображается девушка по имени Гуль¹. Должно быть, в этих произведениях получили отражение, в видоизмененной форме, некоторые факты биографии великого поэта. Приведем содержание одного из таких произведений — «О том, как Алишер сделался сановником» («Амал-яфтани Алишер»).

Анонимный автор здесь пытается дать объяснение причины, почему Навои остался бездетным. То, что поэт представлен простым скотоводом, свидетельствует о возникновении легенды в народной среде. То же, что дружба между Хусейном Байкарой и Навои представлена как весьма крепкая, доказывает, что легенда — творение современников поэта.

Вот она, эта легенда:

«Скотовод Алишер приехал на базар продавать скот и объявил, что намерен продавать свой скот в кредит. Люди на базаре спрашивают:

---

¹ Цветок, роза.

— Если мы возьмем ваш скот, когда нам нужно уплатить долг?

— Ваш долг уплатите, — ответил Алишер, — в тот день, когда умрет падишах Хусейн.

Базарные живо разобрали в долг приведенных Алишером копей, коров и овец: дескать, Хусейн Байкара еще молод, когда платить — неизвестно...

Это достигло ушей Хусейна. Падишах разгневался и повелел немедля схватить и привести скотовода. Алишера связали и привели пред очи повелителя. Тот спросил:

— О невежда, злонамеренный, какую неприятность я тебе причинил, что ты желаешь моей смерти? Ты, говорят, продал скот людям в кредит и сказал, чтобы вернули долг, когда умрет Хусейн Байкара? Отвечай!

— О справедливый падишах, — возразил Алишер, — я не желаю вашей смерти. Напротив, я хочу, чтобы жизнь ваша была долгой.

— Как?! — удивился Хусейн. — Но ведь ты же в день моей смерти взыщешь свои долги!

— О мой падишах! — говорит Алишер. — Каждый, кто взял скотину у меня в кредит, теперь по пяти раз на день, творя намаз, будет возносить молитву: «Боже, не посылай смерти Хусейну-падишаху, чтобы мне долга не платить!» Авось, эти молитвы будут приняты и бог прибавит вам жизни. Вот с какой целью я свой скот продал в долг.

Такие слова Алишера пришлось по душе Хусейну Байкаре, и он сказал:

— Ты, оказывается, умный человек. Оставайся у меня, служи при дворе, — и включил Алишера в число своих советников.

Шел день за днем, и Алишер, благодаря своим разумным советам, сделался приближенным во дворце падишаха. Наконец Хусейн назначил его на пост везира.

Однажды Алишер верхом на коне проезжал по улицам Герата и видит — на крыше девушка развешивает белье. Очень красивая девушка. Алишер в нее влюбился. Посылает сватов к ней в дом. И девушка тоже всей душой полюбила Алишера. Звали ее Гуль. Начались приготовления к свадьбе.

Как-то раз, возвращаясь с охоты, Хусейн Байкара тоже заметил эту девушку на крыше и тоже в нее влюбился. Решил послать сватов и сватовство поручил Алишеру — своему другу и везиру. Алишер отправился и, храня верность другу, уговорил Гуль выйти за падишаха. Но она поставила условие:

— Нужно, чтобы падишах сорок дней после свадьбы не входил ко мне.

Алишер сказал, что добьется от падишаха согласия на это условие. Тогда Гуль написала два письма, попросила Алишера отнести их табибу* и вернуться к ней с тем, что даст таиб. Он отправился к табибу: тот прочел одно письмо — рассмеялся, прочел второе — заплакал. И дал два снадобья. Алишер принес и отдал их девушке. Гуль одно из снадобий оставила у себя, а другое дала Алишеру и велела:

— Выпейте!

Он выпил. Тогда она сказала, что согласна выйти за падишаха и позволила готовить свадьбу.

Падишах принял условия девушки, устроил богатую свадьбу. И целых сорок дней не входил к молодой жене. А в это время Гуль тяжело заболела.

Когда после свадьбы миновало сорок дней, Гуль позвала к себе Алишера. Она лежала при смерти.

— Помните, — спрашивает у него, — два снадобья? Одно из них я вам велела выпить, то было снадобье, которое заставит вас никогда не жениться. А второе я выпила сама, то был яд, медленно действующий, он убивал меня сорок дней. Вот теперь он обнаружил свое действие, я заболела. Сегодня умру. Алишер, я сделала это, чтобы остаться верной любви нашей! Теперь падишах, если хочет, пусть входит ко мне...

В тот же день Гуль рассталась с этим миром. Алишер и падишах с двух сторон несли ее погребальные носилки. Двое влюбленных, два друга — они плакали навзрыд.

— Когда под сенью кипариса увяла роза, — что мне делать?

— Из розы надо сделать саван, из кипариса ложе сделать!

Отсутствие у Навои жены и семейства не означало, что в доме у него было пусто и сиротливо. Наоборот, дом Навои был местом, где всегда царило веселье, собиравались друзья, образованные люди.

В «Воспоминаниях» Давлат-шаха читаем: «Стройные собрания сего великого человека были целью стремления достойных людей. Его высокий порог был местом, куда приходили сирые и неимущие. И его преисполненные яствами дастарханы были всегда наготове для странствующих и мытарящихся, а врата его благодеяния стояли всегда отворенными для пришлых. Среди тех же, кто сидел с ним, не было иных людей, кроме добронравных и достойных. И среди друзей и собеседников его духа не было никого, кроме покоряющих сердца. То же, что в глазах людей представляется тягостным и обременительным, пред ликом его великодушия казалось легким и незначительным; однако люди безнравственные не могли входить в его утонченные собрания» (264).

Из сочинения Васифи «Удивительные события»: «Мавлана Сахиб Дара, один из замечательных друзей и дорогих собеседников Алишера Навои, приходился мне близким родственником по отцу. Однажды мы с отцом гостили у него в доме и он сказал моему отцу: «Я уже давно слышу, что твой сын — прилежный студент, хорошо читает стихи и сам умелый стихотворец. Его слава по части умения разгадывать муамма* не знает пределов». После этих слов Мавлана Сахиб Дара произнес муамма¹. Подумав немного, я его разгадал. Все были изумлены.

После того как мы возвратились домой, прибыл человек от Мавлана и сказал: «Мой господин призывает вас». Когда я пришел к Мавлана, он поведал: «Я был у Алишера. У него такое обыкновение: каждый день он вызывает меня к себе и велит: «Расскажи, что замечательного и редкостного видел ты сегодня в сем городе». На этот раз я ему сказал: «Видел я юношу шестнадцати лет, он разгадывает даже весьма трудные муамма. Помимо сего, он известен также успехами в науках, искусством читать и слагать стихи». Алишер весьма удивился и спросил: «Ты проверял его?» Я ответил: «Да, я прочел ему очень сложный муамма, и он живо его разгадал». Его высокая светлость проговорил с укором: «Что же ты сего юношу не привел к нам?» Тут я пожалел, что откровенно рассказал про тебя Алишеру,

---

¹ Мы его не приводим.

ибо знаю: люди при первом знакомстве с Навои теряются вконец и было много случаев, когда такой человек не в состоянии ответить даже на вопрос: «Как тебя зовут?» Ведь если ты придешь и кто-нибудь прочтет муамма, а ты не сможешь его разгадать, мне будет стыдно. Как быть? Ну, что бы там ни случилось, готовься».

На следующий день с утра я вновь отправился к Сахибу Дара. Здесь, кроме меня, оказалось еще трое студентов. Мавлана сказал: «Ты пришел вовремя. Вот об этих двоих я тоже говорил Алишеру. Слава одного из них в области муамма равна славе Мавлана Амира Хусейна Нишапури. Второй снискал известность в сложении касыд... А третий прославился в писании маснави».

И вот мы прибыли в то благородное собрание. Присутствовали все сотоварищи и собеседники Алишера Навои. Его светлость, когда взгляд его пал на нас, спросил у Сахиба Дара: «Это тот юноша, который быстро разгадывает муамма?» — «Да, он», — ответил Сахиб Дара. Тогда Мавлана Мухаммед Бадахши, друг Алишера, замечательный шутник, проговорил: «Господин, ваша высокая светлость, простите меня на прямом слове, но если правду молвить, ваше умение разгадывать муамма — ничто перед искусством этого юноши». Алишер сказал: «Я сразу заметил это (т.е. искусство юноши) по его глазам, ибо в них — знаки мысли». Затем он прочел муамма. Я должен был угадать скрытое в нем слово. Однако выяснилось, что слово, скрытое здесь, я знал еще прежде. Я заколебался: прикинуться, будто я не знаю этого слова, обмануть собрание или открыть правду? Я сказал Алишеру: «Господин, слово, скрытое в этом муамма, мне было известно прежде». Его светлость склонил голову и некоторое время молчал, затем проговорил: «Друзья, вы заметили, какой смысл кроется в словах сего юноши? Он же демонстрирует свою силу: дескать, этот ваш муамма не подойдет, прочтите другой...» После этого Алишер больше не читал муамма, оказал мне почет и уважение, а Мавлана Сахибу сказал: «Я в восторге от этого юноши» (143—144).

Из сочинений «Добрые нравы»: «Друг его величества, обладатель счастья, его высокая светлость (Навои)

временами отворял сахарные уста для развлечений и шуток, в подобающих местах на нить повествования нанизывал речи, отличающиеся изяществом. Поскольку такие речи являются свидетельством того, сколь высокой степенью остроты отличались утонченный вкус и благословенный разум его высокой светлости, (мы) прониклись решимостью записать некоторые из них.

Мавлана Алишах, в свое время неподражаемый в музыкальной теории, однажды заявил его высокой светлости: «Надежда на вашу высокую благосклонность и милость такова, чтобы распорядители вакфа разом выдали мне мое шестимесячное содержание, так чтобы каждый месяц я не докучал вашим слугам».

Его высокая светлость дал ответ: «Мавлана,— сказал он,— нам неизвестно, продлится ли ваша жизнь хотя бы шесть дней. Зачем же вы столь полагаетесь на благополучное продолжение жизни и просите содержание на целых шесть месяцев?» Мавлана ответил: «Вы только дайте распоряжение, пусть они выдадут деньги, если же я умру, они пригодятся мне на саван и могилу». Его высокая светлость проговорил: «Вы, оказывается, из тех, про кого говорится: и смерть его — беда, и жизнь его — тоже беда» (63).

Еще выдержка из сочинений «Добрые нравы»: «Однажды чистый сердцем Амир, наставляя Ходжу Асафи, одного из поэтов, передовых для своего времени в части красноречия и остроумия, сказал: «Удивляюсь я тебе. Ты обладаешь острым умом, высоким дарованием — и мало занимаешься сложением стихов, все свое время тратишь на пустяки». Асафи возразил: «Господин, ныне я стараюсь писать все больше и больше стихов. К примеру, минувшей ночью я написал две сотни бейтов, пока не сгорело свечей на две медные монеты». Его высокая светлость тогда сказал: «Значит, в этом твоём нанизывании (слов) цена каждой сотни бейтов — медная монета» (63).

Из сочинения «Удивительные события»: «Среди всех живописцев султан Хусейн наибольшее внимание обращал на Бехзада, и Бехзаду было присвоено почетное звание «Второй Мани»*. Когда настроение шаха омрачали заботы и горести, Бехзад всегда рисовал что-нибудь, либо делал с кого-нибудь портрет; государь

взглянет на изображение, и душа у него раскроется, заботы и горести исчезнут. Бехзад постоянно делал различные удивительные изображения, причем особенно любил рисовать в различных видах и демонстрировать портреты весьма уважаемого Баба Махмуда. А Баба Махмуд сочетал в себе изумительные качества — он был толстым, неуклюжим, при этом очень проворным и речистым...

Однажды Бехзад в собрании у Алишера сделал рисунок, на нем — цветник и различные деревья; на ветвях деревьев распевают многоцветные красивые птицы; со всех четырех сторон текут, журча, арыки, раскрываются цветы — такой приятный сердцу пейзаж он изобразил. Был здесь представлен и Навои: он стоит, опираясь на посох, и наполняет стоящие перед ним блюда золотыми и серебряными монетами, которыми осыпали гостей. Алишер, увидев картину, возмущался и возгласил хвалу. Затем он обратился к своим гостям и спросил: «Что приходит вам на ум, дабы оценить и одобрить сию удивительную картину?» Мавлана Фасихиддин, учитель Алишера, один из прославленных людей Хорасана, проговорил: «Когда я смотрю на эти цветы, мне хочется протянуть руку, сорвать один из них и воткнуть себе в турбан». Мавлана Сахиб Дара, один из постоянных собеседников и наперсников Алишера, сказал: «У меня также возникает подобное желание; однако я боюсь, если протяну руку, как бы вот эти птицы не испугались и не улетели». Мавлана Бурхан, один из завязанных шутников (в собраниях) Алишера, глава остроловов Хорасана, заявил: «Я тоже, глядя на эту картину, понимаю: нужно хранить тишину, не шевелиться, чтобы Амир Алишер не разгневался, не наступился». А Мавлана Мухаммед Бадахши, один из остряков Хорасана, которого Алишер называл «стригущим остроты», возгласил: «О Мавлана Бурхан! Если б то не было безнравственно, я бы схватил посох, что в руке Алишера, и за такие твои слова опустил бы тебе на голову!» Его светлость Алишер сказал: «Дорогие собеседники, вы произнесли добрые речи, рассыпали жемчужины слов. Я благодарен (вам). Если Мавлана Бурхан не совершил бы той грубости и непристойности, (о которой сказал), я все золото и серебро с этих блюд высыпал бы вам на головы». Присутст-

вующие в собрании весело рассмеялись. После этого Алишер преподнес Бехзаду в дар коня с седлом и сбруей, а на плечи каждого из участников собрания накинул драгоценный халат»(194—195).

Из сочинения «Добрые нравы»: «Однажды обладатель бесконечной щедрости (Алишер) в виде милости подарил коня с седлом и сбруей Мавлана Шахабиддину Мудаввину, который среди одаренных людей прежнего времени был выдающимся и неподражаемым по примечательной внешности и изумительным речам. В связи с этой милостью Мавлана, сочтя себя одним из приближенных его высокой светлости, стал служить и угождать ему усердней прежнего. К примеру, каждый раз, когда он (Навои) приходил куда-нибудь, чтобы сесть на коня, сей (Мавлана) приходил туда же и оказывал услуги, ни на миг не удалялся от ворот его дома. По этой причине он весьма стеснял сей источник милостей и великодушия. Однако из-за возвышенного нрава он не мог решиться огорчить сего человека и в открытую отказаться от его услуг. Поэтому один из слуг, по велению Алишера, воровским способом проник в дом к Мудаввину, увел его коня и живо продал на базаре. Мавлана счел сего человека и вправду вором, устремился за ним вслед и пешком проделал путь в два таша. Не обнаружив никаких следов коня, он был этим изумлен, снова побежал на службу к морю почестей Амиру (Навои), заявив, что имеет намеренье пуститься в странствие. Его высокая светлость сказал: «Мы выплатим стоимость твоего коня с условием, что после этого ты не будешь держать под уздцы (нашего) коня и не станешь нам докучать, когда мы будем садиться на коня и отправляться в путь». Тот согласился. Тогда Амир распорядился: «Выдайте Мавлана известное количество монет». Тот слуга, который совершил уловку, отсчитал ему девяносто четыре таньга, Мавлана изумился и спросил: «Пожалованная сумма должна составить сто монет, почему недостает шести?» Один из присутствовавших при разговоре ответил: «Мавлана, к сожалению, больше сего не дали за вашего коня» (64).

В «Собрании избранных» Навои свидетельствует: «Мавлана Хасан-шах — из числа старых поэтов Хорасана. От времени Шахрух-мирзы и до нынешней счаст-

ливой эпохи (Хусейна Байкары) у него есть много восхвалений и марсий* в честь правителей и знатных людей...» (75). Васифи в своем сочинении «Удивительные события» рассказывает: «Мавлана Хасан-шах впал в очень тяжелое материальное положение. Он сказал своему сыну: «Повяжи голову синим¹, надень халат и отправляйся к эмиру Алишеру. Увидев тебя такого, эмир, конечно, спросит: мол, по какому случаю траурное одеянье? А ты скажи: дескать, мой бедный отец покинул сей мир. Алишер, безусловно, окажет тебе кое-какую помощь на мое погребенье. Возьмешь деньги, отправляйся на базар и принеси еды»... Сын Мавлана, как велел ему отец, предстал перед Алишером. Эмир спросил его: «Ты надел траур. Что произошло?» — «Мой отец скончался, душу вернул богу», — ответил сын. Эмир Алишер прослезился и сказал: «О, как жаль, Мавлана Хасан-шах — один из редких людей нашего времени», — и пожаловал его сыну три сотни ханских монет. Сын Мавлана, вне себя от радости, побежал на базар, накупил, что было велено из еды, и принес домой. На следующий день к Навои отправился сам Мавлана Хасан-шах. Увидев его живого, Алишер смеялся до того, что вынужден был опереться о стену, и спросил: «Мулла, вы же умерли? Что произошло?» Мавлана Хасан-шах проговорил: «О великий эмир, если бы вчера не пожаловали нам деньги, то сегодня я бы умер». Алишер снова пожаловал ему добротную одежду и тысячу динаров».

3. НОВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СРЕДА

Выше мы уже называли многих из тех, кто в годы детства и юности Навои в Герате, в вилайетах и в Самарканде занимался литературой и науками. Вместе с тем мы видели, что эти люди интеллектуального труда были разрознены, притом многих из них (как, например, самого Навои) властители не ценили по заслугам.

В результате того, что в Хорасане почти на сорок лет водворилось относительное спокойствие, а во главе государства стали такие просвещенные, благорасполо-

---

¹ Цвет траура.

женные к культуре люди, как Хусейн Байкара и Алишер Навои, в литературной среде всей страны и особенно столицы следовало ожидать перемен к лучшему; так оно и случилось.

Первая бросающаяся в глаза особенность новой литературной среды в новом Герате и во всем Хорасане — количество одаренных и пользующихся известностью людей возросло в невиданной дотоле степени. Это легко увидеть по содержанию «Собрания избранных». До 40—50-х годов XV столетия, то есть до утверждения Хусейна Байкары на престоле сперва Астрабада, затем Герата, Навои упоминает свыше сорока человек в качестве поэтов и ученых прошлого («Первый маджлис» и еще несколько имен, вошедших во «Второй маджлис»). Если мы теперь это количество сопоставим с числом людей, имена которых поэт упоминает во втором и третьем «маджлисах», людей, которых он считает непосредственно относящимися к эпохе Хусейна Байкары — наиболее продуктивной в его творческой деятельности, — то увидим большую разницу: во втором «маджлисе» упомянуто более девяноста человек, среди них некоторые, подобные Саиду Хасану Ардашеру, Мавлана Мухаммеду Муаммаи, Абдураззаку Самарканди во время правления Хусейна Байкары считались выдающимися; в третьем же «маджлисе» приводятся имена ста десяти поэтов, занимавшихся активной творческой деятельностью в 90-е годы XV века.

Таким образом, Навои констатирует, что людей науки и литературы, выросших либо получивших известность в годы правления Хусейна Байкары, было несравненно больше, чем в прежние времена. При этом, по мнению Навои, то, что создали поэты и ученые — его современники, стоит на уровне того, что было создано «предшественниками»¹; если вспомнить, что в числе «предшественников» — классики литературы, само собой понятно, сколь высока подобная оценка. В «Собрании избранных, есть такие строки: «...Поэты и талантливые люди сего благословленного времени и счастли-

---

¹ При этом Навои прежде всего имеет в виду прославленных поэтов, чьи имена приведены также в «Воспоминаниях» Давлатшаха.

вой эпохи, которые, благодаря успехам правления и результатам попечения султана Сахибкырана, во многих жанрах поэзии, особенно в жанре газели, способствуя успокоению сердец и преумножению радости, в сочетании ясности и изящества достигли (уровня) предшественников, а тонкость и изысканность смысла довели до требований меры» (6). Сам Хусейн Байкара гордился тем, что в Герате и вилайетах было так много поэтов. Вот что сказано в его трактате («Рисаля»): «И в Герате и окрестностях столько (имен) приходит на память и столько верных и преданных, обладателей знания, достигли признания народа, — пожалуй, около тысячи человек, чьи жемчужины духовного труда нанизываются на нить стиха и чьим сокровищам разума приличествуют соразмерные одеяния, изукрашенные и пышные, причем ни в одну эпоху подобных не бывало в народе одного из сотни или даже из тысячи» (10).

Приведем выдержку из «Бабур-наме»: «Время султана Хусейн-мирзы — удивительное время. Город Герат был при нем особенно полон учеными и бесподобными людьми. Каждый, занятый каким-либо делом, обладал целью и желанием довести это дело до совершенства... Из поэтов (того времени) самым выдающимся, главою их всех был Мавлана Абдурахман Джами.

Еще был Шейхим Сухейли и Хусейн Али Туфайли Джалаир, чьи имена и качества упомянуты и начертаны в ряду беков и внутренних приближенных султана Хусейн-мирзы¹.

Еще был Асафи... Его стихи не лишены красок и мыслей...

Еще был Биннаи... В его газелях есть краски и вдохновение. Он составил диван, имеются у него и маснави... Поначалу Биннаи был, говорят, несведущ в музыке, и поэтому Алишер-бек укорял его. В некоем

---

¹ На предшествующих страницах своей книги Бабур писал: «Еще был Шейхим-бек. Он употреблял тахаллус Сухейли, поэтому его называли Шейхим Сухейли. Он сочинял стихи особого рода... Он составил диван. У него есть также маснави» (236). «Еще был Хусан Али Джалаир, его настоящее имя Хусейн Джалаир... Он состоял в должности кушбеги* при султানে Хусейн-мирзе, был (также) поэтом, употреблял тахаллус Туфайли, хорошо сочинял касыды. В свое время он был корифеем по части касыд» (237).

году Мирза (Хусейн Байкара) отправился зимовать в Мерв и Алишер-бек поехал туда же. Биннаи остался в Герате. В ту зиму он упражнялся в музыке и до весны настолько ее постиг, что мог сочинять произведения. Когда весной Мирза возвратился в Герат, он (Биннаи) исполнял (собственные) савты и накши. Алишер-бек удивился и одобрил его. В музыке он (Биннаи) сочинял приличные произведения... Он часто перечил Алишер-беку, из-за чего терпел немало притеснений. Наконец он не смог больше оставаться и удалился в Ирак и Азербайджан к Якуб-беку. У Якуб-бека жилось ему неплохо, он был его собеседником. После смерти Якуб-бека он не остался в его владениях, вернулся в Герат. Склонность к шуткам и насмешкам у него осталась. Вот одна из них. Как-то Алишер-бек, сидя за шахматами, протянул ногу и коснулся Биннаи. Алишер-бек шутливо сказал: «Вот удивительное несчастье! В Герате протянешь ногу — заденешь поэта!» Биннаи ответил: «Если подожмешь ногу — тоже коснешься поэта». В конце концов из-за подобных шуток он снова переселился из Герата в Самарканд...

Еще был Сайфи Бухари. Он обладал ученостью во всех областях... Он составил свой диван. У него есть еще один диван, предназначенный ремесленникам. Он придумал много притч. Маснави у него нет, доказательство чему — следующее кыта:

Мне любы маснави установленья,
Но стих газели тоже я ценю:
Пять бейтов, что душе дают волнение,
Двух «Пятериц» дороже я ценю!

Есть у него труд о персидском стихосложении.⁴

Был еще Абдуллах Маснавигуй¹... У него был тахаллус Хатифи². Он писал маснави в подражание «Пятерице» (Низами). Свое произведение стихами маснави, созданное в подражание поэме «Семь красавиц», он назвал «Семь ликов». В подражание «Искандер-наме» он сложил «Тимур-наме». Из этих его маснави более известен дастан «Лейли и Меджнун», хотя прелесть его не соразмерна его большой славе.

---

¹ Сочинитель маснави.

² От арабск. хатиф — гласящий, провозглашающий.

Еще был Мир Хусейн Муаммаи. Вероятно, никто не сочинял муамма так же, как он...

Еще был Мулла Мухаммед Бадахши... Стихи его не такие, как стихи вышеупомянутых поэтов. Он написал трактат о муамма; его собственные муамма не очень хороши...

Еще был Юсуф Бадии, из области Ферганы. Он неплохо сочинял касыды.

Еще был Ахи, он сносно сочинял газели... Является автором дивана.

Еще был Мухаммед Салих. У него есть газели со вкусом, но гладкости в них не столько, сколько вкуса. Есть у него и тюрские стихи, он сочинял их неплохо...

Еще был шах Хусейн Ками. Его стихи тоже неплохи, сочинял он главным образом газели; кажется, у него также есть диван.

Еще был Хилали... Газели у него гладкие, красочные, без изъяна. Диван у него тоже есть... Говорят, у него очень хорошая память, будто он помнит тридцать-сорок тысяч бейтов. Рассказывают, что он держит в памяти двести стихов обеих «Пятерич». Он весьма эрудирован в области стихосложения, учения о рифме и (вообще) в науке о стихотворстве.

Еще Ахли, необразованный. Стихи у него неплохие, имеется и диван» (241—244).

По выражению Навои, «маджлисы» — собрания поэтов, ученых, людей умственного труда и искусства, устраиваемые Хусейном Байкарой, были «рудниками перлов духовных», а вкус самого Хусейна — «весами норм (правил) поэзии». Хусейн Байкара велел изготовить копии произведений крупных поэтов, таких как Хосров Дехлеви, а чтобы облегчить их чтение и понимание — сверху каждого стихотворения указывать, каким размером оно написано, причем это сделалось правилом для каждого составляемого в тот период дивана стихов. Подобным же способом были составлены и четыре дивана Навои. Интерес Хусейна Байкары к поэтическим бахрам^{*}, в частности, и ритмике стихов вообще, даже побудил Алишера Навои написать специальное произведение по теории стихосложения — «Весы (стихотворных) размеров» («Мезанул-авзан»). Вот выдержка из него:

«И поскольку собрания его достославного величества были рудниками перлов духовных, а его собственный утонченный вкус — весами норм поэзии, а поэты эпохи были служителями у этого высокого чертога и мастера слова, остроумцы того времени — прислужниками прославленного двorca, то всегда были перечисляемы названия стихотворений и (произведений) прозы, указывались род стихов и муамма. И утонченные обычаи и привычки его величества требовали упорядочения и распространения поэзии, его подобное истинам разумение побуждало к упорядочению и прославлению стихов. Так что газели Амира Хосрова Дехлеви — да помыслит аллах о душе его! — который среди мужей поэзии — рассыпающий сахар, среди отверженных любви — расточающий огонь, чистосуший на пути страданья и наслажденья, газели, известные в четырех диванах, он повелел собрать вместе со всем возможным старанием, и его бейты, число коих достигает восемнадцати тысяч, поручил (лучшим) переписчикам эпохи со всеми возможными украшениями, с резьбою, с позолотой, переписать в книги: и его расцвету и сиянию солнца подобная мысль (этим) украшающим мир занятием вознеслась выше неба. Поскольку же сей государь слова вследствие своего мастерства и совершенства в этой науке, от своего глубокого разума и резвого мышления, создал стихотворения многих бахров, причем немало стихов сложил размерами неприемлемыми, так что здоровое разуменье острословов того времени было бессильно (воспользоваться) его плодами, а его толкования их изумляли и даже отвращали, — то царственному разуменью его величества явилось редкостное попеченье и удивительное намеренье, какое никогда не приходило на ум и не возникало в душе кого-либо из властителей, хотя бы и склонных к занятиям поэзией.

Оно состоит в следующем. Сверху каждой газели должно быть написано и определено: к какому бахру и размеру относится эта газель, какие изменения входят в ее основы и какого рода отклонения обнаруживают, для того чтобы каждому было ведомо это состояние бахра и форма размера. Воистину, сия мысль — творение изумительное и редкостное, и требование к поэтам, кои собирают и составляют диван, остается

истинным и постоянным. И также четыре дивана, принадлежащих (мне) сему рабу, в которых число написанных по-тюркски стихов приближается к двадцати пяти тысячам, были написаны в честь царственного имени его величества, обрели украшения, а также составлены были согласно тому, выше изложенному установлению.

Поскольку же благословенный ум его величества оказался столь склонным к поэтическим бахрам и размерам, к правилам стихосложения, то в науке аруза было составлено сие краткое изложение, и ему нарекли название «Мезанул-авзан» (135—136).

Важен также следующий факт: Хусейн Байкара, сам писавший газели, создавал свои стихи только одним размером — весьма редкостным, возникшим на местной почве среди тюркоязычных поэтов, и таким образом способствовал внедрению этого размера в творческую практику. Этот размер, не употреблявшийся арабскими и персидскими поэтами, он утвердил в качестве единственного в своем диване, который он составил под тахаллусом Хусейни. В книге Навои «Весы (стихотворных) размеров» читаем. «Еще был напев¹, который называют «тюркй»², и это слово дало ему знак; притом он чрезвычайно приятен сердцу, воодушевляющ, до предела полезен тем, кто наслаждается в пределах дозволенного; это напев, употребляемый в собраниях, так что властители приучают к нему сладкогласных людей; он известен под названием «тюркоречивый» и проявляется в размере рамали-мусамман максур* как следующий бейт:

Восхода яркий свет — твой лик, о луноликая:

У мудрецов к тебе — почтенье превеликое...

Его величество султан Сахибкыран, вследствие живости, красоты, способности воодушевлять и ясности выражения, свойственных сему размеру, счел нужным употреблять его с начала до конца, слагать на нем стихи в своем диване, который среди всех диванов — что душа в теле и что сияющее солнце среди звезд» (18).

Бабур также отмечает особое внимание, которое Хусейн Байкара уделяет новым поэтическим размерам,

---

¹ То есть стихотворный размер.

² Тюркский.

возникшим в тюркоязычной поэзии (таким, как «тархани», «елик») и возникшим по большей части в фольклоре местных народов. В своем сочинении «Муфассал» он пишет: «У тюрков есть напев, именуемый «тархани»... Во времена султана Хусейн-мирзы этот истинный напев получил название «тюркӣ», и он делится на такие части (стопы)...» (331).

«Размер рамаль... Первый размер... Этим размером сложено много стихов по-персидски и по-тюркски. (Но) у самого Мир-Алишера Навои среди стихов, написанных всеми прочими размерами, нет таких, чтоб были написаны этим размером. У султана Хусейн-мирзы в диване нет других размеров, кроме этого» (327).

Деятельность Хусейна Байкары в качестве одного из предводителей новой, возникшей в Герате, литературной среды в большой степени способствовала продуктивности усилий тех одаренных людей, которые испытывали свои способности в сфере стихосложения на тюркском языке. По выражению Навои, ранг стихов, написанных на этом языке, достиг седьмого круга небес. В книге «Весы размеров» читаем: «Цель этих слов и намерение сих речей таково. Когда появились стихи на языке тюрков, то не было для них правил и законов, никто для развития этой науки не писал об арузе книг или рисаля. В сии счастливые времена, когда государь эпохи составил диван, он свое благословенное внимание обратил на стихотворные размеры, на членение бейтов; по этой причине положение стихов достигло семи небес, и высокая степень их распространилась до священной Мекки. И сделалось обычным, что одаренные способностями благородные люди, даже царевичи, чей разум и дух осенены талантом, стали заниматься этой благородною наукой; и из той науки о размерах, членении, изменениях ритма цикличности, по которой составили книги арабские провидцы, персидские мастера слова и поэты, без которых никто не мог ничего постичь и осмыслить, тут, в этом стихосложении (на тюркском языке), не было ничего подобного; и султан султанов обратил на это свое благородное внимание, так что это стало причиной упорядочения и распределения того, о чем сказано вначале, и по сей причине перо обратилось к этим правилам» (182).

В представлении людей того времени Хусейн Байкара, будучи властителем государства, считался также инициатором, руководителем и пособником каждого культурного начинания в стране. Должно быть, следуя этому мнению, Алишер Навои считал Хусейна видным поэтом эпохи и в «Собрании избранных» посвятил его творчеству особый «маджлис». Что же касается Бабура, то он, как мы видели выше, считает лишь некоторые стихи Хусейна Байкары неплохими и сообщает, что им, Хусейном, был составлен поэтический диван.

Во всяком случае из дошедшего до нас «Дивана» Хусейна Байкары ясно, что это был человек, хорошо понимающий поэзию, знающий ее ценность, с тонким вкусом и притом сам вполне квалифицированный поэт. В особенности то, что он писал на тюркском — староузбекском — языке и призывал к этому других, его культуротворческая деятельность, направленная на то, чтобы возросла слава его царства и столицы, делают его одним из видных деятелей литературной среды Герата и всего Хорасана. В представлении же Навои («Собрание избранных», стр. 178—179), Хусейн Байкара — поэт Хусейни — не только «украшающее мир солнце на небосводе власти», но и высокоодаренный поэт.

Навои оставил нам несколько зарисовок поэтических собраний, устраивавшихся Хусейном Байкарой. Они — свидетельство того, что султан Хусейн был истинным ценителем поэзии, что его наблюдения были глубокими, а выражения — отчетливыми и тонкими. Вот одна из таких зарисовок («Собрание избранных», маджлис восьмой):

«Мавлана Лутфи, в свое время бывший в Хорасанском царстве властителем слова и в тюркском, и в персидском языках... Однажды весной, когда тучи проливали дождевые капли подобно слезам из очей влюбленного и каждая из струй напоминала нить подозрения, он встретился (мне) сему недостойному и сказал: «Струи этого дождя могут быть осязаемы. Мир Хосров в своих индийских стихах употребил изумительный образ, а именно: возлюбленная в весеннюю пору отправилась куда-то, но земля от дождя размокла, она поскользнулась и стала падать; от того же, что была она очень тонкой, ухватилась за нитку дождя и удержалась». (Я) сей недостойный, услышав это, обрадо-

вался и стал восхвалять Мир Хосрова за утонченность воображения и впоследствии об этом часто рассказывал поэтам, когда следовало что-либо уподобить дождю. Мое восхищение передавалось слушателям, так что они не в силах были не высказать похвалу Мир Хосрову.

Однажды в высоком собрании у султана Сахибкырана (я) презренный, также в связи со сравнением, повел речь, что, мол, как-то раз Мавлана Лутфи поведал про изумительный образ Мир Хосрова. Мне думалось, это понравится тонкому таланту его величества и он выскажет одобрение. Он же лишь улыбнулся на восторженность сего недостойного (меня) и велел начать веселье. Однако внимания почти не обратил. Впоследствии стало известно: благословенному таланту его величества не понравился сей образ, явившийся в воображении Мир Хосрова. Это меня крайне удивило. Ведь все одаренные люди не высказывали об этом образе Мир Хосрова ничего, кроме похвалы и восхищения. Почему же его величество соизволил возразить? В высоком собрании, поцеловав пол, (я) нижайший заявил: «Желаю услышать возражение из уст ваших, рассыпающих драгоценные камни». Он сказал: «Возражение мое следующее. Капли дождя падают сверху вниз, так же как и его струи. А поскольку струя стремится вниз, едва ли падающий человек сможет с ее помощью удержаться». Когда его величество выразил это свое возражение, (я) нижайший понял: я и все, кто слышал об этом образе и хвалил его, все мы ошибались. Я, выслушав, признал недостаточность моего вкуса. Затем его величество проговорил: «Вот этот бейт сочинен так, что возразить против него невозможно:

Ослаб, лежу в сторонке я — в чулане. Чтоб подняться,
За паутинки тонкие могу теперь держаться».

Надежда моя, в том, что на зеркало столь чистого таланта никогда не осядет прах времени и событий и что светильник столь яркого разума никогда не загасят холодные дуновенья бедствий» (207—208).

Подобные поэтические собрания устраивались султаном Хусейном весьма часто, на них возникали поэтические состязания между государем и его гостями. В «Собрании избранных» Навои рассказывает:

«Эта газель¹, повествующая, как влюбленный в ночь разлуки томится наедине со звездами и небом, с начала до конца вышла прекрасной и изумительной:

Вышел месяц в ночь разлуки, и рыдал, душой скорбя, я,
И бродил в безмерной муке — с ним вдвоем искал тебя я!

В то время он (Хусейн Байкара) поручил другим тюркоязычным поэтам продолжить стихотворение, сохранив тему. Кое-кто попытался, но успеха не достиг. Другие признали, что не справятся. Из всех один (я) сей низжайший сумел сравняться, и матла получился следующий:

Брось в огонь постылый кипарис, если девы с чудным станом
нет,
Розу кинь на ветер — не жалей, если милой с ликом рдяным
нет!» (201).

Примечателен рассказ Навои (также в «Собрании избранных») о том, что произошло с молодым поэтом Кабули:

«Молодой человек по имени Мавлана Кабули пришел со стороны Кундуза и Гиссара. У него была склонность к сложению стихов на тюркском и персидском языках. Он удостоился присутствия в высоком собрании, был осчастливлен царственной похвалой и благодеянием. Однажды он написал газель на тюркском языке с таким матла:

Я ноющую плоть отсек, а облегченья не было,
Огнем палящим раны жег — успокоенья не было.

Он принес ее (мне) недостойному и попросил, чтобы я передал ее выше, а также чтобы ознакомился с ней и высказал то, что придет на ум. Я прочел и увидел, что рифма, «не было» неудачна. Подсказал ему другую рифму и заметил, что он мог бы сочинить лучше. Он мне сказал: «Я много трудился, но не смог сделать лучше. Конечно, только вы можете сочинить на эту рифму». Он преувеличивал; но (я) низжайший использовал эту рифму так:

---

¹ Сочиненная Хусейном Байкарой.

Чтоб прах у ног твоих лобзать, и кипарис склоняется,—
От ветра долу стан клонить в нем устремленья не было.

В общем, Кабули при посредстве одного из придворных передал свое стихотворение в высокое собрание. Его величество, прочитав, заметил: «Второй бейт здесь не того рода, что его стихи. Думается, этот бейт ему в стихотворение вписал просто другой». Вызвав (меня) нижайшего, он сказал: «Этот бейт он сам написал или кто-то другой сложил для него?» (Я) нижайший удивился, но из жалости к тому бедному юноше не решился сказать, что бейт написан мной. Тут же я пришел к заключению: его величеству уже все известно, к чему записаться? И сказал: «Поскольку благословенному разуму (вашему), вскрывающему тайные прелести, все известно, как я могу не признаться?»

Придя в чрезвычайно веселое настроение, он повелел отыскать Кабули, чтобы вместе с ним пошутить над этим. Тотчас его нашли и представили в высокое собрание. Его величество, заговорив с собравшимися, проявил к нему благосклонность и похвалил стихотворение. (Я) нижайший был в растерянности: если начали хвалить, то ему возможно редкостное поношение, а мне и подавно. (Но) падишах не сказал об этом ни слова. Немного посидели, и разговор свернул на другое, пока собрание не подошло к концу и люди разошлись. Остались некоторые из самых близких. Один из приближенных сказал: «Привели Кабули, а вы не пошутили относительно того бейта; возможно, позабылось». Его величество изрек: «Это не забыто, однако от этих слов ему стало бы стыдно. Мы не желали, чтоб бедному юноше стало (стыдно) пред всем собранием, и потому не завели речь о его стихотворении и о том бейте». (Я) недостойный, поцеловав пол, проговорил: «Эта милость оказана не ему одному, но и мне тоже!»

Хвала аллаху! Слава творцу, что одарил властителя державы столь прекрасным нравом и совершенными добродетелями, высоким разумением, натурой и рассудком чистыми и возвышенными! Так что если об этом сочинят легенду и припишут ее кому-либо другому, то услышавший не сможет поверить, решив, что ложь, не станет внимать словам говорящего.

В собраниях султана Сахибкырана, подобных Ираму, и его уединениях, подобных раю, постоянно из уст

в уста передаются подобные шутки, тонкие, изящные выражения» (208—210).

Эти три эпизода с нескольких сторон характеризуют облик литературной среды при дворе Хусейна Байкары.

Одна из важных ее особенностей в том, что Алишер Навои пользовался здесь безграничным авторитетом. Поэты подражали ему, посвящали ему свои произведения (даже Биннаи, долгое время не признававший авторитета Навои, посвятил ему свой труд «Мадхмаул-гараиб» — «Собрание редкостных»). Алишеру Навои посвящались не только художественные произведения, но также труды на темы научные и богословские. Хондемир свидетельствует в сочинении «Добрые нравы»: «Ныне... следует указать названия книг, написанных учеными того времени и посвященных высокостепенному имени Алишера: «Шархи фараиз» («Изъяснение треб»¹), труд шейх-уль-ислама Сайфиддина Ахмеда Тафтазани; «Равзатул-ахбаб» («Сады любимых»), два тома, произведение Амира Джамалиддина Атауллаха Асила; «Тафсири фарси» («Толкование персидского языка»), труд высокочтимого господина, обладателя совершенства Мавлана Камалиддина Хусейна ал-Вазил-Кашифи; «Шархи арбаин» («Четыре толкования») Имама Навави; «Хашияи мухтасар» («Краткие примечания на полях»), «Хашияи Чагмини» («Толкование по Чагмини»), «Хашияи шархи Хидаяи хикмат «Толкование примечаний к Верному пути мудрости»), «Хашияи шархи ашкол» («Толкование примечаний к творениям»), «Тасис шархи бист боби устурлоб» («Обоснование двадцати толкований относительно астролябии»), «Хашияи мавокиф» («Толкование стоянок»), «Шархи миатул-амил» («Примечание к действующему сознанию») — все это произведения Мавлана Фасихиддина Мухаммеда Низами²; «Шархи мушкот» («Толкование мускусов») — труд почтенного обладателя добродетелей Ходжи Имамиддина Абулазиза Абхари; «Хашияи шархи хикмати айлин»

---

¹ Т. е. обязанностей, налагаемых религией на верующего мусульманина.

² Постоянный собеседник Навои, его учитель, спутник в странствиях.

(«Толкование примечаний мудрости бедняков») — труд почтенного покойного Мавлана Камалиддина Масуда Ширвани; «Рисала дар илми фаросат» («Трактат о науке о пронизательности»), составленный Мавлана Абдураззаком Кермани; «Хашияи шархи муджини Мавлана Нафиси» («Толкование к кратким объяснениям Мавлана Нафиси»), что написал наделенный мудростью Мавлана Гыясиддин Мухаммад; «Тарджи-май арабияти Нафахат» («Перевод арабского сочинения «Ароматы») — труд Мавлана Низамиддина Ахмеда Пир-Шамса; «Тазкиратун-нуфус» («Поминование личностей»), составленное табибом Мавлана Дервишем али; «Хашияи Мутаввал» («Толкование к «Мутаввалу»), написанное пером Ходжи Абулькасыма Абуллайси; «Хашияи Муфтах» («Толкование к Покоренному»), «Хашияи Талвих» («Толкование «Облицовывающему скрижалями») — произведения Ходжи Хаванда Абуллайси; «Шархи Муджаз» («Примечание к «Изумленному») — труд себзеварского казия Гыясиддина...» (29—30).

Довольно многие писатели и поэты по поручению Навои составляли крупные исторические труды (произведения Мирхонда, Хондемира, Давлат-шаха и других авторов, в том числе «Сады наслаждения», «Возлюбленный нравов» — «Хабибус-сияр», «Собрание поэтов»; отрывки из которых приводятся в этой книге, также созданы по поручению Навои).

Если мы теперь обратимся к особенностям художественных произведений, созданных на персидском и староузбекском языках одаренными людьми этой литературной среды, то должны будем отметить по меньшей мере три из них:

1) неуклонное расширение светской, мирской тематики;

2) усиление тенденций создавать произведения эпического жанра (в форме маснави);

3) все более широкое использование, укрепление позиций тюркского — староузбекского — языка.

К сожалению, в этой небольшой книге мы не можем останавливаться на исчерпывающей характеристике этих удивительных литературных явлений. Мы вынуждены довольствоваться лишь тем, что подчеркнем одно: перечисленные три характерные особен-

ности с исключительной силой и стечливостью проявились именно в творчестве Навои.

4. СОЗДАНИЕ ВЕЛИКОЙ ПЯТЕРИЦЫ

Год 886-й (1481). Алишер подводит первый итог своей деятельности строителя, доходы и построенные здания передает в вакуф — то есть жертвует учебным заведениям и мечетям, а сам, решив претворить в жизнь свои большие творческие планы, обращается к Хусейну Байкаре с просьбой освободить его от государственных забот, создать условия для творческой деятельности.

Освободившись от официальной службы при дворе в 1476 году, Навои, однако, еще целых шесть лет не мог приняться за создание «Пятерицы», что являлось мечтою всей его жизни. Первым препятствием на этом пути было, возможно, то, что он занимался строительством нужных народу зданий. В 886 (1481—1482) году Навои пишет труд «Вакфия», где подводит итоги своей строительной деятельности, которая продолжалась еще почти двадцать лет после написания этой книги.

Таким образом, первое препятствие на пути создания «Пятерицы» было в основном устранено. Теперь у Навои оставалось две цели, однако препятствия на пути их достижения также были серьезными. Цель первая — «священное странствие», то есть осуществление первой заповеди мусульманина, паломничество в Мекку. Вторая — создать крупные произведения, которые жили бы долгие века. Этому он собирался посвятить оставшуюся часть своей жизни. На страницах «Вакфии» читаем:

«Ныне по весне в розарии моей жизни прошел осенний ветер, раскрывшиеся в розарии цветы молодости вступили в пору опадания... Благодаря непреходящему правлению и высокой щедрости его величества я достиг осуществления таких замыслов, какие мне даже в сознание не приходили, удостоился достижения таких целей, какие не являлись мне даже во сне. За исключением двух нитей желанья, кои не были отвязаны от бутона сердца моего; кроме двух бутонов цели, кои не раскрылись на бутоне души моей.

Однако надежда моя в том, что я буду удовлетворен плодами также и сих двух моих упований; цель

моя в том, чтобы прославиться сокровищами также и тех моих двух намерений, и чтобы колючка тех шипов желания не вонзилась мне в сердце, и чтобы я не был впитан землей подобно капле дождя драгоценностей того намеренья...

Один из тех упомянутых замыслов — священное странствие (в Мекку)...

А другое мое намеренье таково... Лучшую часть времен моих, остаток жизни моей потратить в качестве восхваляющего, описывающего (деянья) его величества, и в этой роли написать яркие касыды, цветистые газели, приятные маснави, искусные сочинения — то есть творения во всех родах стихов и прозы, расположить их по переплетенным книгам, так чтобы благословенное имя его величества в связи с этим многие годы было поминаемо на страницах судьбы, чтобы его священная особа вследствие этого была много карнов* прославляема в речи сынов рока.

Однако хотя, с одной стороны, дождь великодушия из щедрого облака милостей его величества проливается на судьбу сего ничтожного (меня) и ветерок его милости веет на сего безгласного, — заботы народа и общение с людьми, притворные восхваления мерзавцев и радость дорогих людей, почет со стороны избранных и заботы простонародья, притеснения угнетателей и крики о помощи угнетенных, мятежи бедноты и нападения воинов, неуместная лесть корыстолюбцев и нескладные беседы взыскующих знания, горести и призывы к справедливости тех, кто выбит из жизненной колеи притеснением невежд, и страдания тех, кто распоряжением чиновников обречен черному дню... и еще столько тягот — если пересказывать, то может оборваться нить речи... (И в результате всего этого) поражен недугом я, у коего на мое нагое тело совершает нападение комар с ядовитым жалом, так что я не в состоянии пошевелить рукой или даже ребром...

Человек в подобной печали какие дарящие радость слова свяжет в подобной растерянности — какие сокровища мысли соберет? Однако есть у меня надежда: от власти его величества (мне) будет дано столько досуга, что я смогу вечность моей минувшей жизни и оставшуюся часть моих проходящих времен потратить на такую работу, чтобы до скончания мира народ добрым

вином памяти о его величестве был доволен и чтобы до нового начала мира люди вполне удовлетворялись животворящею водой прославления его качеств» (173—176).

Эти слова, разумеется, не означают, что Навои совершенно не занимался творческой деятельностью в области стихосложения. Поэт продолжал писать новые и новые стихи, даже составлял стихотворные диваны (позже мы приведем тому документальные свидетельства); но, как об этом выше говорит сам Навои, создание крупных, совершенных произведений для него все еще остается лишь мечтой. Даже написание стихов, которые составили несколько сборников, уже не удовлетворяют Навои; он охвачен грандиозными замыслами поэта. Вот строки из его «Пятерицы»:

О, счастлив был я радостной мечтою,
Но, видно, я той радости не стою.

И не того ль печаль грызет все боле,
Кого мечты тщеславья побороли?

Не божья ли то кара в самом деле,
Когда велики помыслы и цели?

Стихи мне стали горькой карой, право:
Всесветная о них гремела слава.

Газели я направил в бой сначала,
И слава в мире шумно их встречала...

Читали их мужи благого дела,
И Судным днем вселенная кипела.

И мало, что хвала пошла повсюду,—
Диван мой стал известен всему люду.

Себя ж корил я тем, что сделал мало,
И недовольство ум мой донимало.

Куда коня ни гнал я по просторам,
Разбег мечты всегда мне был укором.

Как ни растил, ни холил кущи сада,
Меня травила горькая досада.

Прежде чем приступить к созданию «Пятерицы» своей собственной, Навои познакомился с теми «Пятерицами», — которые существовали в его время, и его охватил страх: каждая из «Пятериц», написанных прежде него, — прекрасный мир; притом создать новую «Пятерицу» — так же опасно, как проникнуть в пещеру, которую стерегут драконы:

Мне быть везде владыкою мечталось,
Владеть страной великою мечталось.

И дума зрела в сердце: мало, мало! —
К двум «Пятерицам» сердце прилежало.

И вглядываться стал я в их просторы,
Прошел равнины, океаны, горы.

И с полдороги мысль не возвращалась,
И стран, где я не побыл, не осталось.

И взору мир открылся сокровенный,
И в каждой строчке — тайны всей вселенной.

В какой бы край ни проникал я взглядом,
Там целый мир сверкал цветущим садом...

Куда ни глянь — сокровищницы створки,
За каждой — сто драконов, злы и зорки.

На этот мир взгляну — и предо мною
Миры миров чредой идут сплошною.

И, вспомнив то, что я писал в гордыне,
О прошлой болтовне скорблю я ныне.

И гложет меня горький стыд за это,
И этот стыд сживет меня со света.

Былых стихов, свой дух губя, стыжусь я, —
Да что стихи! Сам за себя стыжусь я!

Порой — сомненья, силы нет пресечь их:
Да это разве в силах человеческих?

Навои признает написание «Пятерицы» одной из великих задач, возложенных на него самою историей, и в конце концов отваживается эту задачу выполнить:

Но бог тебе послал большую милость:
С тех пор, как слово тюрок в мир явилось,

И строй стихов дарован был народу,
Таких, как ты, народ не видел сроду.

Все страны тюрок, ведомых тобою,
Объединить — тебе дано судьбою.

Хранил ты рубежи земли великой:
Язык — твой меч, калам — тебе был пикой,—

Чтоб тех владений стражем смелым стал ты,
Чтоб властелином всем пределам стал ты.

И что же отступил с того пути ты,
И к «Пятерице» путь не смог найти ты?

И разве не в любом труде с тобою
Была та вера, что везде — с тобою,

Что только под божественною сенью
И светел путь, назначенный к свершенью?

Как вел тебя создатель в каждом деле,
Так он влечет тебя и к этой цели...

Смири в душе сомненья и тревоги,
Верши свой труд, ступай по той дороге!

Год 888-й (1483). Навои решает приступить к созданию «Пятерицы» — собрания пяти книг (дастанов). Для совета он отправляется к своему духовному наставнику — Абдурахману Джами, который призывает его немедленно безбоязненно приступить к делу. При этом Джами в образной форме говорит поэту о трудностях задачи, сравнивая написание новой «Пятерицы» с проникновением в дремучий лес, с погружением в пучину моря; в лесу подстерегают два могучих льва, в море — два кита (великие поэты Низами и Хосров Дехлеви; таким образом, написать еще одну «Пяте-

рицу» — значит сравняться с ними). Иные поэты, говорит Джами, тратят десять дней, чтобы написать газель из пяти бейтов; на создание тысячи бейтов им требуется десять лет. И все-таки их произведения оказываются неудачными. Своему ученику и другу Алишеру великий поэт предрекает победу:

Мне был указан путь благой десницей,
Чтоб пятерню проверить «Пятерницей»...

Но даже взором не объять сокровищ:
Не зря ведь в «Пятернице» пять сокровищ!

Сверкают в ней пять перлов драгоценных,
В ней — солнце, что согреет пять вселенных!

И не любой, кто силы к ней приложит,
Сил не лишась, осилить ее сможет.

Я ж в немощи моей — безмерно хилый, —
Как мне тягаться с этой грозной силой?

Как ни влекомо сердце думой смелой,
Ни сил, ни рук не хватит, что ни делай.

Не делать — как же быть с мечтой моею?
А делать — я труда не одолею!

И с мукой на свои глядел я руки,
Жал пятернею пятерню от муки.

От тяжкой думы я терял уж разум,
И стал мне зов всевышнего наказом:

«О ты, в пучину немощи влекомый,
Никто с твоей не справится истомой!

К наставнику ступай с мольбой смиренной,
Внемли его совет проникновенный!»

«Да будет то, — он молвил, — что желанно:
Несказанное станет несказанно!

Приходит час желанного творенья,
Дает тебе творец благословенье.

И если всех печальей гнет — с тобою,
Да будет и благой исход — с тобою:

Найдешь ты путь к бесценным самоцветам
И вскроешь клад заветным амулетом...

А поглядишь на мир единым взглядом,
Посмотришь в даль по долам да по градам —

Нет мужа среди тюрков, как ни кликай,
Кто справился бы с целью той великой.

Что тюрки! Знают персы и арабы,
Сколь дивна эта цель, а силы слабы!..

Два грозных льва царят в могучих чащах,
И мощны два кита в морях бурлящих.

Проникнуть в чащи — с мощью львиной нужно,
Под стать киту владеть пучиной нужно.

Лишь ты отмечен скорым разуменьем,
Глубокой мыслью, спорым разуменьем.

Твореньем слов себе стяжал ты славу,
Владеешь жемчугами ты по праву.

Дан тебе путь к могучим чарам слова,
Ты наделен великим даром слова...

Тебе дано свершить то дело, — ведай,
Я верю: ты свершишь его с победой.

Теперь о деле поразмысли крепко,
Подумай, как украсить мысли, крепко!♦

И пал я ниц, и в путь пустился сразу —
Обету слова верен, внял наказу.

И, вдохновлен мечтой, в уединенье
Я очинил перо рукой герпенья.

И мысли потекли, в слова одеты,
С пера сбегали камни-самоцветы (3226).

Первую «Пятерицу» создал Ильяс Низами из Гянджи (1141—1209). Амир Хосров из Дели (1253—1325) повторил творческий подвиг Низами и, на основе свободной переработки сюжетов, вошедших в первую «Пятерицу», написал «Пятерицу» новую. Основой обеих «Пятериц» были сюжеты, передаваемые в народе из уст в уста. Поэтому создание крупных произведений путем свободного истолкования входящих в «Пятерицы» сюжетов в эпоху Навои стало своего рода традицией. В самом Герате созданием новых крупных эпических произведений на сюжеты «Пятерицы» занимались Джами, Ашраф, Химмати и еще несколько поэтов. Навои включился в это традиционное течение. В «Суждении о двух языках» читаем: «...Я приложил пятерню к пятерне «Хамсы» («Пятерицы»). Сперва раскрылись цветы моего дарования в саду «Хайратулабрар» («Смятение праведных»). Дух Шейха Низами высыпал мне на голову жемчуг из своей «Махзанулаасрар» («Сокровищницы тайн»). А когда мысль моя обратилась к тьме очарования «Фархада и Ширин», я зажег мой светильник от огня «Ширин и Хосров», (возгоревшегося) от дыханья Мир Хосрова. Когда же я обратил стопы любви в долину «Лейли и Меджнун», то обрел драгоценные камни, расточаемые Ходжой Химмати в «Гавхар-наме». Когда я взор сердца устремил на «Сабаи Сайяр» («Семь планет»), передо мной предстали семь красавиц из «Хафт пайкар» («Семь красавиц») Ашрафа. Когда строитель души моей заложил фундамент «Садди Искандер» («Стены Искандера»), возгрохотал барабан поддержки и содействия от «Хирад-наме» («Книги мудрости») его высокого степенства (Джами)» (120).

Работа над «Пятерицей» поначалу пошла с неожиданной легкостью. И Навои был очень доволен своим пером. Свое удовлетворение он выразил в следующих стихах (из дастана «Стена Искандера»):

Даровала судьба мне и рвенье и пыл —
«Пятерицу» слагать я перо наострил.

И огонь вдохновенья мне сердце зажег,
Чтобы сердце светилось пыланием строк.

Приступил я к тому, что задумал давно,
И желанному было свершиться дано.

Вел перо по бумаге узорами строк
И с диковин немало завес я совлек.

И мой умысел — тот, что был страхом чреват,
При писании стал мне доступней стократ.

И премного я перлов рассыпал окрест —
Не осталось нигде незасыпанных мест!

И хранила чернильница перлов тайник,—
Не тайник, а вместивший все недра рудник.

И не сохла чернилами мокшая нить,
И едва успевал я кристаллы дробить.

И когда на кристаллы я воду струил,
Зерна жемчуга зрели — не капли чернил!

Да не струи воды — там бурлил океан,
И на глади чернил закипал ураган.

Целый мир был в чернильнице той, почитай,
С поднебесье он был высотой, почитай.

Если шири небесной и нет у него,
Миром мыслей сияющий свет у него!

Хорошим примером тому, как быстро шла работа над «Пятерицей», может служить написание дастана «Семь планет». Вот что сам поэт говорит в этом произведении:

Когда измерят этот дивный труд,
Пять тысяч бейтов с лишком в нем найдут.

Все дни писанья счесть бы я не смог,
Но месяца четыре — крайний срок.

И если б был свободен я от дел
И четырьмя неделями владел,

Я этот труд сумел бы дописать,
Заглавье сочинив ему под статью.

Увы, бессчетны все мои дела,
Обуза дел безмерно тяжела!

В разборе глупых распрей жизнь ведешь.
Чтоб рассудить, где — истина, где — ложь.

Ни днем, ни ночью нет покоя мне:
Тяжки и ночь, и зло деньское мне!

Людская рознь враждой меня гнетет,
Душе и сердцу пища — боль невзгод (315—316).

Слагая «Пятерицу», Навои преследовал две цели. Первая — создание на «тюркском» (староузбекском) языке крупных произведений, таких, какие имеются в персидско-таджикской литературе. В поэме «Смятение праведных» читаем:

Когда ж прочел я этих песен много,
Вступила в сердце думою тревога:

О, если б мне свою стезю найти
На верном и проложенном пути,

И там, где по-персидски речь звучала,
Мне б тюркской речи положить начало!

И если персам радость та дана,
Должна и тюрок радовать она...

И в путь исканий выступил я прямо,
И уповал на спорый ход калама:

Направлен к цели волей Низами,
Ведомый в путь Хосровом и Джами,

Он не вести напевный слог не сможет,
Сбить Навои с его дорог не сможет!

Когда дурного дух благих влечет,
Ему от них даруется почет (12—13).

Однако Навои не собирался созданные прежде него «Пятерицы» переводить на «тюркский» язык. Создать новые оригинальные произведения, равные пред-

шественникам-образцам, — такова вторая цель, которую преследовал поэт при написании своей «Пятерицы». Повторяться — не пристало истинному поэту. Навои пишет об этом в дастане «Фархад и Ширин»:

Создай стихи и дай им новый строй —
На строй, любезным людям, их настрой!

А старому повторный лоск придать —
Какая будет людям благодать?

Зачем скакать по торному пути
И у толпы в последышах идти?

И где один нашел цветущий луг
И все цветы там обобрал вокруг,

Искать другому — значит власть в изъян:
В земных лугах немало есть полян! (23).

Взяв на себя трудную задачу создать на тюркском языке крупные оригинальные произведения, Навои работает очень упорно и притом быстро. В 888 (1483) году философско-нравоучительный дастан «Смятение праведных» был завершен.

Первый дастан «Пятерицы» Навои произвел на читателей сильнейшее впечатление, снискал широкую известность. Этот успех воодушевлял поэта, когда он приступал к дастану «Фархад и Ширин»:

Да, заложить цветущий сад ты смог,
Почин — «Смятеньем праведных» нарек.

Ты людям жемчуг сыпал из полы,
От ангелов ты слышал похвалы.

И хоть нелегкий труд дарили дни,
Но сколько кладов ты сыскал, — взгляни!..

Безумцем меж развалин не таись
И руки к новым тайникам приблизь.

Найди рудник, что кладами богат,
Дари на благо всем за кладом клад! (16—17).

Однако ни властитель, ни народ не переставали занимать Навои всевозможными делами, обращаться с различными просьбами. Поэтому, завершив в 889 (1484) году дастан «Фархад и Ширин», Навои, прежде чем приступить к следующему произведению, обращается к Хусейну Байкаре с ходатайством — избавить его от всех и всяческих хлопот, кроме тех, которые относятся к сфере поэзии:

О, если бы послал мне небосвод
Покой и тишь без суетных забот!

О, если б он меня от всех тревог
И от людских раздоров уберег...

О, если б, как отшельник, благ и тих,
Забыт людьми, я сам забыл бы их!

О, если б воля шаха мне дала
Слагать стихи, забыв про все дела!

И пусть лишь иногда велел бы шах
Спросить о стихотворце и стихах¹ (412—413).

Работая в таких условиях, Навои в том же году завершил два дастана — «Лейли и Меджнун» и «Семь планет» («Сабаи сайяр»; другое название — «Дастан о семи портретах Бахрама», «Дастан хафт манзари Бахрам»). Этот последний дастан поэт закончил в субботу месяца джумадис-сани* 889 года (июня 1484).

Написав с такой легкостью четыре дастана, перед созданием пятого — «Стена Искандера», Навои ощутил себя в некотором затруднении (из рукописи «Хамса» Навои». Переписчик Абдулджамил Катиб):

Итак, четыре создал я дастана,
А пятому пока явиться рано.

Когда создам его — сейчас не знаю,
Как повести мне мой рассказ — не знаю.

---

¹ Навои не был полностью освобожден от всех хлопот. В нескольких местах «Пятерицы» он жалуется, что, мол, как говорится, «некогда в затылке почесать» от забот, доставляемых государством и людьми.

И где найти преданий свод богатый,
Чтоб завершить четыре части пятой?

Одна из трудностей, возникших перед Навои в этот период — и, пожалуй, самая крупная, — заключалась в следующем. Сведения, которые поэт добывал из исторических источников об Искандере — то есть об Александре Македонском, должествующем стать главным героем нового дастана, — нередко оказывались противоречащими одно другому. Летописцы даже вели речь о том, что существовало два Искандера, один — Александр Македонский, завоевавший большую часть мира, и другой Искандер, для защиты человечества от кровожадных дикарей воздвигший грандиозную стену.

Из этой трудной ситуации Алишеру Навои помог высвободиться его учитель и друг Абдурахман Джами. В то время Джами также работал над дастаном об Искандере. Джами преимущественное внимание обращал не на факты биографии реального Александра Македонского, а на мудрые слова, которые следовало высказать через посредство его образа; собрав воедино историю и легенду, он фиксировал мудрые мысли, которые приписываются Искандеру. Иначе говоря, Джами в свободном стиле создавал преисполненное смысла художественное произведение. Такой метод пришелся Навои по душе и был им применен в ходе работы над новым дастаном. Сам Навои свободно размышляет как о «свершениях», так и, в особенности, о «словах» великого Искандера (из той же рукописи):

Муж на пиршестве славы и света — Джами,
Как всесветный венец, блещет он над людьми.

Он слагает, я слышал, блестящее слово —
Искандеру хвалю гремящее слово.

Не пристрастен к случайной молве его разум,
И ведет он сказание вольным рассказом.

Отрешенный от рассказней, полных тщеты,
Он жемчужины мыслей кладет на листы.

В этой вести была мне для сердца отрада,
И обрел я свободу от тягот разлада.

И за жемчуг желанный, давно вожеленный,
Рад платить я всей жизни монетой разменной.

И, слагая дастан, приступлю я к письму,
И сверкание блеска придам я ему.

Милосердье творца уготовано мне,
Россыпь перлов-жемчужин дарована мне.

И пером на бумаге про все расскажу я,
И дастан в подражанье примеру сложу я.

Другие чувства и раздумья, зародившиеся в душе и сознании Навои перед тем, как он начал дастан «Стена Искандера», также открывают нам некоторые стороны творческого процесса у великого поэта.

Тот факт, что первые четыре дастана «Пятерицы» появились в результате непрерывного, ничем не перемежаемого труда, были написаны, что называется, за один присест,— есть свидетельство мощи творческого гения Навои. При этом сам поэт (в дастане «Стена Искандера») указывает, что значительные трудности и опасности избранного пути он сумел преодолеть только благодаря примеру и помощи его учителей (из той же рукописи):

Вы дарили мне дружбу и милостей много,
И от вас мне бывала большая подмога.

В мои ранние годы — в далеком начале
Вы великие помыслы мне даровали.

Предо мною был кряж неземной высоты:
Непреступны там горы, и тропы круты.

Там — отроги и бездны, хребты и провалы,—
Не взойти, не взобраться на острые скалы.

Но в пути одолевший четыре ступени
Помышляет о пятой без страха и лени.

Воспою Искандера — владыку всех стран, —
О свершеньях его будет этот дастан.

И о мудрых словах его речь поведу я,
Правду дела и вымысел слов чередуя,

Чтобы мудрою стала сказанья основа
И сверканием образов наполнилось слово...

И двояким путем я пойду по следам,
И, вослед за другими, свое я создам.

Навои ощущает, что, прежде чем приступить к пятому дастану, ему нужен отдых. Однако этот отдых был недолгим:

И когда я взошел на четвертый предел,
Я на несколько дней там остаться хотел —

Отдышаться от тягот нелегкой дороги,
И утишить бурление душевной тревоги,

Чтоб за несколько дней отступила усталость,
И за муки мне щедро покоем воздалось.

Ведь природе людской дан тяжелый недуг —
Гнет сомнений, терзанья раздумий и мук.

И они при усталости много тяжеле.
И мученья, что шлет нам дорога, тяжеле.

О, лишь на пять бы дней мне и было дано
Восхитительной неги хмельное вино!..

И хоть эти ступени опасны стократ,
Но под каждым провалом скрывается клад.

И кому же дано овладеть той горою?
Раз да два — и обчелся: всего-то их трое!

Но и я одолел с тяжкой ношей лишений
Все четыре стоянки тех грозных ступеней.

Навои помнит о необходимости взяться за написание нового дастана; однако, представив себе стоящие перед ним новые творческие трудности, он страшится приступить к делу («Устрашает мой разум намеренья это...»). И все же:

Не дойти полдороги — обидно до боли:
Никому не осилить мне выпавшей доли.

После подобных колебаний Навои приступает, наконец, к написанию дастана «Стена Искандера». Теперь он уподобляет себя полководцу, а свои стихи — воинам:

Выйдешь в путь — и препятствия тут же приспели,—
О, как трудно дойти до желаемой цели!..

Но связал свое сердце я путами речи
И одежды из слов возложил я на плечи.

Мне на спину поклажи нагружены слов,—
Щедро сыпал из них я жемчужины слов.

Пир во стане стихов я победный устрою,
Чтоб прибавилось силы их новому строю.

И на троне познания я властвовать буду,
И посланников вымысла вышлю повсюду...

• И, собрав сонмы воинов, кончу я пир,
И войска поведу завоевывать мир.

Мне слова станут латами — слой и на слое,
И короной стихов увенчаю чело я.

И, вскочив на коня, потяну за узду я,
И, сверкая доспехами, рать поведу я...

И, под стать Искандеру, возглавлю я рать: .
Буду войско беречь, супостатов — карать.

И, как он, путь пройду я по топи и суши,
Строй стихов проведу по морям и по суше.

И, перо направляя разбегом дерзанья,
О делах Искандера сложу я сказанье.

Работая таким образом, Навои завершает дастан «Стена Искандера», а тем самым и всю «Пятерицу» в 1485—в 890 году хиджры.

То, что это собрание дастанов, каждый из которых обрел громкую славу,— произведение поистине гигантское как по объему (54 тысячи строк), так и по своей идейно-художественной значимости, было создано в течение двух лет (а если считать только дни работы над ним, то всего за шесть месяцев),— оказалось неожиданным даже для самого автора и представляется подвигом, почти непосильным. Сам Навои указывает на две причины такого успеха:

Дал я в помощь «Смятенью» сердечное рвенье,
И людей всех пределов поверг я в смятенье.

•

И когда моя дума «Фархаду» внимала,
Прорубил я ущелий в утесах немало.

И когда я к «Меджнуну» направил раздумья,
Многих доблестных вверг я в пучину безумья.

«Семь планет» стал слагать я, и в самом начале
Семь небес меня славой высокой венчали.

Пламя огненных слов моих встало стеною —
И «Стена Искандера» построена мною...

Но сомненья в душе моей были жестоки.
Уж не слишком ли скоры свершения сроки?

Мудрецы, что слагали сказанья про это,
Посвящали трудам своим долгие лета.

Низами, муж безмерно великих познаний,
Чья искусность превыше всех мыслимых граней,—

Тайниками бесценных сокровищ владел он,
Превзошел разуменьем доступный предел он!

И когда он отшельником в давние годы
Претерпел и лишенья и злые невзгоды,

И открыл пять сокровищ ключом постиженья,
Сколько лет он еще посвятил им терпенья!..

А урок, данный тюрком индусским — Хосровом,
Кто над всею вселенною властвовал словом!

Все ему покорялось — твердыни и грады,
Все, что сказывал он, было слаще улады.

Сколько лет посвятил он сказаньям и сказам,
Сколь изысканным был его пламенный разум!

Сколько лет он трудился — ни смертью, ни вавесить:
Ну, не тридцать, а все же не меньше, чем десять...

И тебе сколько разных напастей досталось,
И неведомых людям несчастий досталось!

Ты над словом корпел от зари до заката,
Каждый миг сердце было печалью объято,

Ты не ведал покоя от склок и раздоров,
От пустых пересудов, от сплетен и споров,

И, хоть было твое испытанье сурово,
Как-никак, а два года ты сказывал слово.

И перо твою повесть свершеньем венчало,
И довел до конца ты благое начало.

И мужи разуменья, занявшись подсчетом
Всех часов, что ты отдал трудам и заботам,

Насчитают полгода — ни много, ни мало,
Как и это сказанье красой заблестало... (443—446).

Кладезь помыслов, данный в отраду тебе,
Даровал сам создатель в награду тебе.

И любой, у кого пронизательно око,
Сам увидит, что два в этом деле истока.

Первый — тот, что ты шел со смиренной мольбой:
Сень властителей тайны была над тобой.

Ты усердно и пылко свершал свое дело,
И от них тебе добрая помощь приспела.

И еще: если труд завершается в срок,
Значит, твой покровитель успеху помог...

Шах Гази — покровитель народа, властитель,
Он — опора всем подданным, мудрый правитель,—

Да умножит его благоденствие бог,—
Он величьем, как семь небосводов, высок.

Столь великих, как он, не бывало от века,
И деянья его — свыше сил человека!.. (453—454).

Завершив «Пятерицу», Навои ощущает, что сам он не в силах дать оценку своему труду, и хочет, чтобы он был оценен людьми сведущими и беспристрастными. Ибо поэт, по его собственному выражению, любит свое слово, точно родное дитя. Поэтому, не решаясь оценивать сам, он обращается к своему наставнику — Джамии, чье имя он не отваживается всякий раз произнести. Цитируем дастан «Стена Искандера»:

Вот, готовы стихи, а писались со спехом,
Да по-тюркски, — и как же не быть тут огрехам!

Как ты ни был усерден, а промахи есть;
И в слогах твоей речи запинок не счесть.

А напишешь — все будто бы ладно, толково, —
Не осудишь свое, сердцу близкое, слово!

Смотришь, стих — с перебоем, не плавно течет,
Ну а слово — свое, и ошибки — не в счет.

Слово — будто дитя, ненаглядное чадо,
Ну а милое чадо — для сердца отрада.

Как бы ни был детеныш уродлив и хил,
А душе человека он дорог и мил.

Хоть сычонок и страшен, — сычу — все едино:
Для него он красивей любого павлина!..

По тебе, твои речи достойны хвалы,
А другим, может статься, они не милы.

Что ж, решил я, пойду к моему пестуну я, —
Как оценит он труд мой, подумал, — взгляну я...

Преисполненный дум и тревог, я пошел,
И сомнений терпеть уж не мог я, — пошел.

И пришел я к тому, кто во всем мне — отрада, —
Поминать лишний раз его имя не надо.

И с мольбою к его я порогу припал —
К осененному тайной чертогу припал.

И достал «Пятерицу» я с сердцем смятенным,
И меня допустил он к послугам смиренным.

И смотрел он, лишь бегло листая листы,
Или все друг за другом читая листы.

И порой задавал он вопросы при этом,
И почтительно все разъяснял я ответом.

И — хвалил ли он, был ли пристрастен и строг,—
Я и доли обиды в душе не берег.

Его каждому слову душа была рада,
От него и хвалы и укоры — отрада.

В путях слов застревал он — моя же беда,—
Очи долу склонял я, горя от стыда.

А порой, словно сад, просветлялся он ликом,
Одобряя меня в милосердьи великом.

Даже небу во благо его похвала:
Хмурый полог уходит, высь неба светла! (446—448).

То, что создание Алишером Навои его «Пятерицы» — грандиозное событие литературной жизни своего времени, да и всей мировой литературы, первым осознал именно Джами. Вот что говорит он о «Пятерице» Навои в своем дастане «Книга мудрости Искандера» («Хирад-намеи Искандер»):

Джами! В трудах и муках многих лет
Ты «Пять сокровищ» произвел на свет.

И «Пятерица» пятернею стала,
Чьей силой кряжи гор в жгуты свивало!

И, кроме этой, бранный наш чертог
Немало «Пятериц» в казне сберег.

Их перлы — не затмить моим рубинам,
И сто моих — они затмят единым!

И все же лев десницей пятипалой
Льву из Гянджи урон нанес немалый:

Он звукам тюркских слов велел звучать,
Прижмнув к устам кудесника печась.

Его перо хвалимо небосклоном —
Хвала его узорам золоченым!

Разбег пера стал лучшей из подмог
Творцам персидских самоцветных строк:

Когда б оно персидский стих творило,
Какая с ним могла б сравниться сила?

Смогли бы разве вес его даров
Осилить Низами или Хосров?

Но в языках, где есть различье слога,
Красоты слов не соразмерить строго.

Да, речь твоя искусностью мудра:
Дано ей все открыть ключом пера.

И ты словам, сокрытым под покровом,
Забытым в заточении суровом,

Вернул свободу и потухший свет,
И внятен стал им гордый клич побед.

Ты светом мысли блеск сиянья дал им,
И небылое стало небылым! (53—55).

О том, какое впечатление «Пятерица» Навои произвела на современников и прежде всего на Хусейна Байкару, можно судить по следующему рассказу Васифи, приводимому в его сочинении «Удивительные события».

«Мавлана Мухаммед Бадахши рассказывает следующее. Когда Алишер, посвятив свою «Пятерицу» Хусейну Байкаре, поднес ее султану, тот сказал: «У нас с вами один спор остается неразрешенным уж сколько времени. Давайте-ка сегодня его разрешим». А спор был вот о чем. Султан Хусейн давно имел желание стать мюридом у Алишера и при обращении называл его: мой пир. Алишер же в ответ обычно говорил: «О аллах, о аллах, что это за слова! По сути мы — ваши мюриды, а вы для всех нас пир». Вот теперь сул-

тан Хусейн и спрашивает у него: «Что есть мюрид и что — пир?» Алишер отвечает: «Желание пира должно быть желанием мюрида». Тут Хусейн велит привести его белого коня. А конь был очень резвый, быстрый. Султан и говорит: «Если вы мюрид, а я пир, то я желаю, чтобы вы сели на него, а я бы вел его в поводу». Алишер поневоле был вынужден сесть на коня. Конь же такой был неукротимый — никому не позволял на себя садиться, кроме падишаха. Только Алишер ногу в стремя — конь на дыбы. Султан Хусейн прикрикнул на коня, и когда тот угомонился, он помог Алишеру сесть верхом. А когда Алишер уселся в седле, Хусейн взял коня под узцы и повел¹. Алишер даже сознание потерял. Так что его должны были снять с седла» (173).

Из всех бесчисленных оценок, данных «Пятерице» — первой на узбекском языке и доныне единственной, — самая верная и отчетливая принадлежит, должно быть, все-таки самому Навои. Свою «Пятерицу» поэт не считает исключительно достоянием тюркских народов. Оценивая свое произведение, он ставит его в один ряд с великими творениями мировой литературы.

По мнению самого Навои, его «Пятерица» представляет собой ценность в трех отношениях. Во-первых, пересказывая в ней различные легенды, поэт таким способом выражает мысли, весьма важные для своего времени (здесь и дальше до конца главы — выдержки из дастана «Смятение праведных»):

Смиренный, я к писанью шаг направил,
Свое перо в разбег я так направил,

Чтоб в описанье пыла вечной страсти²
Не быть у вздорных выдумок во власти.

Нет, дух мой был направлен к цели строгой,
А вымысел служил ему подмогой.

Но ясно: я творил привычным складом,
И вымысел стал истине нарядом. (97а).

---

¹ То есть поступил так, как надлежит мюриду.

² Это сказано по поводу дастана «Лейли и Меджнун», однако, без сомнения, имеет касательство ко всей «Пятерице».

Вторая благородная цель, которую преследовал Навои, создавая «Пятерицу», — дать тюркам крупное художественное произведение, чтобы читающие по-тюркски имели возможность наслаждаться высокими образцами изящной словесности:

И цель была такая. Все поэты,
В чьих дарованьях — высшие приметы!¹

И кто слагал такие же сказанья,
Узорчато вели повествованье.

И всех на свете слово их пленяло,
И пылом строк тьму душ людских пленяло.

И сердце персов тем речам внимало.
А тюркам в них услады было мало.

Певучий стих слагался речью ладной,
Понятной персам и для них усладной.

А я повел сказанье тюркским слогом
И в нем сумел поведать я о многом,

Чтоб стих гремел всесветною молвою,
А тюркам стал бы пользою живою:

Немало тюрков есть в земных просторах,
Понятливых и в разуменье скорых.

Плод невелик — печалиться не надо:
И добрый вкус — немалая услада! (96а—97б).

Мировую литературу Навои уподобляет крепости. Над скрытыми в ней сокровищами Низами воздвиг курганы, а Хосров Дехлеви вокруг курганов выстроил дворцы. Себя Навои образно именуется строителем — продолжателем дела великих предшественников:

Так побывал я в этом дальнем доле
И муки принял по своей же воле.

Но прежде, чем мечта мной овладела,
Я долго размышлял о сути дела.

¹ Имеются в виду предшественники — авторы «Пятерицы».

Я думал так: в Гяндже, где скрыты клады,
Курганов стройно высятся громады.

И волей сына Индии чертогам
Дано было взнестись в величье строгом.

Расти вокруг курганов стенам града,
Цвести вокруг чертогов рощам сада!

И я мечтал, подавшись сердца зову,
Садов и градов заложить основу,

И обнести чертоги райским садом,
И окружить курганы стройным градом (56а).

Таким образом, завершение «Пятерицы» явилось осуществлением этих целей, иначе говоря — внесением в сокровищницу мировой литературы значительного необходимого вклада.

Навои хорошо сознавал, что благодаря этому героическому деянию он навечно останется в одном ряду с величайшими классиками мировой литературы. Еще только приступая к созданию «Пятерицы», в начале дастана «Смятение праведных», Навои выражает следующие мысли по поводу собственного творчества (уподобляя четверем «элементам» действительности поэтов Низами, Хосрова, Джами и, наконец, себя, если считать его «Пятерицу» удавшейся):

Четыре дивных сути в кущах сада
Хранит стена — квадратная ограда.

Огонь, вода и воздух — радость мира,
Но без земли их силам было б сиро.

Тюльпаны, розы, пальмы любы взору,
Но для костра — сухие ветви впору.

Атлас, парча и шелк — кому что мило,
А псу нужна дерюга для подстила (86).

В классической литературе Востока пес, собака — существо самое презренное, но при этом и самое верное. Уподобляя себя псу, Навои углубляет этот образ

и свою судьбу сравнивает с судьбою собаки в знаменитой восточной легенде «Друзья пещеры». Суть легенды в следующем: трое людей высокого положения, испытывая отвращение к гнету, укрылись в пещере; с ними была собака, которая, преданно следуя за этими высоконравственными людьми, сама как бы вошла в их круг. Также и Навои намерен стать спутником Низами, Хосрова и Джами на их дороге «в пещеру вечной жизни»:

Великими ведóm, я был с удачей:
Во благо мне был поводок собачий.

Их путь лежал к великому свершенью —
Я поспешу за ними робкой тенью.

В пещеру вечной жизни путь им вёдом,—
Четвертым я пойду за ними следом (9а).

Создав «Пятерицу», Навои занял почетное место в одном ряду с великими, вступившими в эту «пещеру».

ЗИМА ВРЕМЕН ЖИЗНИ

ЕСЛИ ОПРЕДЕЛИТЬ ВРЕМЯ ОТ СОРОКА ПЯТИ (ЛЕТ) ДО ШЕСТИДЕСЯТИ — ЭТО ЗИМА ВРЕМЕН (ЖИЗНИ), КОГДА ЧЕЛОВЕК С СОГНУТЫМ СТАНОМ СВОИМ СТУПАЕТ НА ПУТЬ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ, ПРОЩАЕТСЯ С ЛЮДЬМИ ЕГО ВРЕМЕНИ (Навои. Сокровищница мыслей. Вступление).

1. В СТОРОНЕ ОТ ДВОРЦА ПАДИШАХА, НО...

Получив официальное освобождение от придворной службы в 1476 году, Навои после этого около шести лет жизни отдал строительству медресе, библиотек и лечебниц. В 1482—1485 годах работал над великою «Пятерницей» и однако при всем этом не стоял совершенно в стороне от государственных забот. В качестве советника постоянно участвовал в делах управления страной. Этого требовали как исторические условия, так и его собственная активная натура, наконец — те надежды, которые возлагались его друзьями на крупного государственного деятеля, на его авторитет.

В одном из писем Джами к Навои («Собрание писем») читаем: «После молитв, языком любви и близости заявляется следующее. Находясь вблизи султана — обладателя могущества (Хусейна Байкары), доводить обращения (его подданных) до его слуха есть великое благо. Благодарением за сие благо является каждое мгновенье расхотеть на улучшение состояния мусульман, отводить от мусульман гнет угнетателей и вред, какой могут нанести притязание охраняющих... Если вы, ощущая, что обязанность доводить обращения (подданных) до слуха государя тягосты для вашей утонченной натуры, вносит смятение в ваш благородный разум,— сопоставьте эту тягость с тою заботой о народе, которую вы на себя возлагаете,— разница окажется громадной. В ходе терпенья, с которым вы противостоите одолевающему ваше сознание смятению, вам остается счастье и благо. Ничтожный Абдурахман Джами».

Из сочинения «Удивительные события»: «Султан Хусейн определил к Алишеру человека в качестве слуги. Этот человек, что бы ни происходило в доме Алишера, тайком записывал и доносил шаху. Этого никто

не знал, однако Алишер догадывался благодаря своей проницательности.

Однажды некто принес Алишеру в подарок коран, лук (оружие) и голову сахара. Навои спросил этого человека: «Кто ты и с каким намерением пришел ко мне?» Тот ответил: «Я хочу служить у вас». Навои говорит: «Какую бы службу ты ни исполнял, ты не сможешь получить у меня больше пятисот монет. Давай-ка я укажу тебе способ быстро разбогатеть. Продай то, что ты мне принес, а на вырученные деньги купи раззолоченную одежду. Надень ее, выйди на главное место базара, как только пройдет какой-нибудь, нарядно одетый юноша, хватай его и кричи: «Тебя вызывает Ходжа Мухаммед Хаббаз¹, идем!» Бедняга к тебе в ноги повалится, станет умолять: отпусти, дескать, что дурного я тебе сделал. А ты стой на своем: «Я должен доставить тебя Хаббазу, таково повеленье — и за сим привет! Тогда юноша снимет с себя драгоценную свою одежду и отдаст тебе, будет просить, чтобы ты не отводил его к Ходже Хаббазу, не позорил перед людьми. Тут ты его отпусти, а одежду заberi себе. Вот тебе и добыча почти в сотню монет. Таким способом ты припугнешь в день пять красавцев, отберешь у них одежду и за один день заработаешь пятьсот монет, какие у меня получил бы за год».

Тот соглядатай записал этот разговор и слово в слово передал султану Хусейну.

Тогда Амир Мухаммед Вали-бек по поручению султана вызвал к себе Ходжу Мухаммеда Хаббаза, правившего в Герате именем Вали-бека, высыпал ему сотню палок и сказал: «Живо убирайся из Герата, иначе падишах повелит разорить тебя дотла!» Хаббаз, даже домой не заходя, убежал из Герата, так и сгинул без следа» (157—159).

Письмо Навои Хусейну Байкаре (из «Посланий»)²:

«От шаха был мне знак привета, вернули душу в тело мне:
Плоть омертвевшая согрета — жизнь отдана всецело мне.

Рабское (мое) сообщенье таково. В первый день месяца сафара поутру на мазаре Абульшуджа Анса-

¹ Временный правитель Герата.

² Год написания неизвестен.

ри, что в одном переходе от Нишапура в сторону Себзе-
вара, некий человек, прибывший пешком с севера, до-
ставил благословенное (ваше) послание, вызвавшее у
(меня) низжайшего чрезвычайную радость.

Бейт:

Лобзая землю, пал я ниц, рукой коснулся я бровей,
А то письмо поцеловав, сложил я на главе своей.

Бейт:

А то письмо в душе храню и гнет тоски безумной рушу,
И что хранит душа — письмо или алиф, проникший в душу?¹

Донесение было написано (нами) за день до этого
события и отправлено с Мавлана Гыясиддином Джала-
ли. Если он прибыл, да станет оно ведомо (вам). Таким
пожеланием завершается рабское послание в воскре-
сенье» (103).

Поздравление от Навои Хусейну Байкаре с Новым
годом (из «Посланий»):

«Как в начале каждого года золотой олень солнца
грациозно движется по цветнику на пастбище хамалья*,
так у сего солнца на небе властвования (т.е. у Хусейна
Байкары) да составят собрание олени на цветнике его
благородной весны. И как в каждую пору цветенья
украшающий ветерок рассвета убирает драгоценными
каплями росы ушко юной молодежи базилик, так да
узреем мы сей цветущий кипарис цветника владыче-
ства (Хусейна Байкары) в одеяньх луга»!²

Рабское донесенье мое таково. В царственном обра-
щении написано: «Столько времени прошло, почему не
пишешь письмá?» Что бы ни возникло в смятенном
сознании сего рассеянного состояния (Навои), (все) бу-
дет обращено внимать придворным слугам этого высо-
кого собрания; и какие бы знаки ни изображались в
заметках пера сего смятенного сознанием, они будут
согласовываться со счастливыми помыслами тех, кто
рядом с государем в этом благородном месте.

¹ Здесь поэт имеет в виду букву «а» (алиф) в середине слова
«джан» (душа).

² Новый год, по восточному солнечному календарю, начина-
ется весной — в марте-апреле.

Поневоле испытывается удовлетворение от молитв заглазных: да пребудет чистым сад жизни, да будут несравненны цветы замыслов в сем саду!» (105).

Письмо Навои к Ходже Шахабиддину Убайдуллаху, везиру султана Хусейна (приведено Хондемиром в сочинении «Добрые нравы»). (Оригинал на персидском языке. Приводим отрывок из письма. Ходжа Шахабиддин Убайдуллах — друг и единомышленник Алишера Навои):

«После завершения вожделенных приветов доводим до сведения, что для человека естественно любить достоинство и величие. В этом деле душа не вольна... Хотя человек высокопоставленный порою способен сдерживать себя разумом, все же опьянение рангом не оставляет его в покое... В общем каждый, в ком душа чиста и ум безгрешен, да не сделает себя безумным от такого опьянения, да не ввергнет себя в высокомерие и зазнайство. Да взглянется он в положение тех страждущих, кои испытывают угнетение... Да поправят они словами мягкими и милостивыми дела тех, кто беден и оказался в тяжелом положении. Да не огорчат словами суровыми сердца дервишей. Да будут они милостивы речами приветливыми для раненных тех, чьи сердца уязвлены... Да не одурманивают и не опьяняют себя вином высокомерия. Да не враждуют меж собой из-за дел мирских. Если выпадет им некое трудное дело, то да укроются они под сенью терпения и выдержки. Если в каком-либо деле советует падишах, пусть они не подают свои советы. Если же (их) совет соответствует установлениям бога¹, то пусть не приемлют (даже) вышеупомянутые советы падишаха, с мягкостью и мудростью доведут это до его сведенья и... добьются принятия (своих советов). Да соблюдают они способы поведения — молодым оказывать снисхождение, ровесникам — поддержку и помощь, старшим — почет и уважение. За сим — привет» (41—42).

Из сочинения «Удивительные события»: «Когда Хаджи Пир, бакавул* султана Хусейна, торопясь выходил из дома султана, ему встретился Алишер. Хаджи Пир сказал ему: «Господин, сегодня его величество

---

¹ Согласно представлениям Навои, это значит: соответствует законам справедливости.

падишах в своих беседах произнес странные слова относительно вас». Сказал это и сразу ушел. А в то время поползли слухи насчет того, что отношение шаха к Алишеру начало немного меняться. Поэтому Алишер встревожился — и бежать следом за Хаджи Пиром. Чуть ли не двадцать шагов бежал за ним: приближенные государя пугливы, ибо хорошо знают его нрав... После того Алишер бывал пред очами шаха, однако не видел никакого признака, который подтверждал бы его опасения. Порасспросив людей, он догадался, что Хаджи Пир грубо пошутил, — и решил отомстить ему. Год спустя, когда Хаджи Пир взял за обычай появляться перед жителями столицы с царской пышностью и великолепием, Алишер обратил на это внимание султана Хусейна. Разгневавшись, султан повелел четырем стражникам, именуемым «ангелами кары», предать разграблению и разорить Хаджи Пира» (294).

Из «Бабур-наме»: «Везиры (Хусейна Байкары). Одним из них был Мадждиддин Мухаммед. Он бы сыном Ходжи Пир Ахмеда Хани, единовластного дивана¹ Шахрух-мирзы. Сперва в диване² Султана Хусейн-мирзы не было должного порядка и лада. Были значительны растраты и мотовство: ни дехкане не были довольны, ни состоящие на службе у государя — удовлетворены.

В то время, когда Мадждиддин Мухаммед состоял в должности парваначи* и его называли Мирак, Мирзе (Хусейну Байкаре) понадобилось немного денег. Он потребовал у служащих дивана, но они ответили: «Денег нет, и найти невозможно». Присутствовавший при этом Мадждиддин Мухаммед улыбнулся. Мирза спросил о причине, и тогда тот, оставшись (с Мирзой) наедине, поведал, что было на сердце: «Если Мирза со мной заключает условие, руку мою сделает могущественной, не будет отступать от сказанного мной, я в короткий срок сделаю так, что страна станет процветать, дехкане будут благодарными, казна — полной, служащие государю — многочисленными». И Мирза заключил предложенное им (Мадждиддином) условие,

---

¹ Диван — в данном случае главный везир, первый министр.

² Здесь диван — управление государственными делами.

сделал его полновластным во всех краях Хорасана, все важные дела отдал под его ответственность. А он, по мере своих возможностей, в краткий срок сделал служащих государя и дехкан довольными и благодарными. В казну он также доставил много средств, страну сделал благоустроенной и процветающей. Однако он враждовал со всеми беками и должностными лицами, которых возглавлял Алишер-бек, по этой причине все они невзлюбили его» (239).

2. НОВЫЕ ЗАМЫСЛЫ

То, что зафиксировал Бабур,— возвышение Маджиддина, передача страны в его полное распоряжение — началось в 1487 году. А «Пятерица» была завершена в 1485-м. Чем же был занят Навои в те два-три года, что протекли между тем и другим?

Прежде всего он в качестве советника принимал участие во всех государственных делах султана Хусейна; когда султан предпринимал ратный поход — часто отправлялся вместе с ним либо оставался управлять Гератом.

Наряду с этим, Навои строил новые грандиозные творческие планы, приступал к их осуществлению.

Один из таких планов — собрать свои стихи, составить поэтический диван. Сам Хусейн Байкара уже долгое время призывал Навои сделать это. Еще в первый год, когда его друг завладел престолом, Навои получил от него приказ — собрать свои стихи. Так и появился на свет диван «Чудеса начинаний» («Бадаеул-бидая») — первый из составленных самим Навои. Во «Вступлении» к нему поэт вспоминает о призыве со стороны султана Хусейна (оно вошло в диван Навои «Полезные советы старости» в качестве приложения):

Он говорил о том стократ спокойным уговором мне,
И шаха милостивый взгляд суровым был укором мне.

И в этом состоянии:

Гонец принес мне весть — приветный зов:
«О ты, ловец сказаний в море слов!

Ты в странах красноречия — глава,
Владыки всех земель — твои слова...

Моею благосклонностью храним,
Дарил ты жизнь творениям своим.

И ныне мой призыв тебя влечет
Собрать твои стихи в единый свод.

Кто дал дар жизни многим сыновьям,
Достоин знать почет от них и сам.

Не нам велит ли перст благих времен
Послать их в страны всех земных сторон?

Сбери их по обычаю отцов,—
Зовет детей родимый отчий кров.

Сбери бездомных, страждущих от мук
Своих детей и наших верных слуг.

К страдальцам состраданьем мы щедры,
И если ты не добр, то мы — добры.

Указ мой ясен — смело начинай,
Без промедленья дело начинай?

Трудись без передышки — каждый миг,—
Вот мое слово, и — аллах велик! (462—463).

Однако после приказа и советов султана Хусейна Навои все-таки не берется немедленно за составление дивана. Ибо это — не только собирание стихов существующих, но и создание новых. Приступая к новому, тяжкому труду, поэт испытывает сомненья, замешательство: достанет ли сил, вдохновенья?

Сложил он животворный стих, но грустен Навои:
Что ж — не от песен ли своих страдают соловьи?

Так вопрошает внушающий страх голос наставника мудрости. И отвечает проявление рассудка:

О ты, что означает этот стон,—
Чем ты сражен, чем насмерть сокрушен?

Кто без трудов достичь покоя смог,
Без пыла сердца кто огонь зажег?

Зарыл зерно — взойдет побег цветка,
Ценою жизни черви ткнут шелка.

Ужель тебе и с малое зерно
Или с личинку силы не дано?..

Дала надежду мне благая весть,
И понял я, что в сердце силы есть...

И, поощрен к письму, перо я вел
И буквы, чинным строим строя, вел.

И сор собирать — как будто лишний труд,
А ведь, глядишь, и жемчуг в нем найдут!

И степь уединенья не худа,
Когда под ней живая есть вода! (454—460).

В результате большой поэтический диван был составлен¹.

После создания «Пятерицы» (или в процессе ее написания) Навои составил свой второй диван «Редчайшие стихотворения» («Наводирун-нихая»). В него также вошли многие новые произведения поэта².

Приведя в порядок эти два дивана, Навои свою творческую деятельность на поприще поэзии счел в основном завершённой³ и перешел на прозу. Он написал «Историю властителей Аджамы». В «Суждении о двух языках» поэт говорит: «Когда я обрел успокоение от создания этой «Пятерицы», то коня моего воображения направил в степь летописания деяний правителей; когда я из мрака темноты письмен вывел «Зубудатут-таварих» («Сливки хроник»)⁴, то их живою водой воскресил умершие имена властителей» (120).

¹ Год составления дивана «Удивительные события» в точности не установлен. Согласно подсчетам проф. Х. Сулейманова, в этот диван вошло 1022 поэтических произведения Навои (газелей, мустазадов и т.п. лирических произведений).

² Всего 693 стихотворения.

³ Позже он отказался от этой мысли и составил новый, капитальный диван «Сокровищница мыслей» («Четыре дивана» — «Чар-диван»).

⁴ Это — другое наименование «Истории властителей Аджамы» и «Истории пророков и мудрецов», взятых вместе.

Главный идейный пафос «Истории властителей Аджамы» — восхваление справедливых государей и призыв к властителям, современникам автора, брать с них пример. Навои верит, что в истории человечества были такие властители и нужно при помощи «живой воды» оживить их имена, заставить их послужить как своей эпохе, так и грядущему. В своем новом произведении он указывает, какими качествами должен обладать идеальный властитель, считает, что этими качествами обладает султан Хусейн, и выражает надежду написать историю его правления:

Кто б ни был — Яздиджурд ли, Шахрияр
Бахман ли, или сам Исфендияр¹, —

В обитель бытия направив путь,
Им не дано конца пути минуть.

Как Искандер, они весь мир прошли
И властвовали в странах всей земли:

Все девять сфер небесных — их страна,
Следы коней их — солнце и луна!

А вот — ушли, и нет от них следа,
И помыслы их знать — что за нужда?

И, если шаху дан судьбой венец,
Понятье да внушит ему творец,

Что вечны мы не будем — не дано,
Что вечной жизни людям не дано!

Величьем да не льстятся их сердца,
Да чтут они веления творца!

И власть их, справедливостью светла,
Да поведет войска на силы зла...

Да будет шах в величии своем
Обличьем властен — скромн естеством...

---

¹ Властители Ирана (первый известен также под именем Ездигерд), реально существовавшие либо мифические.

Но из владык делам благой стези
От века верен только Шах Гази.

Где беспримерный дарит нам пример
Султан Хусейн — безмерны блага мер!

О шах! Величье власти ты хранишь,
Обличьем шах ты — сущностью дервиш.

Мне описать вовеки не дано
Из тысяч его качеств хоть одно...

Но я таю надежду: если бог .
Продлит моей смиренной жизни срок,

Я в летопись твоих чудесных дел
Вписать свою страницу бы хотел,—

Все описать — все славные дела,
И тайные и явные дела!

Я в тайны бы всех дел его проник —
С рожденья и по сей счастливый миг (235—237).

Однако этому замыслу поэта не суждено было осуществиться, ибо уже в этот период начали выявляться противоречия между феодалом — султаном Хусейном и Алишером — мыслителем-гуманистом.

3. ПЕРВАЯ ТРЕЩИНА В ДРУЖБЕ. АСТРАБАД

В своем труде «Сады наслаждения» Мирхонд и Хондемир свидетельствуют:

«В году 892-м хиджры¹ зимой высокостепенный хан (султан Хусейн) повелел зимовать в Мерве. Хакан выразил требование, чтобы Амир Могол, правивший в Астрабаде, явился на службу шаху, а в ранг правителя Астрабада — града победы² — был бы возведен Амир Алишер. Когда султан Хусейн впервые повел об этом речь, Алишер не сказал, примет ли он сие повеление. После долгих настояний султана он согласился

¹ Год 1487-й, приводим в сокращении.

² Так называли Астрабад вследствие того, что именно там Хусейн Байкара впервые завладел престолом.

и, из числа придворных падишаха, взяв с собой амира Баба Али и амира Бадриддина, отправился в Астрабад. Местный правитель и видные люди Астрабада с радостью встретили его. Алишер выказал почтение туркменскому властителю Якуб-беку, направил ему многие дары. Затем Алишер приступил к справедливому управлению Астрабадом.

Тою же зимой султан Хусейн опять возвысил Мадждиддина Мухаммеда до степени везира. Подробности сего события следующие. За девять лет до того стараниями Ходжи Низамульмулька Мухаммеда и Ходжи Афзалиддина Мухаммеда¹ Мадждиддин был снят с должности и отстранен от важных дел султана. Тогда же султан Хусейн, испытывая приязнь к амиру Мадждиддину, хотел снова повесить его в должности, однако Алишер с этим не согласился и дела государства остались во власти Низамульмулька и Афзалиддина. После того как Алишер отправился в Астрабад, султан опять вознамеревался возвести Мадждиддина в высокий ранг. Случайно произошло следующее событие. Однажды, когда Мадждиддин находился вблизи трона султана Хусейна, султан обратился к Низамульмульку и Афзалиддину, сказал, что для некоего важного дела требуются деньги — два тумана кепаки и пусть они эти деньги доставят. Оба везира вышли, не дав должного ответа на сию просьбу. Ходжа Мадждиддин Мухаммед с поклоном проговорил: если б, мол, я был на месте этих везиров, то отыскал бы и представил не два тумана, а целых двести туманов. После этого султан сказал, что все свое великодушие обратит на Мадждиддина, и велел написать указ, чтобы только Мадждиддину были поручены все важные дела государства.

Весной этого года султан возвратился в Герат, Ходжа Афзалиддин понимал, что теперь Мадждиддин станет на путь мести. Будто стрела из лука, помчался он в Астрабад под предлогом, якобы, того, чтобы привезти собираемые деньги.

Мадждиддин Мухаммед, заковав в цепи тех, кто был в силе, когда авторитет и влияние Ходжи Низамульмулька стояли высоко, принялся отнимать у них богатства. Таким образом, за короткий срок в султан-

---

¹ Оба — сторонники Навои.

скую казну поступило две тысячи туманов. Мадждиддин Мухаммед с утра до ночи энергично действовал в султанском диване, а по вечерам устраивал увеселения, его дастархан был открыт для каждого. Людей, приближенных к султану, он беззастенчиво подвергал насмешкам и унижениям. За это те, кто состоял в окружении султана, воспылали к нему ненавистью и ждали случая, чтобы отомстить.

Ходжа Афзалиддин, проведя несколько месяцев с Алишером, отправился в паломничество, так и не вернувшись в Герат, потому что Алишер не советовал, зная: если Афзалиддин вернется в Герат, то не минует мести со стороны Мадждиддина» (126—157).

Из «Собрания избранных» Навои: «Ходжа Афзал... Около пятнадцати лет диван везиров на службе у его величества султана Сахибкырана был в его власти. Во время смуты Мадждиддина Мухаммеда не осталось человека, чье положение не ухудшилось бы, государю донесли на него (Афзала), и он был вынужден покинуть страну» (162—163).

Письмо от Джами к Навои в Астрабад (из «Собрания писем»): «Благословенно ступающий вестник минувшим днем доставил послание от предмета моей гордости (Навои). Когда я прочел его сначала до конца, оно пришлось мне по нраву и я опять начал сначала. Это посланье было прекрасным узором мускуса, пролившимся от капли с мускусного пера приятного обхождения. Или же то была бумага, проливающая целительное снадобье в тех, чьи сердца ранены вследствие разлуки. Время, когда прибыло сие посланье, сделалось для меня одним из драгоценнейших часов. Как будто приспело приятнейшее яство тому, кто в год засушливого голодания оставался в разлуке и кто без пищи скитался в степи вожделения. От послания простекло сердцу устремление, плоти — могущество, а душа им насытилась. Ласка и любезность, а также благорасположение, ставшие явными из смысла послания, выветрили прочь надломленность сердца, неудовлетворенность, тоску страстного ожидания. Разлука — это по внешнему виду отдаленность, а по сути — друг от друга разрознение. Надежда наша в том, что сия разлука также выветрится. Да будут дни и часы расходоваться для возвращения блаженства! Да ослеп-

нут очи несчастий и бедствий! Ничтожный Абдурахман Джами».

Из книги «Сады наслаждения»: «Амир Алишер, проведя год правителем Астрабада, прибыл в Герат и попросил назначить в Астрабад правителем кого-либо другого, а его оставить в столице. Султан с этим не согласился и дал разрешение вернуться в Астрабад» (133).

Из сочинения «Добрые нравы»: «Некоторое время город Астрабад, под справедливой сенью Амира (Алишера) был процветающим и благоустроенным. Однажды произошли различные изменения в погоде. Амир сказал находившимся при нем некоторым знатным людям вилайета: «Сегодня в погоде произошли любопытные перемены». Один из них дал ответ: «Одно из добрых качеств нашего города таково, что в нем за один день может проявиться погода всех четырех сезонов». Вельможный его высокая светлость сказал: «Верно. В этом городе один день проходит как целый год» (63).

Письмо Навои Хусейну Байкаре (из «Писем»):

«Рабское обращение мое следующее: несколько слов пришло на ум, представилось необходимым обратиться. Во-первых, совершить все, что надлежит, пробудившись поутру, сотворить намаз...

Еще следующее. Выйдя из гарема, заседать в диване, выпрашивать дадхаха*, при этом решать дела. Если угнетаемый подвергается притеснению со стороны кого-либо, то по отношению к притеснителю применить такую кару, чтобы сие послужило назиданием для прочих притеснителей.

Еще следующее. Завершив дела с жалобами и отдав пищи, заседать в специально отведенном закрытом приемном помещении, где собрать государственных чиновников и обсудить дела страны и имущественные споры самому (султану) добраться до сути дела...

И вот еще что. Когда государственным чиновникам поручаются дела, которые могут быть исполнены в два или три дня, — надо установить такой порядок: чтобы об исполнении поручения докладывали в тот же день и получали дальнейшие указания. Дела же, исполнение которых требует более длительного срока, (тоже) должны быть исполнены без опоздания. В та-

ких случаях об исполненной части работы должны докладывать в тот же день. Если же, нарушив порядок, дела будут отклонены и об этом не будет доложено, то исполнителям необходимо делать указания, чтобы они не забывали о своих обязанностях.

И еще вот что. Будем надеяться, что всевышний удержит вас от винопития. Во всех таких случаях надо остерегаться винопития. Еще лучше, если каждый отклонит винопитие.

И еще вот что. После разбора дел по стране и по имуществу и освобождения от разбора всех дел, если останется время для досуга, то хорошо было бы пойти в библиотеку, побеседовать с ее служителями. Просить достойных помощников почитать вслух государю исторические труды, в особенности «Зафар-наме»¹.

И еще вот что. Необходимо послать в Ирак умных и проникательных людей и быть всегда осведомленными в делах той страны...

И еще вот что. Обязать беков дивана, чтобы они один день сидели в диване и разбирали дела мусульман и дела одного дня не переносили на другой день. Кроме того, чтобы они отправляли чиновников (на места) для разбора дел народа, сами занимались этими делами и обо всем, что не смогли решить сами, докладывали (государю) и получали от него дальнейшие распоряжения.

И еще вот что. Устраивая собрание, не следует проявлять алчность в винопитии. Если же кое-когда случается что-либо непотребное, то приближенным следует совершенно не допускать в собрание неприглашенных, быть твердыми в соблюдении должного порядка.

Еще следующее... У пограничных врат необходимо ставить людей столь надежных, чтобы в их отношении быть абсолютно спокойным и тем укреплять и упрочивать врата.

И еще вот что. Чиновникам дивана следует наказывать, чтобы интересам приходящих извне торговцев не чинилось никакого вреда. Чтобы в вилайетах их не облагали пошлинами. Чтобы сборщики налога взымали с них налог на имущество согласно установленьям

---

¹ «Зафар-наме» — труд знаменитого историка Шарафиддина Али Йезди, где описываются военные походы Тимура.

шариата и закона. И пусть те, кто надзирает за сборщиками налогов, проверяют их и докладывают ежемесячно, а то и еженедельно. Тех, кто совершает малую провинность, нет нужды подвергать строгому наказанию, так чтобы весть об этом разнеслась по странам света и прибытие торговцев участилось» (129—133).

(Судя по содержанию, это — письмо из Астрабада. Находясь в Герате, Навои, очевидно, не испытывал необходимости писать письма, содержащие те или иные вопросы относительно управления страной. Среди исследователей жизни и творчества поэта существует также мнение, что это письмо от Навои не к Хусейну Байкаре, а к его старшему сыну Бадиуззаману, правившему в Астрабаде, Балхе и Ираке. Такое мнение, в частности, высказал член-корреспондент Академии наук Азербайджана Гамид Араслы на состоявшейся в феврале 1970 года конференции, посвященной Навои. В том и другом случае оно сохраняет ценность благодаря тому, что выражает взгляды Навои относительно управления государством. Письмо нами здесь приводится в сокращении).

Во время нахождения Навои в Астрабаде произошло событие, о котором до нас дошли самые противоречивые сведения. Речь идет о попытке отравления Навои. При всей противоречивости сведений об этом событии не трудно понять, что попытка отравления Навои имела место и что она была организована противниками Навои — Мадждиддином и другими без ведома Хусейна Байкары. Слухи об этой злостной попытке были опровергнуты (если судить по сообщениям современников Навои), эти слухи были опровергнуты и самим Навои. Но это опровержение приняло неожиданный и весьма неприятный для Навои оборот: виновный в распространении слухов о попытке отравления Навои брат поэта Хайдар был закован в колодку, и потребовалось вмешательство Джами, чтобы облегчить участь Хайдара. Причем в своем письме на имя Хусейна Байкары Джами свою просьбу об освобождении Хайдара подкрепляет ссылкой на просьбу Навои о том же. Вот документы, касающиеся этого события:

Из книги «Сады наслаждения»: «Алишер еще несколько месяцев провел в Астрабаде и однажды на-

правил в Герат к государю своего сводного младшего брата Хайдара. Тот был человеком донельзя взбалмошным, одержимым. В пьяном виде он говорил, что будто приближенные государя велели повару подложить яд в пищу Алишеру и государь также об этом осведомлен. По этой причине Алишер якобы замышляет мятеж. Султан Хусейн спешно направил в Астрабад письмо, в котором уверял Алишера, что «в его благословенное сознание абсолютно не проникало подобного рода намеренье» и что все толки об этом — вздор.

Навои сразу же приехал в Герат, предстал пред очи государя и заявил, что все, сказанное Хайдаром, ложь и клевет. Хайдар был закован в колодку.

После сего Навои по его настоятельной просьбе был оставлен в Герате. Он получил дозволение государя не занимать никакой должности. Ему было присвоено звание «приближенный его величества султана».¹

Маджиддин снова примирился с Низамульмульком и передал ему правление, однако взял с него обещание, что тот ничего не будет против него предпринимать» (131—135).

Письмо султану Хусейну от Джами (из «Собрания писем»): «... Из-за сведений, доставленных дурными людьми, эмир Хайдар взят под стражу. Ныне обстоятельства разъяснились, стало очевидно, что по отношению к упомянутому лицу допущена несправедливость. Влиятельные люди, в их числе следует считать правителя Астрабада², домогаются оправдания Хайдара и освобождения из-под стражи...»

Вынужденная поездка в Астрабад и последующие события произвели на Навои чрезвычайно сильное впечатление. В одном из своих стихотворных посланий он говорит, что два года провел в печали и разлуке с возлюбленной, причем в эти два года каждое мгновение равнялось двум годам. Это письмо, полное намеков на политические события того времени, повествует о бед-

---

¹ В указе Хусейна Байкары, выпущенном по данному поводу, говорится, что Навои был направлен в Астрабад вследствие допущенных им «некоторых изъянов», и ныне все призываются оказывать ему почет выше прежнего. (См.: Муншаоти Мавлана Юсуфи (Письма Мавлана Юсуфа). Рукописн. фонд Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, инвентарн. № 286).

² По-видимому, Навои,

ствиях, перенесенных поэтом и завершившихся тем, что властитель дозволил ему свиданье с собой. Содержание этого произведения, которое Навои включил в книгу «Полезные советы старости» («Фавоидул-кибар») — собрание стихов, написанных главным образом в преклонном возрасте, — не оставляет сомнения в том, что оно было написано после возвращения из Астрабада. Современного читателя не должно удивлять содержащееся здесь упоминание «возлюбленной»: в поэзии XV века этим словом обозначался любимый, желанный человек, независимо от пола, существо реальное либо мифическое и даже бог. Согласно этой традиции, Навои в своем стихотворном послании в образе «возлюбленной» обращается к султану Хусейну Байкаре. Современный читатель должен учитывать также, что Навои сохраняет в своем стихотворном послании «к любимой» почти самоуничижающий тон разговора поэта с предметом своей любви, характерным для поэзии его времени: это только общепринятая поэтическая условность, и она отнюдь не свидетельствует о том, что поэт Навои унижается перед царем Хусейном.

О виночерпий, дай вина любви,—
С рожденья радость мне дана любви¹.

Едва вино к устам мы поднесем,
Сток тела занимается огнем.

Пыланью страсти я себя предам,
И пламя мук дарует речь устам;

«О что со мной? Мной овладела страсть,
Сжигает душу, губит тело страсть!

Жесток кумир мой, в сердце нет уж сил:
От мук любви я сам себе постыл.

С моим кумиром встречи страстно жду;
Безумьем одержим, томлюсь в бреду.

Когда безумным пылом пышет речь,
Возможно ль тайны сердца уберечь?

---

¹ Это образное отражение того автобиографического факта, что Алишер с детских лет был дружен с Хусейном Байкарой.

Его — сердечным другом я избрал —
Подмогой всем недугам я избрал!»

И, если не стерпев жестоких мук,
Я этим стоном выдам себя вдруг,—

О, лучше б я смолчал, душой скорбя:
Негожим словом предал я себя!

Страдания терзают мою плоть,
Душе — безумных мук не побороть.

Меч бедствий на меня обрушил рок
И от людских обид страдать обрек.

И каждый друг, чьей дружбе был я рад,
Теперь мне — враг и лютей супостат.

Шипами бед язвят чужой и свой,
Свистит каменье град над головой.

Кто посильней — заносит меч обид,
Кто послабей — иголками язвит.

Я потерял рассудок, сбился с ног,
И, близок к смерти, духом изнемог.

В страданиях, в безысходном горе я,
В недугах, в беспредельной хвори я:

И телом я сто мук и бед терплю,
Да и душой стократный вред терплю.

Знать, подступила смерть ко мне не зря:
Извернулись во мне все лекаря! (431—432).

Далее Навои вопрошает, имея в виду султана Хусейна: «Но я не знаю, кто теперь при нем?» Это, вероятно, отражение того факта, что несмотря на присвоение поэту высокого звания «приближенного его величества султана», после возвращения в Герат в отношениях между ним и Хусейном не стало прежней теплоты, друзья больше не встречались столь часто как бывало;

Отчаялся я, жизнь свою кляня,
Но шах мне подал весть и спас меня.

И в этом слове силы я обрел,
Спасенье от могилы я обрел.

Ждал горемыку столь счастливый рок,
Что я и помышлять о нем не мог.

Из всех людей, кто был вокруг меня,
Никто не спас, как добрый друг, меня!¹

Лишь он один участвием своим
Помог в беде несчастиям моим.

Кто ж, как не он, подумал обо мне,
Когда от муки я сгорал в огне?

Один в тиши от муки я страдал,
От горестей разлуки я страдал.

«Немилость я разрушу», — он решил,
Вернуть мне в тело душу он решил.

Два года длился плен моих невзгод,
А мне и каждый миг был — словно год².

Его письмо спасло меня от бед:
Вернулся к розе ее пышный цвет.

Теперь, участлив, добр, хоть иногда
Проведает он, в чем моя беда.

Но я не знаю, кто теперь при нем —
С кем делится он дружбой и вином.

С кем он вкушает хмель дневной поры,
Кого сзывает ночью на пиры?

Кому печаль неведенья дана,
Тот — словно охмелевший от вина! (432—433).

---

¹ Далее речь идет о Хусейне Байкаре.

² Вспомним слова Навои о том, что в Астрабаде для него день был равен году.

Даже после того, как Навои вернулся в Герат, не улеглись толки сожаления по поводу его высылки в Астрабад.

В книге «Сады наслаждения» читаем: «Правитель Балха Дервиш Али, единокровный младший брат Алишера, выступил против Хусейна Байкары: он был недоволен тем, что Навои устранили от дел правления, подвергли притеснениям, и опасался, что с ним поступят так же. Он потребовал от султана, чтобы тот отнял у Маджиддина бразды правления, и намекнул, что в противном случае, поднимет мятеж. Маджиддин был удален от дворца. Таким образом, после трех лет правления¹ Маджиддин был снят с должности, управление страной вновь было поручено Низамульмульку. Маджиддин в 899 (1493—1494) году отправился в хадж и по дороге скончался» (143—165).

В связи с этими событиями надлежит привлечь внимание читателя к следующему вопросу.

Факты, приводимые в исторических источниках, со всей определенностью свидетельствуют, что направление Алишера в Астрабад было по существу «почетною» ссылкой. На основе этих фактов В. В. Бартольд в 1928 году в своем труде «Мир Али-Шир и политическая жизнь» пришел к выводу, что Навои был направлен в Астрабад из-за того, что Хусейн Байкара охладел к нему и проявил склонность к Маджиддину Мухаммеду; годы 1487—1894 автор считает периодом, когда благорасположение султана Хусейна к поэту исчезло и влияние самого Навои ослабло. В трактовке В. В. Бартольда направление Алишера в Астрабад — ссылка, изгнание. В последнее время предпринимаются попытки представить эту точку зрения В. В. Бартольда ошибочной (см. например, комментарии к названному сочинению Бартольда.² Факты, однако, подтверждают правоту мнения В. В. Бартольда.

---

¹ Следовательно, в 1480 году. Как указывает Васифи, Маджиддин был уволен с должности не тогда, а позднее — зимой 1492/93 года (см.: Волдырев А. Н. Алишер Навои в рассказах современников. В кн.: Алишер Навои. Сб. статей. М.—Л., 1963, с. 132).

² Академик В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2-я. М., 1964, с. 241, см. также: Исследования по истории культуры народов Востока, М.—Л., 1960, с. 237—249.

Ю. Э. Брегель основывается на статье А. А. Семенова «Взаимоотношения Алишера Навои и султана Хусейн-мирзы». Однако следует принять во внимание, во-первых, то, что А. А. Семенов свою статью не завершил и при жизни ее не публиковал. Во-вторых, А. А. Семенов выступал против того, чтобы отношения между Хусейном Байкарой и Навои представлять всегда, с начала до конца плохими, изображать их как борьбу между невежественным шахом-угнетателем и прогрессивным поэтом, и тут он прав; однако выдвигаемое им предположение о том, что отношения Навои и султана Хусейна оставались неизменно гладкими, дружественными, что Навои был направлен в Астрабад как бы с целью того, чтобы еще более повысить его ранг,— такое предположение противоречит историческим фактам.

Вообще было бы неправильным удивляться непостоянству, вероломству в натуре властителей эпохи феодализма: они то возвышали человека, то попирали его исключительно ради упрочения собственного господства. И, конечно, нет оснований считать султана Хусейна Байкару исключением из этого правила. Наоборот, астрабадские события и то, что современники (к примеру, Дервиш Али) считали их неуважением по отношению к Навои, сверх чего-то, что Навои до конца жизни испытал со стороны султана еще ряд притеснений, знаков вероломства,— все это доказывает: Хусейн Байкара был человек одаренный, умный, однако при случае не гнушавшийся корыстолюбия и хитрости, то есть, в этом отношении — типичный властитель феодальной эпохи. Рядом с ним Навои выделяется своей глубоко органичной человечностью, стремлением к справедливости.

Упомянутые глубоко отрицательные стороны натуры властителей феодальной эпохи подмечали и изображали некоторые писатели того времени. К примеру, как указывает Бабур, талантливый поэт Хилали, современник Навои, написал дастан «Шах и дервиш», в котором представил дершива влюбленным, а шаха — возлюбленную дервиша: «Из бейтов, повествующих о словах и поступках шаха, следует, что шах выведен блудницей и распутницей» («Бабур-наме», 244).

Подобное непостоянство, хитрость и бесстыдство в натуре властителей сам Навои открыто и четко представил в ряде своих стихотворений. Вот одно из его рубаи (написанное, по-видимому, в период правления султана Абусанда), из дивана «Редкости юности» («Наводируш шабоб»):

Шах — что дракон, дрожащий над казной
И пламя изрыгающий из зёва.
Ждать милостей его — удел дурной:
Чудовище весь мир сожрать готово! (413).

В дастане «Смятение праведных» Навои откровенно и в резкой форме предостерегает человека от опасностей, которые грозят на придворной службе, советует избегать ее. (Если вспомнить, что написано это было в то время, когда Навои сам был придворным, приближенный султана, то мы должны воздать хвалу отваге и правдолюбию великого поэта):

Когда тебя круговращеньем рока
На службе шаху вознесло высоко,

Любезных сердцу пиршеств и веселий
Ты должен избегать — для высших целей.

Нарыв повязан — гной слегка сдержало,
Где сладок мед, там скрыто злое жало.

Увидишь розу — сто колючек рядом,
И горечь бед дано рождать усладам.

Дитя красе змеиной шкурки радо, —
Не ведает смертельной силы яда.

В глубинах вод жемчужина блеснула.
А рядом — крокодил или акула.

Знай, служба шаху — путь ко многим бедам:
За радостью идут печали следом.

Чем дальше от нее — тем больше прока,
Всего ж мудрее — быть совсем далеко (82—83).

В приводимой ниже газели (из дивана «Полезные советы старости»), очевидно, запечатлелось душевное

состояние поэта в тот период, когда он был удален от царского двора. Как и во многих произведениях здесь «друг», «кумир» — султан Хусейн Байкара:

О, пусть от друга сердца вам обиды никогда не будет,
Беды такой, как у меня, — всесветного стыда не будет!

Сражен враждебною молвой, уйду скитаться я по свету:
Пусть и кумира моего порочить та вражда не будет!

О, покарай меня, творец, жестокой, нестерпимой мукой, —
Тогда к обидчику любовь ни в ком уже тверда не будет.

Я умер — горю не помочь, но вас, влюбленные, прошу я:
Пусть вам смертельная печаль — скорбь обо мне чужда
не будет!

Не тщишь учаством укреплять, приятель, сломленное сердце:
Она лишь сокрушает нас, — пусть от него вреда не будет!

О, ветер, донеси мой стон до пира, где кумир мой весел, —
Пусть в чаше хмеля для него услады и следа не будет.

И ты был счастлив, Навои, но вот — отогнан от порога:
Пусть мимолетным торжеством ничья душа горда не будет! (343).

В другой газели, из того же собрания¹, поэт с еще большею прямою указывает на причины разлада с властителем, обличает тех, кто этому разладу способствовал:

Друг сердца с верными суров: обидам верен и укорам,
Он за смиренную мольбу клеймит покорного позором.

И тот, кто преданной душой мечтал о благах единенья,
Окручен путами измен и отдан в плен пустым раздорам.

А супостаты да враги стократ безвинно оклеветают —
Сынов безрадостной судьбы ославят злым оговором.

И если б сам судил — ну что ж: по прегрешеньям и возмездье,
А то беда, что судит враг судом неправедным и скорым.

---

¹ Известно, что в поэтический диван «Полезные советы старости» вошли произведения, которые Навои создал как в среднем, так и в преклонном возрасте.

Пусть сам убьет своей рукой — я не страшусь, но вот несчастье:
Врагами попранный во прах, я — жертва их жестоким сворам,

А если роза неверна, увы, напрасны все старанья:
Мне птицу сердца не сдержать — она летит к иным просторам.

Судьбой согнуло, словно лук, хребты, что были будто стрелы,—
Шах на кривых от кривды душ взирает благосклонным взором!

И смерть настигла б Навои, когда бы не было надежды,—
Тоска изгнанья — что ни миг — грозит сгубить его измором.

Письмо Навои одному из своих друзей, вероятно
Амиру Сухейли (из собрания «Письма»):

«Огонь моих пламенных стонов на небо взлетает в разлуке,
Но что, если, друга не тронув, бесследно пройдут мои муки?

После смиренных молитв обращение мое таково.
Благодаря сему дружественному посланию вы вспомнили о рабе вашем и это очень порадовало (нас). Все-вышний бог да умножит ваше благосостояние, и жизнь ваша да будет долгой!

Ты весть прислал — и нет забот,— из тысяч я одну сберег:
Дай бог тебе за каждый год прожить тысячелетний срок!

Вы написали: «Я плачу, вспоминая смиренного раба (Навои) в окружении Мирзы (Хусейна Байкары)». С тем, что вы вспоминаете, я мирюсь, с тем, что плачете,— нет.

Не сетуй, что со мной в разлуке ты от тоски привык рыдать,—
Утешься, что в такой же муке мой жребий — каждый миг
рыдать!

Благополучие (ваше) да пребудет долгим, благоденствие — вечным!» (136—137).

Приводимая ниже газель (из дивана «Чудеса детства»¹) также, по-видимому, выражает настроение поэ-

---

¹ Включение этой газели в первый диван не свидетельствует, что она была написана Алишером в отроческие годы, поскольку в диванах (в «Сокровищнице мыслей») твердый хронологический порядок отсутствует,

та в период охлаждения его дружбы с султаном Хусейном:

О, мне бы крылья! Ввысь взлетев, летел бы вдаль, людей забыв,
Сгорели б крылья — побежал, подальше, прочь — пока я жив!

О, я покинул бы сей мир, и пусть не дан мне дар Исы*, —
Мне вместо крыльев — пыл души и одиноких дум порыв.

Увы, союз с людьми — тщета: я, пленник тысячи скорбей,
Готов единожды спастись, тысячекратно жизнь сгубив!

От друга — тысяча обид, и сотни бедствий от врагов,
И — за себя жестокий стыд, и — гнет людской несправедлив.

Мне — не смотреть бы на людей, а растворить бы чернь зрачков,
Чтоб черной вязью тех чернил вести моих скорбей извив!

Для птицы сердца моего мал птицы Анко дальний путь:
Я тверд душой, что Каф-гора, и дух мой тверд и терпелив.

Когда б не шахской дружбы плен, как Навои на свете жить,
Привязанности к двум мирам ни на волос не сохранив? (14).

Известно, что сам Навои неоднократно утверждал: его стихи имеют характер автобиографический. Так, во «Введении» к «Сокровищнице мыслей», поведа речь о том, как появлялись его стихи, он говорит: «Не было у меня ни единого возлюбленного собеседника, чтобы я мог сделать явным скрытый мой огонь,— завершив свою мысль одним матла, я изъяснял мои трудные обстоятельства...» — и свои стихи называет «изъяснением обстоятельств (жизни)».

Учитывая это, стихи Навои, казалось бы, должны были содержать весьма обильный материал для его биографии; однако, к сожалению, здесь имеется следующая трудность: поэт не датировал свои стихотворения и потому почти никогда невозможно в точности установить, с каким периодом его жизни соотносится то или иное душевное состояние, отразившееся в его стихах. Потсму-то для биографа приобретают особую ценность те произведения Навои, которые с точностью датированы им самим.

Одно из них — стихотворение, начинающееся строкой «На всех влюбленных в ту луну...», включен-

ное прославленным каллиграфом Султаном Али Мешхеда в список «Четырех диванов» («Сокровищницы мыслей»), изготовленный им в конце XV — начале XVI века¹.

Это произведение ценно в первую очередь тем, что оно отражает настроение Навои в точно определенный период: поэт упоминает свое вступление в пятидесятилетний возраст.

Столько трагических событий свершилось, начиная с юных лет и до сего времени! Навои побывал в «почетной» ссылке, возвратился в Герат и вот теперь, не занимая никакой официальной должности при дворе султана Хусейна, однако с почетным титулом «приближенный его величества султана», живет в отдалении от дворца...

Стихотворение начинается традиционными для гезели строками на тему о любви. Однако уже со второго бейта поэт переходит к тому, что выражает свое отвращение ко всему, связанному с властью, величием и т.п.:

На всех влюбленных в ту луну быть рабскому клейму —
Заменит прах с ее следов для их очей сурьму.
Зачем мне крижи дальних гор? Мне хватит и того,
Что я и гору моих бед до неба подниму!

Поэт затем обращается к «небу» с мольбой о пощаде:

Я стал добычей воронья, — о небо, пощади —
Не прибавляй своих когтей к терзанью моему!

Следующий бейт играет роль художественного свидетельства тому, как Навои относится к узбекам. Как известно, Навои многочисленные тюркоязычные племена и народности, обитавшие в Хорасане и Мавераннахре и позже органически вошедшие в состав узбекского народа (в современном понимании), именует термином

---

¹ Рукопись под № 677 хранится в Институте востоковедения Академии наук Узбекистана. В конце ее указано имя переписчика, но дата переписки не приводится. Принимая во внимание, что Султан Али Мешхеда умер в 919 (1514) году, сотрудники Института, как выше сказано, определили дату переписки. То, что сюда включены стихи Навои, написанные им в пятидесятилетнем возрасте, свидетельствует, что список был изготовлен после 1490 года.

«тюрки», а их языку дает наименование «тюркский». В цитируемой газели поэт с особенной четкостью выражает свою симпатию именно к узбекской народности.

Пусть шах — в атласе и в венце,— мне дорог вид иной:
Узбек мой ходит в колпаке, и люб халат ему¹.

Здесь, очевидно, необходимо обратить внимание также на следующее. В условиях, когда в среде тимуридской аристократии господствовало пренебрежение и даже отвращение к простым степнякам-узбекам, тот факт, что именно узбека Навои возносит столь высоко (выше шаха и даже противопоставляя шаху), свидетельствует, до какой степени великий поэт возвышался над сословно-аристократическими и племенными предрассудками.

Вполне вероятно, приведенные строки говорят и о том, что Навои начал избавляться от былой преданности тимуридам: на пороге пятидесятилетия пора отказаться от увлечений и заблуждений молодости:

И, рад уюту погребка, в цветник я не пойду:
Я розоцветный хмель налью — страдания уйму.

Когда тебе уж пятьдесят, смиреньем запасись:
Довольно буйства юных лет и сердцу и уму.

Суров кумир твой, Навои, и милости — не жди:
Подачек ждать не позволяй ты взору своему!²

---

¹ Как уже было отмечено нами в начале книги, данный бейт наряду со многими другими свидетельствами, еще раз со всей определенностью утверждает принадлежность Навои в первую очередь именно к узбекской народности.

²Указанная рукопись, л. 25. Узбекский текст см. также: Алишер Навои. Сочинения в 15-ти томах, т.1. Сокровищница мыслей, Чудеса детства. Ташкент, 1963, с.203 (на узб. яз.). Следует указать также на то, что это произведение еще в одном отношении важно для литературоведения в целом: оно преисполнено глубокого социального смысла и этим еще раз опровергает утверждение, будто газель выражает исключительно любовные переживания.

4. ЕЩЕ ОДИН ПОДВИГ

Год 1491-й. Победа Низамульмулька при дворе султана Хусейна, постепенный упадок Мадждиддина, должно быть даровали душе Навои новые надежды, пробудили в нем веру в то, что Хусейн Байкара возвращается на путь истины, справедливости, — и он вернулся к мысли написать давно намеченное крупное сочинение об истории правления этого султана. В 896 году хиджры он в основном занят писанием «Собрания избранных» — одной из частей задуманного труда; в этой книге автор ставит перед собой задачу дать краткие сведения о видных поэтах или ценителях поэзии в эпоху, начиная с рождения Хусейна Байкары и до времени написания книги. Были приведены сведения о более чем четырехстах пятидесяти лицах, и книгу завершала специальная большая глава, посвященная султану Хусейну Байкаре — поэту Хусейни. Особое внимание Навои уделяет поэтам, пишущим по-тюркски. В начале сочинения он указывает: «В этой области также есть еще рисаля и книги¹. Однако в них упоминаются имена и указываются свойства прежде живших поэтов и ранее ушедших мастеров слова. Мудрецы же и поэты сего благословенного времени и счастливого века, благодаря успехам правления и в результате попечения султана Сахибкырана, во многих видах поэзии особенно в газели, способствовали во всем умиротворению сердец и умножению радости, причем в сочетании ясности и изящества достигли уровня предшественников, а в тонкости и изысканности смысла — до требований меры. Из-за того, что их имена были лишены упоминания в том сонме, а слова остались неизвестными в тех упорядоченных сводах, в мой сокрушенный ум и надломленное сердце вошло желание, чтоб было написано хотя бы несколько листков и чтобы там были начертаны имена поэтов сего века и острословов нынешней поры вплоть до тех несчастных, которые также могут быть упомянуты в одном ряду с большими поэтами прошлого... Потому-то от вре-

---

¹ Навои имеет в виду сочинения о жизни и творчестве поэтов, подобные «Воспоминаниям» Давлат-шаха («Тазкирай Давлатшах»).

мен царственного рождения султана Сахибкырана до века благоденствия державы о стольких слышал (я) недостойный, но послужить им не привелось, а стольким я послужил, но ныне из сего брэнного суетности они перешли в вечную обитель радости! А сколько еще поныне пребывает в этом времени изъязвленном! И ангельским качествам этих высокопоставленных особ еще не вознесена хвала. Все это нужно собрать и (нужно) записать (каждое) хотя бы малое проявление таланта каждого из них» (6—7).

Год 1492-й. Умирает Абурахман Джами. Об этом событии, повергшем Навои в глубокую скорбь, а также о дружбе с Джами, начиная с детских лет, Навои пишет «Пятерицу изумленных» («Хамсатул-мутахай-ирин»), состоящую из пяти частей. Это произведение, наряду с двумя «жизнеописаниями», посвященными ранее скончавшимся Саиду Хасану Ардашеру и Пахлавану Мухаммеду, становится важным достижением поэта в жанре мемуаров.

Вечная разлука с самыми дорогими друзьями, оскудение рядов единомышленников — сильно огорчают Навои, однако он не предается депрессии духа, пессимизму. Некоторые приводимые ниже стихотворения, написанные в тот период, очевидно, в должной степени выражают чувства поэта. Вот одно — из собрания «Диковины среднего возраста» («Бадаеул-васат»):

Зачем скорбеть и плакать над живым, —
Не смерти ли помогут те рыдания?
Для всех живых конец неотвратим, —
Так будет, но — не звать же смерть заранее! (401).

Никто себя от смерти не упас.
Но ни к чему печалиться напрасно:
К рожденному придет урочный час, —
Зачем при жизни гибнуть ежечасно? (402).

Поэта радует, что живы пока еще многие из его друзей, замечательных людей, он считает для себя счастьем быть их сподвижником. Вот строки из дивана «Полезные советы старости»:

Дай, виночерпий, мне вина, налей —
Налей в финал щедрей, хмельней, полней!

Да заглушит вино печаль невзгод,
А речь — хвалить создателя начнет.

Немало в речи слов печальных есть,
Немало в ней и слов похвальных есть!

Сойдутся все собратья и друзья —
Кто сердцу мил, с кем близко дружен я, —

Такие, как почтенный Атап¹,
Дервиш благословенный Фанаи.

Один — светило благодных высот,
Другой — светящий солнцем небосвод.

Вот — Ихтияр, он в помыслах высок,
Он — в поле высших милостей ездок.

Вот — Асафи, ни с кем он несравним, —
Что кладу Сулеймана перед ним!

Придет и Биннаи. Умом глубок,
Он всех сразить познаниями бы смог.

Вот Агахи, помощник мой в беде,
Сподвижник и в заботах и в труде.

И — Мешхеда², опора всех времен,
Он несравненным даром награжден.

Вот — Шафии, муж помыслов благих,
Загадками прославивший свой стих.

Еще — Шариб, познавший суть наук,
Наставник мой, радетель, добрый друг.

Здесь и Катиб, что в благодсти своей —
Искусный врачеватель всех скорбей.

И многие собратья смогут тут,
Чьи свойства все высоты превзойдут.

Другим не возношу я здесь похвал, —
О них я в «Своде избранных»³ писал.

---

¹ Здесь и далее — имена постоянных собеседников Навои.

² Это — каллиграф Султан Али Мешхеда.

³ Иначе — в «Собрании избранных».

Одни уже в степи небытия,
С другими и поныне дружен я.

Хвала творцу, я с ними заодно
Вкушаю высших помыслов вино.

И в счастье встреч, и в горести разлук
Я им во всех делах смиренный друг (436—437).

В стихотворном послании к Сухейли, прославленному поэту того времени, Навои призывает своего друга (значит — и себя) к большим художественным свершениям. Поэты, подобные Сухейли, — наследники ушедших титанов, обязанные следовать их примеру. Снова цитируем «Полезные советы старости»:

Душою Сухейли мой дух согрет —
Изранен мукой, ждет его бесед...

Таких, как ты, не видел бег времен.
Ты даром мысли щедро наделен.

Тебя отметил горный небосвод
Отличьями невиданных щедрот.

Ты был мне другом сокровенных дум —
Твоим умом благословенных дум.

Но злобный рок готовил мне беду —
Когда и где я вновь тебя найду?..

Да пощадит суровый рок тебя,
Да оградит от всех тревог тебя!

Ты в мире бед и мук себя храни,—
Да будут беспечальны твои дни.

Исполнен перлов строй твоих стихов.
Ты — чудодей изысканнейших слов:

Дана им благозвучья благодать,
Дано им мертвых к жизни воскрешать.

Хосров и Саади, Салман, Камал
Достойны высшей славы и похвал,

Но в мир небытия увел их рок,—
Тебя он их пресмником нарек.

Ты всюду был ведóm своей судьбой:
Жертв не приемля, жертвовал собой.

Куда бы ты ни вел свой добрый стих,
Ты тешил дух наставников своих.

Не покидай сей благодатный путь
И бедного страдальца¹ не забудь.

А будет путник к нашей стороне —
Порадуй вестью, вспомни обо мне (423—425).

Навои беспрестанно работает. Ни новые неблагоприятные обстоятельства, ни постепенное — чем дальше, тем сильней — обострение болезней вплотную надвинувшейся старости — ничто не способно отвлечь его от творческой деятельности. Наоборот, только творчество дарует ему успокоение, не дает остро ощущать потерю друзей, одиночество.

Во введении к «Сокровищнице мыслей» Навои пишет: «Болезни явились сему рабу в пору, когда годов стало больше. В это время здоровье мое уже не прежнее, ухудшается, и на теле у меня появились язвы. И бессильны снадобья табибов...» (70). «Столько трудностей явилось предо мной, вокруг меня обращалось столько охватывающих тягот, столько камней бедствия обрушило небо мне на голову, удары воинов любви слабое тело мое вместе с костями под столько ног повергали, что не осталось следа от речей моих и от меня самого вместе с сущностью моей. В тревогах любви моей какая б ни являлась тягота, раз не было у меня ни единого сострадательного друга, чтобы хоть немного излить мои мученья,— смысл сего обстоятельства я несколькими бейтами выражал в стихах и тем облегчал себе душу. И в сильнейшем смятенъе безумия, какой бы кошмар ни возник, предо мной — поскольку не было у меня ни единого любимого собеседника, чтобы я мог сделать явным скрытый мой огонь,— завершив свою мысль одним матла, я изъяснил мои трудные

---

¹ Т. е. Навои.

обстоятельства. Таким способом являлось успокоение огню сердца моего, преграда неслаженности угнетенья любви моей. Таким образом, в короткое время слагалось множество стихов и стихи всех видов накапливались предо мной» (59—60).

Из дивана «Диковины среднего возраста»: «О своих речах скажу: пусть кто угодно приложит руку в противодействии, но пером вывести не сможет; пусть желает, но в слова перевести не сумеет¹:

Твои стихи, о Навои, как перлы все блестят,
Из глуби недр твое перо добыло ценный клад,—
Да не один, не десять их, не сто, не сотни их:
Все говорят, что я добыл их тысяч пятьдесят!» (403).

Часть из этих пятидесяти тысяч бейтов (ста тысяч строк), на которые была потрачена вся жизнь, написана в старости — уже после создания «Пятерицы».

Теперь Навои приводит в порядок все это колоссальное богатство, наследие, объединяет и разделенный на четыре части поэтический диван, которому дает наименование «Сокровищница мыслей» («Хозоинул-маони»). По словам самого поэта, при составлении дивана он постоянно совещался с султаном Хусейном. Во «Введении» к дивану он пишет: «...Когда изящных знаков всех высказанных стихов и грациозных выражений всех записанных стихотворений набиралось пятьдесят, шестьдесят либо сто газелей, я представлял их на подобную раю беседу его величества султана Сахибкырана, на сотрясающую небо его милость, доводил до его сведения. И его величество, взирая на них со снисхождением, если замечал бесцеремонность в одежде лада или в одеянье выражений, вызывающую озорство смысла, то, придав изменение сим одеждам при помощи соответствующих выражений из золотой казны своих сокровенных мыслей... каждой газеле на своем месте по порядку обозначал цифрой...

В противовес с четырьмя временами года появилось четыре дивана, и каждому из них нужно было ответственное название...

---

¹ Иными словами, Навои утверждает, что в сложении стихов никто не может с ним сравняться.

Время детства, которое следует определить от семи-восьми лет до двадцати, — это весна времен жизни, цветник раскрытия розария жизни; во хвалу ему я посвятил «Чудеса детства».

Пора молодости, как следует именовать время от двадцати до тридцати пяти лет, — лето времен жизни, животворный исток родника молодости; ради его описания я выступил с «Редкостями юности».

И дни среднего возраста, которые можно сопоставить с годами от тридцати пяти до сорока пяти, это — осень времен, пора опадания листьев в саду жизни; ради его определения я привел «Диковины среднего возраста».

Если определить (время) от сорока пяти (лет) до шестидесяти — это зима времен жизни, когда человек с согнутым станом своим ступает на путь исчезновения и прощается с людьми своего времени; в виде молитвы за него я дошел до конца с «Полезными советами старости»:

Рубаи:

Я посвятил им радость вешних лет,
И летних куц моих тюльпанный цвет,
И осени печально-желтый свет,
И зимний вечер, что от снега сед* (66—69)

Таким образом, как сказано, «Сокровищница мыслей» подразделяется на четыре крупные части — четыре дивана, содержит около сорока пяти тысяч строк и предлагает замечательные образцы всех жанров классической поэзии: газель, мустазад*, мухаммас, мусамман*, таржибанд*, таркибанд*, маснави, касыда, саки-наме*, кыта, рубаи, муамма, чистан*, туюг, фард*. Создать хотя бы один подобный диван, не то что четыре, — это было мечтой лучших поэтов того времени.

Создание «Сокровищницы мыслей» стало еще одним творческим подвигом Алишера Навои.

Тогда же, в 90-е годы, поэт завершает еще несколько произведений — таких, как «Весы стихотворных размеров» («Мезанул-авзан»), «Письма» («Муншаат»). Собрав свои стихи на персидском языке, он составляет «Диван Фани», работает над сборником своих писем на персидском и т.п.

«Пятерица» и «Сокровищница мыслей» навеки заняли в мировой литературе место в одном ряду с крупнейшими произведениями, в недостижимо высокой художественной форме отразившими как важнейшие социальные вопросы своего времени, так и общечеловеческие чувства и проблемы. Создание подобных произведений на тюркском — староузбекском — языке является свидетельством того, что был заложен фундамент узбекской художественной литературы и литературного языка, что узбекская культура и литература поднялись в своем развитии на новую, дотоле невиданную высокую ступень.

Создание «Пятерицы» и «Четырех диванов» также показывало, что безмерно обогатился арсенал художественных средств узбекской литературы. Широкое использование жанра маснави — «маснавигуйлик», то есть появление произведений, подобных современному роману, большого объема и философского содержания, с широким охватом действительности, стремящихся к разностороннему освещению человеческих судеб, — само по себе явилось признаком зрелости узбекской литературы. Аруз как система, дотоле бывшая формой стихов арабских и персидских, заняла прочное место также в литературах тюркоязычных, в литературе узбекской, в качестве природной формы поэтического творчества. Различные жанры поэзии — газель, малое маснави, рубаи, кыта, тарджибанд, фард, саки-наме и т. п. — сделались национальными формами в поэтическом творчестве тюркоязычных народов.

Теперь, после появления «Пятерицы» и «Четырех диванов», уже ни один поэт, историк или теоретик литературы, приступая к изучению литературы, знакомясь с творчеством ее величайших представителей на Востоке, не мог пройти мимо творчества Алишера Навои. К примеру, Захириддин Мухаммед Бабур, крупный государственный деятель, поэт и теоретик литературы, даже во время своих военных походов, не расставался со стихами Навои. В «Бабур-наме» читаем: «В пятницу 23-го (сего) месяца прилежно изучались и были доведены до конца газели и (другие) стихотворения размером бахр и вазн из четырех диванов Алишер-бека» (314).

И «Пятерица» и «Четыре дивана» предоставили в распоряжение историков и теоретиков литературы необозримо богатый, блистательный материал. Имя Навои отныне стало упоминаться в ряду крупнейших поэтов Востока. Вот выдержка из труда Бабура «Обстоятельное» («Муфассал», иначе — «Трактат об арузе», «Рисалии аруз»): «Бахр* муттакариб. Второй размер... Этим размером учителя создавали изумительные маснави. В них числе: «Бустан» Шейха Саади Ширази, «Шах-наме» Фирдоуси, «Искандер-наме» Шейха Низами, «Айнаи Искандер» («Зерцало Искандера») Ходжи Хосрова, «Книга мудрости Искандера» Мавлана Абдурахмана Джами, «Стена Искандера» Мир Алишера Навои, «Тимур-наме» Абдуллы Хатифа, «Фирак-наме» («Книга разлуки») Салмана Савджа...» (410). «Бахри хазадж»... Первый размер... Этим размером сочиняли газели. Несколько газелей сочинил Мир Алишер Навои...» (313). Восьмой размер... Этим размером сочиняли маснави, в том числе «Хосров и Ширин» Шейха Низами, «Ширин и Хосров» Ходжи Хосрова, «Юсуф и Зулейха» Мавлана Абдурахмана Джами, «Мехр ва Муштери» («Мехр и Муштари») Мухаммеда Асара, «Фархад и Ширин» Мир Алишера Навои, «Гуль и Навруз» Мавлана Хайдара Хорезми... Бахри рамаль... (318—319). Первый размер... Мир Алишер Навои сочинял в виде газели, и в такой газели — поэтическое повествование от начала до конца» (333).

5. НОВЫЕ «СТРЕЛЫ». ПРЕДСКАЗАНИЕ НАВОИ

В то время, как Навои, не взирая на ухудшение здоровья (а вернее, именно вследствие этого, ощущая приближение смерти), с поспешностью занимается творением в жизнь все новых и новых творческих замыслов, «судьба» продолжала демонстрировать ему «стрелы, спрятанные в меду» с дастархана* самого падишаха.

В книге «Сады наслаждений» сказано: «Владычество Низамульмулька и его сторонников¹ продолжалось недолго. Выпады Низамульмулька против Афза-

¹ Значит, и сторонников Навои (Навои и Низамульмульк до убийства принца Мумина были единомышленниками).

лиддина и раздоры в семье государя стали причиной его скорого падения.

В то время как Афзалиддин скитался вне пределов страны, Низамульмульк, не сумев поладить с его младшим братом Аминиддином Махмудом, заключил последнего в темницу. Низамульмульк был также одним из споспешников умерщвления Мумин-мирзы, внука султана Хусейна. Когда Бадиуззаман был назначен правителем в Балх, он отдал Астрабад своему сыну Мумину. А султан Хусейн со своей стороны предлагал назначить в Астрабад правителем Музаффара Хусейна, рожденного от любимой жены Хадича-бегим. В итоге между султаном и его старшим сыном Бадиуззаманом началась война. Когда Алишер Навои, чтобы примирить отца с сыном, по поручению падишаха отправился в Балх¹, султан Хусейн отдал тайный приказ схватить Мумина, и этот приказ попал в руки к Бадиуззаману. Поездка Навои оказалась безрезультатной. Бадиуззаман отказался заключить мир, однако Мумин-мирза все равно содержался под стражей. В это время Хадича-бегим вместе с Низамульмульком сумела заполучить у султана Хусейна, когда тот был пьян, указ об умерщвлении Мумина. Протрезвившись, султан отменил указ и выпустил новый, но Мумин-мирза был уже убит.

Это произошло в месяце сафар 903 года². Когда гератцы узнали об этом, стенанья и вопли достигли зенита небес, из глаз полилась кровь» (191—196).

Когда убили Мумин-мирзу, Зайниддин Васифи, в то время тринадцатилетний мальчик, находился в Герате. Почти двадцать пять лет спустя он так описал это событие в своем сочинении «Удивительные события» (приводим в точном переводе с персидского без сокращения): «Мумин мирза, сын Бадиуззамана и внук султана Хусейна, был правителем в Астрабаде. Султан Хусейн, вняв просьбе Хадича-бегим, передал управление Астрабадом ее сыну Музаффару Хусейну. Когда Музаффар-мирза подступил с войском к Астрабаду, Мумин начал против него сражение. Музаффар взял

---

¹ Письмо Навои, приведенное у нас на стр. 181—183, должно быть, написано в это время.

² В сентябре 1497 года.

его в плен. Мумин тогда произнес следующее стихотворение:

Своим мечом могучих львов гнал из лесов я в гневе яром,
Но рок, друзья, ко мне суров, и побежден я Музаффаром!¹

В это время султан Хусейн со своею ставкой пребывал на берегу Мургаба. Музаффар отправил Мумина в Герат. Когда весть об этом достигла столицы, население Герата — мужчины и женщины, светлый и темный, малый и старый вышли встречать Мумина к Пули-Салару, что в четырех фарсах от города. Мумина решили поместить в заточение в крепости Ихтияридин. Комендантом крепости был некто по имени Бий Мухиб Джанги. Султана Хусейна известили о том, что население Герата взволновалось. Он просил совета у Низамульмулька: «Толпа волнуется. Что делать?» Ходжа Низамульмульк дал ответ:

Врага державы обезглавить надо,
А рать разбить и обесславить надо!

В пьяном виде султан Хусейн распорядился написать указ Бию Джанги. По получении сего указа требовалось без промедления отправить Мумина в мир небытия (задушить). Указ прибыл в полночь. Комендант исполнил его. Наутро по городу распространились слухи. Как будто наступил день Страшного суда. Весь город, мужчины и женщины, оделись в черное. В Баги-Наве, что близ Баги-Загана, собралось траурное сборище. Хорасанские поэты стали читать элегии. Следующее кыта маликуль-калама того времени Гульхани Астрабади получило известность:

Базар несправедливых дел опять цветет затейно,
Убит неверными Мумин, и вере в том — обида:
Сначала подоспел Езид и поразил Хусейна,
Теперь пришел сюда Хусейн и порешил Езида!

После сего ужасного происшествия с Мумином в сердце султана Хусейна затаилась ненависть против Низамульмулька. Однажды он был схвачен вместе со

---

¹ В оригинале игра слов: Музаффар означает «победитель».

всеми приближенными и доставлен в Герат, в крепость Ихтияридин. Месяц спустя прибыл приказ, чтобы Абульхалик, сын эмира Фирузшаха, отрубил головы находящимся в крепости двоим сыновьям Низамульмулька, снял с них кожу и набил соломой, и чтобы самого Низамульмулька доставить на мост перед крепостью и здесь снять с него кожу; с Низамиддина Курда и Ходжи Абдулазиза снять кожу под стенами крепости; с Ходжи Имадильислама снять кожу на базаре Малик; с Ходжи Махмудшаха Фарахи содрать кожу на Чарсу. Когда прибыл этот приказ, я с моим отцом находился в крепости Ихтияридин...» (330—331).

Из сочинения Хондемира «Возлюбленный жизнеописанией»: «Когда убили Мумин-мирзу, Алишер Навои находился в Мешхеде. Услышав, что Мумин убит, он впал в сильнейшее страданье, заплакал, вместо слез проливая из глаз кровь. В те дни я несколько раз слышал из уст Алишера: «Какая была некогда резня в Мавераннахре, Хорасане и Ираке от нападения войск Чингиса в результате убийства Шейха Мадждиддина Багдади, в точности то же будет из-за убийства Мумин-мирзы» (том III, часть 3-я, 265).

Из «Бабур-наме»: «Жены султана Хусейн-мирзы: ...еще была Хадича-бегим. Она была наложницей султана Абусаид-мирзы... После поражения султана Абусаид-мирзы в Ираке она прибыла в Герат. Здесь ее взял султан Хусейн-мирза и полюбил, со степени наложницы возвысил до положения супруги государя. Впоследствии она получила власть над всеми делами. Мухаммеда Мумин-мирзу убили по ее настоянию. Сыновья султана Хусейн-мирзы сделались врагами отца по большей части из-за нее» (231).

Жизнь подтвердила сказанное Алишером Навои о том, каковыми будут последствия убийства Мумин-мирзы.

Другая выдержка из «Бабур-наме»: «Год 902-й!... В этом году раздоры между султаном Хусейном и Бадиуззаман-мирзой привели к войне... В конце концов и Алишер-бек прибыл послом (к Бадиуззаману). Он приложил много стараний, но (Бадиуззаман) не соглашался отдать Астрабад своему младшему брату... Од-

---

¹ Год 1496—1497 европейского летосчисления.

нажды между Алишер-беком и Мирзой произошел разговор, свидетельствующий о быстроте ума Мирзы и чувствительности сердца Алишер-бека. Алишер сказал на ухо Мирзе много тайных слов и добавил: «Забудьте эти слова». Мирза тотчас спросил: «Какие слова?» Алишер-бек, сильно растроганный, долго плакал. Наконец переговоры между отцом и сыном привели к тому, что сын на отца и отец на сына повели войска к Балху и Астрабаду» (99—100).

Год 1499-й. Читаем в книге «Сады наслаждений»: «Когда султан Хусейн отправился на войну со своим сыном Абульмухсином, который поднял мятеж в Мерве, Алишер, считая момент благоприятным, вышел в путь с целью совершить хадж*. Достигнув Астрабада, он направил Мавлана Мухаммеда Табиба в ставку государя, чтобы там замолвить слово. Султан Хусейн-мирза направил Алишеру письмо, с просьбой не идти в хадж, а явиться туда, где стоит его, султана, войско¹. Государь не был уверен, что Алишер спокойно совершит странствие, потому что дорога (ведущая к местам) хаджа, была опасной. Алишер посоветовался с влиятельными людьми Мешхеда и своими попутчиками, и они сочли необходимым, чтобы ради умиротворения страны он отказался от хаджа. Алишер прибыл в ставку государя. Поднявший мятеж Абульмухсин для заключения мира с отцом выставил условие, чтобы посланцем к нему от имени государя был Алишер. Дабы примирить отца с сыном, Алишер возвратился в Герат. Султан Хусейн-мирза сказал ему: «Раз вы согласились остаться в стране, то что бы ни попросили, я все исполню». И Алишер, согласно его собственной просьбе, был назначен смотрителем знаменитой ханаки Ходжи Убайдулла Ансари» (219—222).

Продолжавшиеся в стране раздоры причиняли страдание Навои. Дервиш Али был освобожден от должности правителя Балха. Хайдар, который после астрабадских событий окончательно встал на путь дер-

---

¹ Из документа под названием «Свидетельство на дорогу в хадж», включенного в «Баддаеул-иншай Юсуфи» («Красоты посланий Юсуфи»), л. 280, явствует, что позволение на хадж сперва было получено.

вишества, был в 1499 году казнен султаном Хусейном по обвинению в том, что подстрекал властителя соседней страны к нападению на державу Хусейна Байкары.

Господству султана Хусейна Байкары угрожал внешний враг — Шейбани-хан. Самарканд, которым тимуриды правили сто тридцать лет, перешел в руки Шейбани в 1500 году. В это время Бабур, прибывший из Андижана и начавший с Шейбани войну из-за Самарканда, обратился за подмогой к Хусейну, однако ему удалось овладеть Самаркандом только собственными силами: Хусейн, занятый внутренними войнами у себя в государстве, чувствовал, что у него и сыновей (в первую очередь у Бадиуззамана, первенца) не достанет сил вести войну еще и за пределами Хорасана — в Мавераннахре. В «Бабур-наме» сказано: «От столь многоопытного государя, как султан Хусейн-мирза — никто лучше его не знал поступков и повадок Шейбак-хана¹, — не пришел на помощь ни один человек. От Бадиуззаман-мирзы тоже никто не пришел» (143—144). «Когда я в этот раз вторично овладел Самаркандом, Алишер-бек был еще жив. Однажды ко мне даже пришло от него письмо. Я также адресовал ему письмо, на обороте начертал (сочиненный мною) тюркский бейт и отправил. Раньше чем прибыл ответ, начались раздоры и смуты»² (142). Следует предполагать, что в этих письмах, которыми обменялись два государственных деятеля и поэта — Навои и Бабур, — были высказаны суждения относительно положения в стране.

6. ТРИ ЗАВЕЩАНИЯ

Мирная жизнь, «свобода от хлопот мирских», с давних пор вождельенные Алишером, никогда не были им обретаемы, невозможны они сделались и теперь.

Работал Навои только по ночам, днем же почти целиком был поглощен делами государственными.

Он вынашивал новые творческие замыслы, однако они не имели ничего общего с написанием истории царствования Хусейна Байкары — от этого он, види-

---

¹ Т.е. Шейбани-хана

² Т.е. Самарканд был снова потерян Бабуром.

мо, отказался (хотя еще и в последних сочинениях не переставал восхвалять султана Хусейна).

Сочинения, написанные Алишером в этот период¹, по своему содержанию имеют характер завещания грядущим поколениям. Наряду с этим в них подводятся итог жизни великого поэта и государственного деятеля. Они содержат много автобиографического материала.

В 904 году хиджры (1499 г.) Навои закончил дастан (в форме маснави) «Язык птиц» («Лисанут-тайр»). В нем получил осуществление замысел, который зародился в душе поэта еще в детские годы. Тема этого крупного философского дастана, доселе еще недостаточно изученного специалистами, — утверждение, что поиски истины где-либо вне природы и человека — тщетны. В произведении, устами птиц, которые отправились в дальний и трудный путь на поиски водворяющей истину птицы Симург, даны ответы на различные спорные проблемы. Важнейший из этих ответов заключается в следующем: после тысячи перенесенных бедствий птицы увидели, что птица Симург — объект их поисков — не что иное, как они же сами:

Тридцать птиц на Симурга мечтали взглянуть,
А узрели себя лишь: «си мург»* вот их суть!

Сам Навои считал «Язык птиц», наряду с написанной ранее в 901 (1496) г. книгой «Ветерки любви», посвященной наиболее видным страстотерпцам прошлого, произведением, в образной, иносказательной форме изъясняющим «тайны истинного знания». Об этом сказано в «Суждении о двух языках». «Когда я сложил мелодию песен «Лисанут-тайр» («Язык птиц»), то речами птиц, в иносказательных образах изъяснил тайны истинного знания» (120).

Каким методом было создано это произведение и как Навои работал теперь, на склоне лет? В поэме «Язык птиц» читаем:

Но хранилась тех слов в моей памяти тайна,
И без усталы я повторял их потайно,

---

¹ Здесь мы имеем в виду крупные произведения. Поэт не переставал слагать стихи, и они собраны в диване «Сокровищница мыслей», последняя редакция которого была завершена в 1498 году.

Я не мог речь иную постичь и слова,
Другом сердца мне были лишь птичьи слова.

Знамя тюркских стихов поднял я над собою,—
Повеленьем страну покорил я без боя!

Пять бесценных сокровищ, диванов — четыре
Довелось мне безбедно создать в этом мире.

Если стал бы писать мои строки писец,
Он сто тысяч двестишый бы счел под конец...

И увидел я вдруг: жизнь бежит миг от мига,
Я умру — и не будет написана книга,

И заветную мысль в мир иной унесу я,
И развеется жар моих помыслов всеу.

Этих помыслов пыл я всем сердцем берег,
Но свершению их свой назначен был срок.

И когда мне уже шестьдесят подступало,
Птичьей речи пером положил я начало...

Бег пера направлял я в ночи среди затиший,
В ночь слагал пятьдесят или сорок двестишый.

А когда не писал — я не ведал покоя,
Но не собственной волею двигал перо я... (238—239).

Когда в дастане речь заходит о любви, Навои рассказывает, как Шейх Санъаини, видный мусульманский служитель культа, влюбился в девушку-христианку. Это — одно из самых ярких повествований на тему о любви во всей мировой литературе.

Хотя Навои создал на тюркском — староузбекском — языке выдающиеся произведения, многие из поэтов — его современников не доценили по достоинству его борьбу за создание литературы на родном языке:

И Навои решил теоретически обосновать значение своего творческого подвига, оставить поэтам настоящего и будущего завещание — продолжать бороться за поэзию на тюркском языке. «Суждение о двух языках», завершенное в декабре 905 (1499) года, имело в

виду именно такую цель: «И вот благосозидающий разум и вмещающая солнце душа султана султанов (Хусейна Байкары склонились к тому, чтобы тюркские поэты занялись сложением стихов на своем языке и также чтобы бутоны их сердец раскрылись будто розы распустив лепестки под дуновением весеннего ветра. И благорасположением и попечением его было сотворено повеление слагать стихи, отыскивая для них смысл, и было дано изъявление для определения строя слов и разъяснения их красоты. Странно, что одаренные беки и царевичи тюркского народа, безгрешные мужи разума, светлого дара... предали забвению установления смирения и повиновения милостивой воле и одобрению такого государя — ревнителя (тюркской) речи, и, вступив на путь заблуждения, многие из них, а может, и все склонились к персидскому языку и на нем стали слагать стихи... И мне думается, что я для знатоков речи страны тюрков утвердил великое право ведать высокую истину речи их и содержащихся в одной выражений, достоинства их собственного языка и слов его, так что они избавились от высокомерия говорящих по-персидски, порицающих их за несовершенство их собственной речи¹. И в награду за горести и тяготы мои пусть сознают они те потаенные знания, которые я открыл...» (130—132).

Самое последнее произведение Навои — он завершил его за каких-нибудь два месяца до кончины — «Махбубул-кулуб» («Друг сердец», или «Возлюбленный сердце»). В нем поэт дает оценку всем классам и прослойкам общества, излагает свое воззрение на все крупные философские и моральные проблемы, проповедует самые передовые для того времени, гуманные принципы нравственности. Эта книга — квинтэссенция опыта, приобретенного на протяжении долгой, обильной трудностями и радостями жизни. Два четверостишия в начале произведения могут служить своего рода эпиграфом не только к этому произведению, но и ко всей жизни Навои:

Бывал я волей рока изнурен,
Но ведал я и милость от времен:

---

¹ Навои этим своим произведением имел в виду дать отпор тем пишущим по-персидски, которые попрекали турки — старозубекский язык — за его якобы бедность.

Жег меня зной, терзал меня мороз,
Я сладость счастья знал и горечь слез...

Лихие знал я от небес нападки.
Бедою гнать удачу — их повадки.

Когда ж порою дни блаженства сладки,
То — лишь хамелеонские ухватки! (7—8).

Подобного рода пессимистические высказывания, конечно, прежде всего выражают разочарование великого поэта и государственного деятеля по поводу того, что рухнули надежды, которые он возлагал на свою политическую деятельность. Эта мысль подтверждается также тем, что в книге «Возлюбленный сердце» Навои несколько раз обращается к проблеме власти, властителя и каждый раз приходит к самым неутешительным выводам. Свой труд он начинает кратким восхвалением справедливых властителей и словословием Хусейну Байкаре, однако его главные мысли по поводу властителей — следующие: «От властителя подальше держаться, от ханского двора в стороне оставаться и никогда к нему не приближаться — самое лучшее. Избегай их, ведь нужно избегать того, что выше терпения твоего... То, что для подданных — грех, пред лицом властителя — успех; а все что пристойно пред его лицом еще больше звания греха достойно. Потому-то желающий ему служить простак — сущий ишак. Станет ли человек выращивать льва на потребу себе? Станет ли яд вкушать на пользу себе? На царской службе усердие свое проявлять — значит нить своей жизни обрывать, в виде напитка яду желать. Стремиться ближе к властителю стать — значит, для смерти свой меч бедствий удобным считать. Смех его (властителя) с молнией схож: свет — без пользы, но тело живое сжигает дотла» (62).

Чтобы понять то, как в книге «Возлюбленный сердце» разрешаются нравственные проблемы, а также то, каково было настроение самого Навои на склоне жизни, видимо, достаточно привести следующий отрывок: «Еще одно великое дело — благотворительность. Доказано пред людьми всех народов и званий: нет добра превыше благодеяний. Знай: счастье навек тому, кто благодеяньями славен... Но это время, ны-

нешний век — против такого, они творят сей заповеди наоборот... Если ты раз услужил кому — будь готов десятикратную грубость увидеть (в ответ)... Если кого хоть бы раз приветил, не уйдешь от него, доколь от него не услышишь десятка проклятий. Дал кому-то чашу вина — чашами кровь свою будешь глотать за это. А если кому только чашу меду спойл ты — будь же готов от него чашами яд принимать» (48—49).

Давая в своем сочинении оценку каждой из социальных прослоек своей эпохи, он среди всех особо высоко ставит крестьян — основную производительную силу феодального общества: «Крестьянин, что сеет зерно и пашет землю — к хлебу насущному путь открывает... Его упряжка волов словно два могучих палвана; доле своей покорны, движутся мерно вперед: когда пашут, они и крестьянин — сподвижники, и правит он ими, как сам Адам. Благоденствие мира — от них, и страждущих утешенье — от них. Каждое их деянье — народу и пропитанье, и благоденствие... Сироп и уксус бедняка — от них, яства и благородные вина богача — от них» (29 — 30).

7. ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНЬЯ. ИТОГ

Летом 906 (1500) года Навои остался вместе с эмиром Мубаризиддином управлять Гератом, а султан Хусейн отправился в Астрабад, чтобы усмирить поднявшего мятеж Мухаммеда Хусейна. 31 декабря Навои выехал навстречу возвращавшемуся султану. Хондемир, участник этой встречи, пишет в своем сочинении «Добрые нравы»:

«Совершив пораньше утренний намаз, Амир (Навои) тотчас сел на коня и направился к рабату Амирша-малик. Когда он проехал приблизительно фарсах, показался пышный, разукрашенный паланкин Сахибкырана. В тот же миг у эмира Алишера закружилась голова. Подозвав к себе эмира Ходжу Шихабиддина Абдуллу, он сказал: «Не будьте в неведение относительно сохранения меня, состояние мое изменилось». В этот момент Алишер сошел с коня, чтобы поцеловать руку его величества. Внезапно тяжесть приключившейся болезни достигла предела — у него не стало сил идти; упомянутый эмир и Мавлана Джалалид-

дин Касым поддержали его под мышки и, таким способом продвигаясь вперед, они подвели Алишера в объятия государя, поддерживая ему голову. Увидев, как изменилось состояние сего центра кругов величия и великолепия (Алишера), его величество был сильно огорчен и опечален... В тот же миг эта болезнь перешла в общий паралич, у высокостепенного эмира пропала возможность двигаться и говорить...

Короче говоря, в пятницу в полночь строителя благотворительных зданий доставили (Алишера) в его дом. Наутро к изголовью его светлости собрали многих табибов города. И хотя это собрание силилось и старалось применить всевозможные приемы лечения и исцеления, пускало в дело всяческие лекарства и снадобья, исцеление не наступило, наоборот — час от часу становилось тяжелее, болезнь шла к завершению...

В тот же день султан Сахибкыран, прибыв в город, вследствие своей безмерной любви к его светлости не отправился в Баги-Джаханара, а явился прямо к отмеченному истинным великолепием Амиру (Алишеру). Поняв, что его светлость находится в предельно тяжелом состоянии, он пролил обильные слезы, в скорби и печали уехал в свой сад. Однако то и дело посылал кого-нибудь, исполнял обряд осведомления о состоянии; при этом, хотя сам испытывал предельную тяжесть от горя и страданий, не забылся покоем на ложе сна.

В субботу состояние наделенного добрыми качествами Амира оставалось таким же, однако чем дальше, тем более обнаруживалась слабость; сила же болезни шла к завершению. Наконец, поутру понедельника 12-го дня упомянутого месяца¹ Алишер... соловья из цветника своей жизни направил в луга горние...

Смятение и замешательство, точно в день Страшного суда, охватили весь лик земли. Плач и рыдания эмиров и везиров, вопли и стоны больших и малых достигли высших сфер небесных. Султан Сахибкыран и самые близкие к государю люди прибыли в обители его светлости (Навои) и, с трона почестей пав на

---

¹ 3 января 1501 года.

палас траура, принялись стенать и горько плакать. В гератском храме Хаита была прочитана молитва на погребение. Затем прибыли к гробнице, специально для этой цели сооруженной возле соборной мечети, которую построил сам Алишер, и совершили погребение... Султан Сахибкыран до трех дней держал траур в доме сего предводителя всех сердец (Алишера)» (68 — 71).

Когда, через пять лет после кончины Алишера¹, Бабур прибыл в Герат, в памяти людей, близко стоящих к престолу, еще сохранились все подробности того, как Навои расстался с миром, и пользовались известностью стихи о предсмертной болезни поэта. В «Бабур-наме» сказано: «Алишер-бек... выехал навстречу султану Хусейн-мирзе, когда тот возвращался из похода на Астрабад. Когда он, поздоровавшись с Мирзой, хотел подняться на ноги, с ним что-то случилось, он не смог подняться, его подняли и унесли. Врачеватели не могли распознать (что с ним). На следующее же утро он отправился к милости бога. Такому его состоянию соответствует один из его бейтов:

Грозит мне смертью хворь, и тем она опасна,
Что, скрыта от врачей, она им неподвластна!» (233).

Обращаясь к тому, что постигло державу Хусейна Байкары после смерти Навои, читаем у автора «Бабур-наме» под 1506 годом: «В конце этого года, в месяц зульхиджжа, султан Хусейн-мирза повел войско против Шейбани-хана и, достигнув Баба-Илахи, отправился к милости бога» (221). «(Прах) султана Хусейн-мирзы доставили в Герат, вынесли по обряду и обычаю, установленным для государей, и погребли в медресе его имени. В это время прибыл (в Герат) также Зуннун-бек. Мухаммед Бурундук-бек и Зуннун-бек, а также (другие) беки, оставшиеся после султана Хусейн-мирзы и состоявшие при этих (обоих) царевичах, сговорились и провозгласили государями на престоле Герата обоих вместе — Бадиуззаман-мирзу и Музаффара Хусейн-мирзу... Это было диковинное дело: дотоле было не слыхано, чтобы два государя пра-

---

¹ В 912 году хиджры — в 1506 году.

вили совместно. Вышло противу того, в чем смысл слов Шейха Саади, сказанных в «Гулистане»:

Дервишам и вдесятером на малом коврике не тесно,
А шахам тесно и вдвоем во всей вселенной, повсеместно» (245-256).

«Удивительно, что у столь великого государя, как султан Хусейн-мирза, правившего в таком городе ислама, как Герат, из всех его четырнадцати сыновей (только) трое не были детьми прелюбодеяния. Он сам, его сыновья и жители города были весьма привержены к разврату и распутству. Из-за сей скверны и получилось так, что от этой династии в каких-нибудь семь-восемь лет, кроме Мухаммеда Замана-мирзы, не осталось ни следа, ни знака» (232).

В 1507 году Герат был захвачен Шейбани-ханом.

* * *

Если бы современники Алишера Навои решили бы подвести итог его жизни и деятельности, они, несомненно, вспомнили бы о «Трактате» («Рисаля») Хусейна Байкары. В этой небольшой книге, еще при жизни Навои, дана самая справедливая и самая высокая оценка его деятельности. Правда, в этой книге Хусейн ведет речь о высоких качествах времени своего правления, о тех, кто ему служил, — конечно, с известными преувеличениями; однако, если мы вспомним, что Навои в качестве государственного деятеля был по меньшей мере равным этим ближайшим слугам султана, то приводимые ниже слова Хусейна Байкары могут занять место наиболее совершенной характеристики, подводящей итог жизни Алишера Навои. Потому-то данный раздел «Книга признаний Навои» мы сочли необходимым завершить свидетельством султана Хусейна Байкары. Цитируем его «Рисаля»¹:

«И хотя во времена некоторых (властителей) со стороны высокостепенных правителей и авторитетных столпов державы беднякам, горожанам и труженикам

¹ Приводим лишь содержание текста, опуская стилистические украшения и в частности, рифму (многие фразы этого сочинения представляют собой рифмованную прозу).

городских окрестностей проистекали беспредельный гнет и бесчисленные насилия, в мой (сего) ничтожного век бедняки и горожане радовались (избавлению) от сих печалей, народ городских окрестностей был свободен от того упомянутого гнета.

А во времена некоторых (правителей) жестокие сады и безнравственные наместники нарушали установления вакфа, в результате чего собирали сборища пьянства и увеселений, разжигали пиршества разврата и бесчинства. Люди же, коих я, ничтожный, назначил заведовать вакфом, восстановили все разрушенное и кто имел право пользоваться вакуфными средствами, делались радостными и довольными. И хотя во времена тех (властителей) из-за расстройств вакфа ищущие знаний были опечалены, а мударрисы лишены своих прав, — ныне, благодарение (богу), в столице имеется около ста учебных заведений, в коих проводятся занятия по богословию и светским наукам, и, услышав высокие голоса и несравненные речи о них, непрерывно прибывают сюда одаренные люди из всех стран ислама, от удаленнейших уголков Рума до пределов Чина, приняв на себя тяготы странничества и жизни на чужбине; хотя это так... доходы от вакфа достаточны для покрытия расходов их всех, и они в покое проводят дни свои. Имеются также ханаки, число коих близко числу сих названных медресе; в каждом из них весьма велико число нуждающихся, причем те, кто ступил на путь истины, беспредельно рады и довольны.

Если же в прежние времена торговцы, прибывающие из других стран, — опасаясь воров; бесприютные странники и путешественники — в ужасе перед разбойниками, выйдя из одного места и достигая другого места своей цели; покинув родину и приближаясь к другому, желанному месту, испытывали множество тягот и бедствий, то в нынешнее время ураган политики полностью вымел из страны и уничтожил труху и солому таких недостойных людей, а то и вверг их в адский пламень. Для путешествующих же на каждой стоянке устроены высокостенные рабаты и еще обеспечивающие покой, до неба возносящиеся крепости, так чтобы в холодное время странствующим было от них удовлетворение, в жаркое время изму-

ченным была от них тень. Помимо тени и крова, что люди пожелают в сих рабатах — все для них готово... И в каждом рабате, чтобы пресечь дурные деяния нарушителей — злых людей, чтобы не допустить грабежей, назначаются неусыпные наряды из числа государственных служащих и отряды регулярных воинов.

И кроме такого рода дел, подобного вида обстоятельств, сущего во времена правления подобного мне бессильного раба всевышнего единого бога в мир явились некоторые люди, они почтили своим участием мои собрания. Притом вследствие того, что эти люди суть, сие наше время стоит выше всех времен, сия эпоха превосходит все прежние эпохи; то, что есть такие люди, — основа для ее более многочисленных благодарений (богу). Высказать эти благодарения — изрекающий язык нем, язык пера — сломан, бессилён.

Высочайший же и совершеннейший из них, чистая жемчужина реки совершенства, сияющее солнце небес святости... Мавлана Абдурахман Джамии.

Среди поэтов имеются еще и такие, которые могут считаться сверкающими звездами на небосводе словоизречения; поэты, в области сложения поэтических изящных дастанов и создания произведений достойные вложить дар в руку мира, так что прежде таких людей в мир не являлось, да и ныне в иных местах нигде подобных им не показывается. По тому, что мне приходит на память, и по словам людей, преданных нам и хорошо сведущих в делах, в Герате и его окрестностях до тысячи людей, чье занятие — нанизывание и внимательное изучение жемчужин мысли на нить поэзии, а в результате — надевание изукрашенного халата стихотворных размеров на те драгоценные камни, которые найдены. Ни в одну эпоху не было подобных людей даже десяти на тысячу, ни в какие времена — даже одного на сотню.

Эти люди, чьи имена упоминаются, чьи свойства характеризуются, — суть задающие пиршества в персидской поэзии, плавающие в море персидской речи.

И однако же на молодич мысли до сего дня никто не надевал тюркского одеяния, этих красавиц никто не выводил, нарядив в сии красивые одежды; и прекрасные, с ароматом мускуса, розы, стыдась, лежали нагие в сокровенных уголках одаренных сердец; и эти

красавицы с обликом гурий из-за отсутствия одежды не могли переливаться изяществом. (И это) до тех пор, пока в сие благословенное время, в счастливую эпоху... богатырь изречения правдивых слов, то есть Мир Алишер, прославленный под тахаллусом Навои, дуновением Масиха* не вдохнул в бездыханный труп тюркского языка жизнь и дыхание и на этих оживленных не надел драгоценных и утонченных одежд, сотканных из нитей тюркских слов. И теперь в цветнике слов, где из весеннего таланта Навои проливаются животворящие дожди, раскрылись цветы многих оттенков; в ту реку поэзии, куда из облака его мыслей падают в жизнь вводящие капли,— сыплются различного вида жемчужины. На ристалище каждого из видов поэзии он гонит резвого коня и ту страну покоряет себе мечом слова.

Восхвалять его стихи — язык немощен и перо бесильно...¹

И сегодня он — богатырь обитаемой четверти мира поэзии, его можно именовать Сахибкыраном, покорившим сию страну» (3—12).²

Что же касается самого Навои, то он всегда верил, что дело, которое он начал и привел к изумительному результату, — создание поэзии на «тюркском» языке — в конечном счете увенчается победой. Он жил с весьма наивной, по сути ошибочной верой в то, что культура и поэзия тюркских народов даже превзойдут культуру и поэзию персидско-таджикскую. Приведем выдержку из «Суждения о двух языках»: «Как бы то ни было, во всяком случае столь заметное превосходство тюркского языка по сравнению с персидским, воистину его столь (определенная) тонкость и широта — не получили распространения в поэзии, запавши в потаенные места сокровенного мышления, он близился к состоянию заброшенности. Если же мудрый судия взглянет по справедливости, то, насладившись

¹ После этого Хусейн Байкара останавливается на истории написания Алишером Навои «Пятерицы», дает высокую оценку его поэтическим диванам. Эти выдержки из «Рисаля» приведены у нас в других главах.

² «Рисаля» написана до 1492 года (такой вывод можно сделать на основе того, что Джами здесь упоминается в числе здравствующих). Произведения Навои, написанные позже этой даты, еще более заслуживают подобной оценки.

мягкостью и тонкостью персидского и тюркского языков, когда сделаются ясны оценка и уровень каждого, — надежда моя такова, на мысль мне приходит следующее: высота моих слов не падет с высот долу и звезды сих моих творений не примут иного места, кроме самого уровня» (119—122).

Спустя почти столетия после смерти Алишера Навои, в 1546 году, Мирза Хайдар, историк и государственный деятель, записал в своей «Истории Рашида»: «Воспоминание о Мир Алишере. Его тахаллус — Навои. Ни до, ни после него никому не удавалось писать стихи на тюркском языке лучше его и больше его. В этом искусстве Навои — учитель. Его тюркские стихи стяжали славу такую же, как персидские стихи Муллы (Абдурахмана Джамии). По-персидски он также написал много стихов, здесь у него был тахаллус Фани. Он написал ответ на диван Ходжи Хафиза. «Касыдаи абрар» также после Ходжи Хосрова (Дехлеви) никто не написал сильнее, чем Навои...» (121а).

Таким образом, уже по прошествии недолгого времени заслуги Навои в мировой литературе и в истории культуры тюркских народов были признаны и высоко оценены потомками.

Если теперь мы перейдем к судьбе идеалов Навои относительно жизни справедливой, основанной на просвещении, то, как мы видели выше, эти идеалы не осуществились. Поэтому, очевидно, будет правильным завершить нашу книгу стихами Навои, выражающими эти его социальные и нравственные чаянья, звучащие как завет грядущим поколениям. Эти стихи важны еще и тем, что их содержание напоминает не получившие осуществления чаянья сарбадаров, — борцов против феодального гнета. Вместе с этим поэт выражает уверенность, что когда-нибудь мечты и надежды человека будут претворены в жизнь с помощью разума. Вот строки из «Дивана Фани»:

О, был бы новый создан свет — с иной породой людей,—
Чтоб ни одной из мук и бед не мог клеймить его злодей!

И чтобы днем людских очей не жег бы смертный ливень слез,
И чтобы траур тьмы ночей не стал бы пологом скорбей!

И чтобы роком не был дан сердцам жестокий жребий мук,
И не грозила б кровью ран карающая власть мечей!

Чтоб не был человек рожден с бесчеловечной красотой,
И не был страшен, как дракон, в людском обличье лиходея!

А если не избыть невзгод, ступай скорее в кабачок,—
Там чашу Джама превзойдет любой сосуд в руке твоей!

И лей багряное вино,— в его прозрачной чистоте
И небу засверкать дано красою голубых лучей!

И осторожен будь стократ: в небесной чаше хмель тягуч,—
Тебя не поглотил бы ад! Смотри и берегись, но — пей!

И от благих и от дурных надежно душу охраня,—
В большом и в малом глубже их проникни думою своей!

И вот тебе, Фани, совет: тяжелых дум не стоит мир,—
В нем ни одной загадки нет, чтоб не был смысл угадан в ней!

О ЦИТИРОВАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ОБ ИХ АВТОРАХ

а) Произведения Алишера Навои

Выдержки из произведений Навои приводятся главным образом по следующему изданию на узбекском языке: *Алишер Навои*. Сочинения в 15-ти томах Ташкент, 1963—1968 (в дальнейшем: Соч.). В этой пятнадцатитомник вошли нижеследующие произведения.

1. «Введение» («Дебоча»), к «Сокровищнице мыслей», или «Четырем диванам» («Хазайнул-маони, или «Чар-диван») — собранию стихотворений из четырех книг, составленному Навои в 898—904 годах хиджры (1492—1498 годы европейск. летосчисления). Соч., т. I.

2. «Чудеса детства» («Гараибус-сыгар»). Первая книга «Хазайнул-маони» «Сокровищницы мыслей». Соч., т. I.

3. «Редкости юности» («Наводируш-шабоб»). Вторая книга «Сокровищницы мыслей». — Соч., т. II.

4. «Диковины среднего возраста» («Бадаеул-васат»). Третья книга «Сокровищницы мыслей». — Соч., т. III.

5. «Полезные советы старости» («Фаваидуил-кибар»). Четвертая книга «Сокровищницы мыслей». — Соч., т. IV.

Все четыре книги «Сокровищницы мыслей» подготовил к изданию Хамид Сулейманов.

6. «Диван Фани». Собрание стихотворений Навои (Фани) на персидско-таджикском языке. Составлен, предположительно, в 902 (1496) году. — Соч., т. V. кн. 1-я и 2-я. Подготовил к изданию Хамид Сулейманов.

7. «Смятение праведных» («Хайратул-абрар»). Первый дастан «Пятерицы» («Хамса»), состоящий из пяти диванов. Написан в 588 (1487) году. — Соч., т. VI.

8. «Фархад и Ширин» («Фархад ва Ширин»). Второй дастан «Пятерицы». Написан в 889 (1484) году. — Соч., т. VII.

9. «Лейли и Меджнун» («Лайли ва Меджнун»). Третий дастан «Пятерицы». Написан в 889 (1484) году. — Соч., т. VIII.

10. «Семь планет» («Саб'аи сайяр»). Четвертый дастан «Пятерицы». Написан в 889 (1484) году. — Соч., т. IX.

11. «Стена Искандера» («Садди Искандери»). Пятый дастан «Пятерицы». Написан в 890 (1485) году. — Соч., т. X.

Все пять книг «Пятерицы» подготовил к изданию и снабдил комментариями Парса Шамсиев.

12. «Язык птиц» («Лисанут-тайр»). Написано в 904 (1498/99) году. — Соч., т. XI. Подготовил к печати и снабдил комментариями Шарафиддин Ишанходжаев.

13. «Собрание избранных» («Маджалисун нафаис»). Написано, предположительно, между 896 и 903 годами (1490—1498). — Соч., т. XII. Подготовила к изданию и снабдила послесловием Суима Ганиева.

14. «Возлюбленный сердца» («Махбубул-кулуб»). Написано в 906 (1500/01) году. — Соч., т. XIII.

15. «Суждение о двух языках» («Мухляяматул-лугатайн»). Написано в 905 (1499/500) году. — Соч., т. XIV.

16. «Письма» («Муншаат»). Составлено, предположительно, после 897 (1491/92) года.— Соч., т. XIII.

№№ 14, 15 и 16 подготовил к изданию Парса Шамсиев.

17. «История властителей Аджамы». («Тарихи муллоки Аджам»). Написано, предположительно, после 890 (1485) года.— Соч., т. XIV. Подготовил к изданию Латиф Халилов.

18. «Пятерица праведных» («Хамсатул-мутахайрин»). Написано между 898 и 905 годами (1492—1499) — Соч., т. XIV.

19. «Завещание» («Вақфия»). Написано в 886 (1481/82). — Соч., т. III.

20. «Жизнеописание Саида Хасана Ардашера» («Халати Саид Хасан Ардашер»). Написано после 894 (1488/89) года.— Соч. т. XVI.

21. «Жизнеописание Пахлавана Мухаммеда» («Халати Пахлаван Мухаммед»). Написано после 899 (1493) года.— Соч., т. IV.

№№ 18—21 подготовил к изданию Парса Шамсиев.

22. «Введение» («Дебоча») к «Чудесам начинаний» («Бадау-ул-бидая»). Написано, предположительно, между 870 и 885 годами (1461—1481).— Соч., т. IV. Подготовил к изданию Хамид Сулейманов.

23. «Ветерки любви» («Насаимул-мухаббат»). Написаны в 901 (1495/96) году.— Соч., т. XV. Подготовила к изданию Маргуба Мирзаахмедова.

24. «Пятерица Навои» («Хамса Навои»). Рукопись. Копия, переписанная в 901 (1495—1496) году Абдулджамилом, личным секретарем Навои. Рукописный фонд Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР (в дальнейшем: РФ ИВ), инв. № 5018.

Пять дастанов этой «Пятерицы» вошли в вышеупомянутый пятнадцатитомник Алишера Навои. Однако вследствие того, что в этом издании допущены некоторые сокращения, возникла необходимость в ряде случаев обращаться также к рукописям «Пятерицы». Приводимые у нас выдержки из «Пятерицы» Навои представляют собой бейты, не вошедшие в пятнадцатитомник.

25. «Диван Навои» («Дивони Навои»). «Первый диван» — («Ильк дивон»). Рукопись. Составлен и переписан в 870 (1465) году каллиграфом Султаном Али Мешкеди, современником Навои. Хранится в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, инв. № Вост.— 564. Мы пользовались фотокопией Литературного музея им. Навои при Академии наук Узбекской ССР.

26. «Диван Навои» («Дивони Навои»). Рукопись. В 874 (1469) году переписали и украсили, снабдили иллюстрациями одиннадцать каллиграфов и художников современников Навои. Хранится в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

27. «Собрание писем» («Маджмуаи маросалат») к Навои от разных лиц. РФ ИВ, инв. № 2178 (автографы).

Среди корреспондентов Навои — знаменитые деятели эпохи (Джами, Ходжа Ахрар, Мавлана Касым и другие). О составлении такого сборника Навои замечает в своем труде. «Ветерки любви», приводя биографию Ходжи Ахрара: «.. Их любезности к смиренному (Навои) были многочисленны, посему они управлялись с делом, удастая (меня) знаками откровенности. Я, соединив

сии знаки, способом почтения сохранил их с церемониями и упорядочением» (Соч., т. XV, с. 140.)

28. «Весы стихотворных размеров» («Мезанул-авзан»).— Соч., т. XIV. Подготовил к изданию Иззат Султан.

29. «Строй драгоценных камней» («Назмуд-джавахир»). Соч., т. XV. Редактор Азиз Каюмов.

30. «Четверостишия» («Арбаин»).— Соч., т. XV.

№ № 29 и 30 подготовил к изданию Парса Шамсиев.

б) Произведения других авторов

1. Султан Хусейн-мирза. «Трактат» («Рисалья»). Написан, предположительно, после 1942 года. Опубликовано в журн. «Узбекский язык и литература», 1967, № 3. Подготовил к изданию Гамид Араслы.

Хусейн Байкара (1438—1506), тимурид, и школьный сотоварищ Навои, с 1469 года властитель Хорасана, поэт, автор книги «Диван Хусейна».

2. Захириддин Мухаммед Бабур. «Бабур-наме». Изд-во Академии наук Узбекской ССР Ташкент, 1960.

Бабур (1483—1530)— тимурид, правил в Фергане. Занял престол в двенадцатилетнем возрасте, однако из-за преобладания соперников был вынужден бежать из Ферганы. Дважды завладевал Самаркандом, однако снова был принужден возвращать его Шейбани-хану, предводителю узбекских племен. Прибыв сперва в Хорасан, а затем в 1525 году, в Северную Индию, основал здесь крупное государство (в истории Индии получившее наименование «Империя Великих Моголов»). Поэт и писатель. О пережитом написал мемуарное сочинение «События» («Вокеат»), ныне получившее известность под названием «Бабур-наме». Был связан с Навои посредством переписки. В 1506 году побывал в Герате и в «Бабур-наме» широко изложил свои впечатления от последних тимуридов, от потомков Хусейна Байкары, а также от самого Герата. До самой смерти был властителем «Империи Великих Моголов». В «Бабур-наме» также говорится, что у ее автора есть сочинение по теории стихосложения — «Подробности» («Муфассал»). Копия его хранится в Национальной библиотеке в Париже, фотокопия с нее — в Музее литературы им. Навои.

3. Мирхонд. «Сады наслаждения» («Равзатус-сафа»). Рукопись РФ ИВ, инв. № 7309.

Мирхонд — историк XV века, современник, ученик и почитатель Навои. Свой труд написал по поручению Навои, причем отразил в нем представления ученых своего времени обо всей истории человечества, от сотворения мира и до XV столетия. Его сочинение состоит из семи тетрадей (томов), причем седьмой том, написанный его сыном (внуком?) Хондемирром, включает события, относящиеся к истории государства Хусейна Байкары. Большинство востоковедов, не выделяя седьмую тетрадь из всего труда, приписывает ее тоже не Хондемиру, а Мирхонду. Мы поступили так же. Когда мы здесь говорим о труде «Сады наслаждения», то всегда имеем в виду седьмую тетрадь. В 1323 (1905) году это сочинение в Хиве перевел на узбекский язык Мухаммед Шариф Диван. Мы пользовались этим переводом.

4. Хондемир. «Друг жизнеописаний» («Хабибус-сияр»). Тома I, II, III. Бомбейское издание 1827 г., на персидском языке. РФ ИВ, инв. V 8979.

Хондемир (или Хонд Амир)— младший современник и ученик Алишера Навои, поэт, писатель и историк. Помимо тома VII книги «Сады наслаждения», автор самостоятельных исторических трудов — упомянутого — «Друг жизнеописаний» и «Извлечение известий» «Хуласатул-ахбар.» После кончины Навои крушение державы Хусейна Байкары долго скитался, наконец прибыл в Индию, поступил на службу при дворе Бабура.

5. Хондемир. «Добрые нравы» («Макаримул-ахлак»). Изд-во Академии наук Узбекской ССР, Ташкент, 1948. Перевел с персидского Парса Шамсиев.

6. Воспоминания Давлат-шаха» («Тазкираи Давлат-шах»). Рукопись, на персидском языке. РФ ИВ инв. № 2119.

Эмир Давлат-шах (умер в 1492 году)— ученый и поэт XV века. По свидетельству Навои («Собрание избранных») принадлежал к тимуридам, но отошел от политической деятельности: целиком отдался науке и поэзии, снискав на обоих этих поприщах высокий авторитет. В год написания труда Навои «Собрание избранных» Давлат-шах завершил свою книгу «Воспоминания о поэтах» («Тазкиратуш-шуара»), или, как указывает Навои в «Собрании избранных», специально останавливаясь на сочинении Давлат-шаха — «Собрание поэтов («Маджмауш-шуара»), в которой приводит сведения о многих крупных поэтах, писавших по-персидски, а также отрывки из их произведений. «Воспоминания о поэтах» позже сделались известными под заглавием «Тазкира и Давлат-шах».

7. Зайниддин Васифи. «Удивительные события» («Бадоеул-вакое») Рукопись на персидском языке. РФ ИВ, инв. № 1093. Перевел и отредактировал в Хиве в 1241 (1826) году Дилаварходжа.

Пересказывая вкратце содержание рассказов Васифи в Навои, мы пользовались также следующей работой: Болдырев А. Н. «Алишер Навои в рассказах современников» — В кн.: Алишер Навои. Сб. статей. Изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1966.

Васифи (род. в 1485, ум. в 1551—1556 гг.) — младший современник и ученик Навои, поэт, писатель и историк. Родился и вырос в знатной семье, до 1512 года находился в Герате. Очевидец многих событий эпохи Хусейна Байкары. После падения власти последних тимуридов в Хорасане был вынужден бежать в Мавераннахр и долгое время состоял на службе у Кельды Мухаммед-хана Шахрухи, что в окрестностях Ташкента. В период 1518—1531 годов создал книгу «Удивительные события» («Бадоеул-вакое»), основанную главным образом на собственных воспоминаниях.

8. Абдураззак Самарканди. «Восход двух счастливых звезд, и соединение двух морей» («Матлаус-садайн ва маджмаул-бахрайн»). Два тома. На персидском языке. Рукопись. РФ ИВ, инв. № 153.

Абдураззак Самарканди (1413—1482) — известный историк и дипломат XV столетия. Служил при дворе Шахруха, правившего в Хорасане с 1409 по 1447 годы после Тимура. В своем труде («Матлаус-садайн...») сообщает, главным образом, в качестве участника событий, сведения об эпохе Шахруха, позже —

времени правления Мирзы Абдуллатифа, Мирзы Абдуллы, Мирзы Абдулькасыма Бабура, Мирзы Абусаида и частично султана Хусейн-мирзы. Абдураззак служил при дворах почти каждого из названных властителей Хорасана. Начиная с 1463 года устранился от политической деятельности.

9. Мирза Хайдар. «История Рашида» («Тарихи Рашиди»). Две тетради (два тома). На персидском языке. Рукопись РФ ИВ, инв. № 1430.

Мирза Хайдар (Мирза Хайдар бинни Мухаммед Хусейн Кураган), 905—958 (1499—1551), из тимуридов, Государственный деятель и писатель. Сводный брат Захириддина Мухаммеда Бабура. С 947 по 958 (1540—1551) год был властителем Кашмира.

Сочинение под названием «История Рашида», наполовину мемуарного характера, завершил в 953 (1546) году. В этом труде отражены события начиная с эпохи владычества последних монголов до 1551 года.

10. «Диван Касыма» («Дивони Касым»). Рукопись. На тюркском языке. РФ ИВ, инв. № 2286. Эта рукопись была скопирована в 856 (1452) году, в детские годы Навои.

Касым Анвор (Саид Сафиддин, ум. в 853 (1432) году)— один из известных на Востоке поэтов, руководителей суфийского философского течения. Родился в Тебризе. Долгое время жил в Хорасане, стяжал здесь славу, однако с падением Шахруха был вынужден бежать из Герата. Затем, проведя некоторое время в Балхе и Самарканде снова вернулся в Герат. Впоследствии возвратился на родину. Умер в вилайете Джам, вблизи городка Хурджурда. Над его могилой Алишер Навои воздвиг большую гробницу. О Касыме Анворе Навои приводит некоторые сведения в «Первом маджлисе» своего сочинения «Собрания избранных» («Маджалисун-нафаис»), причем считает себя «джорубкашем» Касыма Анвора, то есть называет его одним из тех, кто потрудился ради увековеченья его воспоминаний.

11. Неизвестный автор. «О том, как Алишер сделался сановником» («Амал-яфтани Алишер»). Легенда, зафиксированная на персидско-таджикском языке в одной из копий труда «Сады наслаждения», изготовленной в XIX веке. То, что Навои здесь представлен простым скотоводом, является свидетельством, что эта легенда сложена в среде народа. А то, что только приводимые в ней поэтические отрывки — на узбекском языке, порождает следующее предположение: хотя в основе своей легенда была на узбекском языке, тот кто ее переписывал, был более искусен в языке персидско-таджикском. Об отыскании легенды объявил в 20-е годы нашего столетия востоковед А. А. Семенов. Эта копия труда «Сады наслаждения» — в РФ ИВ (см.: Бюллетень Среднеазиатского гос. университета, 1922, вып. 13).

КРАТКИЙ ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

- Аджам** — на языке арабов, страны, населенные не арабами; чаще это название применялось к Ирану и Хорасану.
- Алиф** — первая буква арабского алфавита, в виде прямой вертикальной черты; в поэзии — символ стройности, прямизны стана.
- Анко** — мифическая птица; согласно поверью, человеку, на которого пала тень от нее, суждено стать царем.
- Арас** — по-видимому, Аракс.
- Аруз** — метрическая система стихосложения, основанная на различных чередованиях долгих и кратких слогов.
- Айван** — букв. особого рода веранда; здесь — правительственно-административное учреждение.
- Баг** — сад.
- Бакавул** — главный повар повелителя.
- Бахши** — во времена Навои чиновник канцелярии. Это слово древнеиндийского происхождения, издревле распространилось в среде тюркоязычных и монголоязычных народов. Современное туркменское багшы, казахское баксы — сказитель, певец, монгольское — бахш — учитель.
- Бахр** — название одной из девятнадцати групп стихотворных размеров аруза.
- Бейт** — двустишие.
- Берда** — город в Азербайджане.
- Вақф** — (арабск.) — пожалование духовному учреждению доходов с имущества.
- Вилайет** — область.
- Газель** — небольшое лирическое стихотворение, состоящее из двустиший.
- Гиджак** — смычковый четырехструнный инструмент.
- Гурджистан** — Грузия.
- Гянджа** — (до революции Елисаветполь, ныне Киров-абад) — родной город Низами, в Азербайджане.
- Дастан** — старинное литературное произведение, обычно в стихах, часто с обширными прозаическими вставками.

- Дадхах — придворный чиновник, докладывающий властителю жалобы, прошения о восстановлении справедливости.
- Даруга — один из военно-административных чинов.
- Дастархан — скатерть с угощением, также угощение.
- Джебраил — мусульманское имя архангела Гавриила.
- Джейхун — одно из названий Амударьи.
- Джорубкаш — (перс.— тад.)— уборщик, подметальщик при мечетях, медресе и т.п.
- Диван — 1) собрание стихов одного поэта; 2) орган высшей администрации; 3) редко — лицо, управляющее таким органом.
- Дэв — чудовище, великан.
- Зульхиджжа — двенадцатый месяц мусульманского лунного года.
- Иджтихад — тот, кто открывает нечто новое, толкует по-новому те или иные положения религии.
- (арабск.) — мусульманский священнослужитель.
- Имам — мифический сад, подобный райскому.
- Ирам — Иисус Христос, чтимый также мусульманами.
- Иса — мусульманский духовный судья.
- Казы также казий — казий
- Кайсар — цезарь, император.
- Каландар — своего рода странствующий монах.
- Канун — струнный музыкальный инструмент, наподобие гуслей.
- Карн — мера времени; тридцать лет.
- Касыда — поэтический жанр, ода.
- Каф — мифические горы, опоясывающие землю; ассоциируются с Кавказским хребтом.
- Кепаки — род золотой монеты.
- Кибла — сторона, в которую мусульмане обращают лица во время молитвы, сторона Мекки; здесь образно — средоточие священного, возвышенного.
- Кукельташ — молочный брат.
- Курух — мера длины, около двух километров.
- Кухак — название реки Зерафшан,
- Кушбегги — один из главных чиновников во дворце падишаха.
- Кыта — короткое стихотворение, у которого первые полустихия не рифмуются.
- Мавераннахр — территория нынешней Средней Азии к северу от верхнего течения Амударьи. Во времена Хусейна Байкары государство под этим названием включало территорию нынешних Туркменской и Узбекской (за исключением земель на севере и востоке) ССР.
- (арабск.) — (букв. арабск. «господин наш», титул (и составная часть имени) тех, кого почитали как мусульманских вероучителей.
- Место по ту сторону реки)
- Мавлана — не мусульманин, зороастриец; именно зороастрийцы в те времена занимались вино-
- Маг —

- делием и виноторговлей (что для мусульман запретно).
- Маджлис** — арабск. собрание, здесь — глава.
- Мазар** — гробница, мавзолей.
- Мактаб** — низшая мусульманская школа, преддверие высшей — медресе.
- Маликуль-калам** — глава поэтов.
- Мани** — полумифический живописец, которому приписывали изумительный талант.
- Марсия** — стихотворение траурного содержания.
- Масих (арабск.)** — Мессия, то есть Иисус Христос, почитаемый мусульманами как один из пророков, обладающий, в частности, даром воскрешать умерших.
- Маснави** — поэтическое произведение из двустихий, в каждом из которых строки рифмуются.
- Матла** — начальные строки стихотворения.
- Махиян** — рыбный; Хаузи-махиян — рыбный пруд.
- Медресе** — высшее мусульманское богословское училище.
- Мимбар** — возвышение в мечети, с которого читается проповедь.
- Мисра́** — строка в стихотворении, стих.
- Михраб** — обращенная к Мекке ниша в стене мечети (внутри помещения), куда молящиеся обращены лицами; имеет полукруглую форму, в поэзии ему уподобляются брови.
- Муамма** — загадка в стихах.
- Муназара** — особый жанр, поэтическое состязание двух произведений, которые как бы персонифицированы.
- Мустазад** — букв. арабск. «добавление», особый жанр: стихотворение с повтором конечных слов второй строки каждого бейта.
- Муссаман** — стихотворение, каждая строфа которого восьмистишие.
- Мутаввал** — руководство медресе, распоряжение вакуфными доходами.
- Мухаммас** — стихотворение из пятистихий; в мухаммассе на касыду или газель первые две строки каждого пятистишия представляют собой бейты стихотворения, взятого за основу.
- Мухаррам** — первый месяц мусульманского лунного года.
- Мучал** — двенадцатилетний «животный» цикл, издревле бытовавший в среде тюркоязычных народов.
- Мысыр. (Мыср)** — Египет.
- Намазгах (перс.)** — площадка, место для соборного моления.
- Накш** — разновидность мелодии.
- Насталик** — почерк, одна из многих разновидностей почерка при пользовании арабской графикой.
- Палан** — (перс.-тадж). — полона.
- Парванача** — один из высших придворных чинов.

- Пир — (перс.-тадж.) — старец, духовный наставник. Учитель.
- Рабат — укрепленный постоянный двор на дорогах.
- Раджаб — седьмой месяц мусульманского лунного года.
- Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного года.
- Рамали-мусамман — стихотворный размер; усеченный восьми-стопный роман.
- Рисалья — трактат.
- Рубай — четверостишие, зарифмованное по схеме: а-а-б-а.
- Руза — месяц поста, рамазан — девятый месяц мусульманского лунного года.
- Рум — Малая Азия, Византия, иногда шире — Западная Европа.
- Рустам — герой древне-иранского эпоса, воспетый, в частности, Фирдоуси.
- Савт — разновидность мелодии.
- Садр — сановник по делам религии.
- Саки-наме — философское стихотворение на тему о вине.
- Сарбадар — букв. перс.-тадж. «голову на виселицу», воин-доброволец, ради свободы готовый на смерть. Так называли себя участники анти-монгольского восстания в Сабзеваре и других городах Хорасана в XV веке. Восстание было направлено также против гнета местных феодалов.
- Сарт — слово, употребляемое у Навои и его современников в смысле оседлого персоязычного населения городов.
- Сафар — второй месяц мусульманского лунного года.
- Сахибкыран — «родившийся под счастливую звездой», традиционный эпитет властителей мусульманского Востока.
- Сеиды — привилегированное сословие, считавшее себя потомками первых мусульман, сподвижников пророка Мухаммеда.
- Сейхун — одно из названий Сырдарьи в прежние века.
- Си мург (перс.-тадж) — «тридцать птиц».
- Сулейман — библейский царь Соломон.
- Сура — возвышение в саду.
- Сура — глава корана.
- Табиб — врачеватель
- Таджнис — сквозная рифма, основанная на омонимии, либо на игре слов, характерна для туюга.
- Тамга — родовой, племенной знак, также печать, герб.
- Таньга — мелкая монета.
- Тарджи — стихотворение с припевом, состоящим из двух рифмующихся полустуший.
- Тарджибанд — букв. арабско-перс. «повтор строф», то есть неоднократное повторение строф, различных

- по ритму и рифме, но трактующих одну и ту же тему, причем так, чтобы это по смыслу было связано со строфами стихотворения «включающего».
- Таркибанд** — особый жанр стихотворения, в каждую строфу которого вставляются отдельные бейты.
- Тарикат** — высокая степень духовного самосовершенствования мусульманских мистиков — суфиев.
- Тарси** — стихотворный прием, заключающийся в звуковом и ритмическом соответствии первого и второго мисра, имеющих и внутренние рифмы.
- Тахт** — трон, престол.
- Таш** — мера длины; 70—80 километров.
- Тахаллус** — поэтический псевдоним.
- Туман** — десять тысяч.
- Туюг** — четверостишие, в рифмовке строк которого обычно используется омонимия т.е. игра слов.
- Устад** — наставник, учитель.
- Фани** — (поэтический псевдоним) — переходящий; уходящий из мира.
- Фард** — короткое стихотворение, состоящее из одной строфы.
- Фарсаг** — мера длины; примерно 7—8 километров.
- Френг** — европеец.
- Френгский** — от френг, то есть франк, европеец.
- Хадж** — паломничество в Мекку, вообще к мусульманским святыням.
- Хаит** — религиозный праздник; разговение после поста — уразы.
- Хамаль** — первый месяц солнечного года (22 марта — 21 апреля).
- Ханака** — постоянный двор.
- Хафиз** — (арабско-перс.) — певец.
- Хирман** — ток, гумно.
- Хиябан** — бульвар, место прогулок.
- Хорасан** — область на левом берегу реки Амударья, ныне, по большей части в пределах Афганистана, а также на северо-востоке Ирана. В годы детства Навои (в правление Шахруха, сына Тимура) Хорасан включал в себя на западе Мазандеран, на востоке — обширные земли вплоть до Кабула. Точные географические рамки Хорасана были неодинаковы.
- Хотан** — город и область в Восточном (Китайском) Туркестане или Синьцзяне; в классической поэзии традиционный абстрагированный образ счастливой страны, прославленной красотой жителей (особенно женщин) ароматичностью растений, тонкостью и изящест-

	вом шелковых тканей, обилием мускуса, добываемого из желез так называемых мускусных ланей (олений).
Худжра	— келья, каморка.
Хутба	— пятничная молитва в мечети.
Хызр	— мифическая личность, наделенная даром бессмертия.
Чаргах	— большое музыкальное сочинение; часть «Шашмакома».
Чин	— древнее название Китая, по преимуществу юго-восточного.
Чистан	— загадка, прибаутка.
Човган	— загнутая на конце длинная палка для игры в мяч верхом на конях.
Шайтан	— дьявол
Ягач	— мера длины, около шести километров.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Об этой книге	3
-------------------------	---

Весна времен жизни

1. Родина Алишера	9
2. «Захочешь в глубь истории взглянуть»	15
3. Герат. Семья родителей Алишера	22
4. Самарканд и вилайеты	36
5. Пробуждение гения	40
6. Главная школа	51
7. Учение и упражнения	65
8. Четыре новых друга	73
9. «Зуллисанайн». Оценка великого учителя	87
10. Великий талант и жалкая действительность	95
11. Знаменитое послание	100

Исток животворящих родников молодости

1. И ученик, и учитель	113
2. «... Тебя люблю я, жизнь!»	129
3. Абусаид и Хусейн Байкара	138
4. Первый диван	151
5. Хусейн Байкара — властитель, Навои — государственный деятель	157
6. Сподвижники. Новый Герат	175

Осень времен, пора опадания листьев в саду жизни

1. Навои — строитель	201
2. Навои у себя дома	207
3. Новая литературная среда	219
4. Создание великой «Пятерницы»	233

Зима времен жизни

1. В стороне от двора падишаха, но...	261
2. Новые замыслы	266
3. Первая трещина в дружбе. Астрабад	270
4. Еще один подвиг	288
5. Новые «стрелы». Предвиденье Навои	296
6. Три завещания	301
7. Последние мгновенья. Итог	306
О цитированных произведениях и об их авторах	315
Краткий пояснительный словарь	320

Иззат Султан

(Иззат Атаханович Султанов)

КНИГА ПРИЗНАНИЙ НАВОИ

Перевод со второго, дополненного и исправленного издания на узбекском языке. Иззат Султан. (Сочинения в 4-х томах, том 3). Издательства литературы и искусства имени Гафура Гуляма —1973

Редактор *И. Заленская*
Художник *А. Сабиров*
Художественный редактор *В. Нежировский*
Технический редактор *Т. Смирнова*
Корректор *Э. Саидова*

ИБ № 659

Сдано в набор 02. 04. 79. Подписано в печать 22. 12. 79. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ л 17,22. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 15000. Заказ № 1262. Цена 1р. 30к. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Полиграфкомбинат Ташкентского производственного полиграфического объединения «Матбуот». Государственного комитета УзССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ташкент, ул Навои, 30.